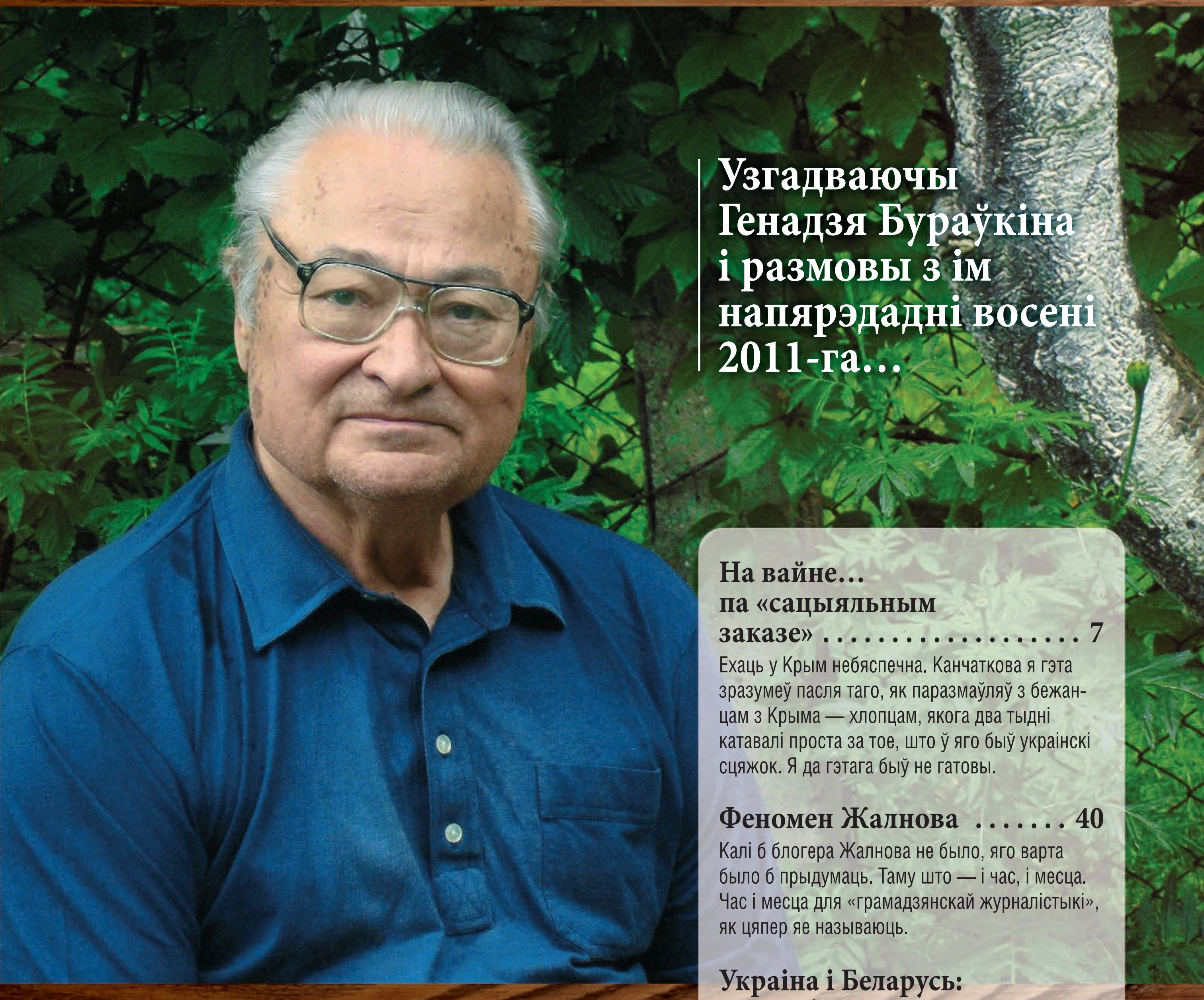
ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ

№ 2 (105) 2014

аБАЖУР

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

Узгадваючы Генадзя Бураўкіна і размовы з ім напярэдадні восені 2011-га…

Зварот ГА «БАЖ» да міжнародных журналісцкіх арганізацый

Расійска-ўкраінскі канфлікт, як ніколі дагэтуль, абвастрыў пытанне журналісцкага прызначэння і адказнасці. Журналісты гінуць і церпяць на многіх войнах: іх выкрадаюць, вярбуюць, забіваюць, — але не кожная вайна пагражае журналістыцы як прафесіі.

У расійска-ўкраінскім канфлікце мы сутыкаемся з абуральнымі фактамі фальсіфікавання рэчаіснасці і маніпулявання грамадскай свядомасцю. Некаторыя расійскія журналісты адкрыта прызнаюць, што ўказанні адносна скажэння фактаў прыходзяць ад іх кіраўніцтва з Масквы. Супраць удзелу ў прапагандысцкай агрэсіі выступілі і некаторыя журналісты ў самой Расіі, пра што сведчыць ініцыятыва стварэння там незалежнага прафесійнага саюза.

Розгалас ад гэтай інфармацыйнай вайны даўно перасягнуў межы канфлікту дзвюх краін. Яна непасрэдна ўплывае на свядомасць людзей у памежных краінах, у тым ліку і Беларусі. Таму мы лічым, што сітуацыя з асвятленнем падзеяў на ўсходзе Украіны вымагае тэрміновай ацэнкі міжнароднымі журналісцкімі арганізацыямі. Калі не зрабіць гэтага своечасова, наступствы размывання стандартаў журналістыкі адчуюць на сабе людзі ва ўсім свеце.

Мы заклікаем Міжнародную і Еўрапейскую федэрацыі журналістаў, Асацыяцыю еўрапейскіх журналістаў, Еўрапейскі вяшчальны саюз, іншыя прафесійныя арганізацыі неадкладна правесці маніторынг асвятлення расійска-ўкраінскага канфлікту, ацаніць выкананне прынцыпаў журналісцкай этыкі, паслядоўна дамагацца захавання стандартаў прафесіі, каб спыніць нахабнае выкарыстанне СМІ палітыкамі ў інфармацыйных войнах.

Прынята Праўленнем ГА «БАЖ»

24.06.2014

а БАЖУР
ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 2 (105) 2014 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота на вокладках —
Наталля Каварская (1-я вокладка)
Photo.bymedia.net
Архіў «А»
Генадзь Верацінскі (апошняя)

Выданне зарэгістравана
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 20.06.2014 г.
Дата выхаду 30.06.2014 г.
Фармат 60х84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 600 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Як застацца журналістам на інфармацыйнай вайне?

Масква вядзе інфармацыйную вайну супраць Украіны — гэтая тэза стала для многіх аксіёмай. А чым адказваюць украінскія медыі? І ўвогуле — які адказ у такіх умовах найлепшы?

Аляксандр КЛАСКОЎСКІ,
www.mediakritika.by

Гэтыя пытанні цалкам актуальныя і для Беларусі, якая сёння таксама трапіла ў чорнае сілавое поле ахопленых імперскім імпэтам расійскіх СМІ.

Адказы на гэтыя пытанні я шукаў разам з украінскімі калегамі падчас вандроўкі ў Кіеў.

Змаганне пасля Майдана

Сам Майдан як з'ява фізічная сёння пакідае ўражанне бутафорыі. На гэтым пятачку адшумелай рэвалюцыі (які часовыя ўлады не чапаюць, хоць гэта і стварае перашкоды транспарту) цяпер дамінуе трэшавая стылістыка, разлічаная на турыстаў. Тут збіраюць ахвяраванні, прадаюць сувеніры ў выглядзе залатых батонаў, «візітовак Яраша».

Сур'ёзныя людзі адсюль даўно сышлі, кажа мне суразмоўца з ліку тутэйшых грамадзянскіх актывістаў. Але, дадае яна, Майдан як з'ява духоўная не знік, загартаваныя вулічным змаганнем грамадзяне, калі што, возьмуць на цугундар і новую ўладу.

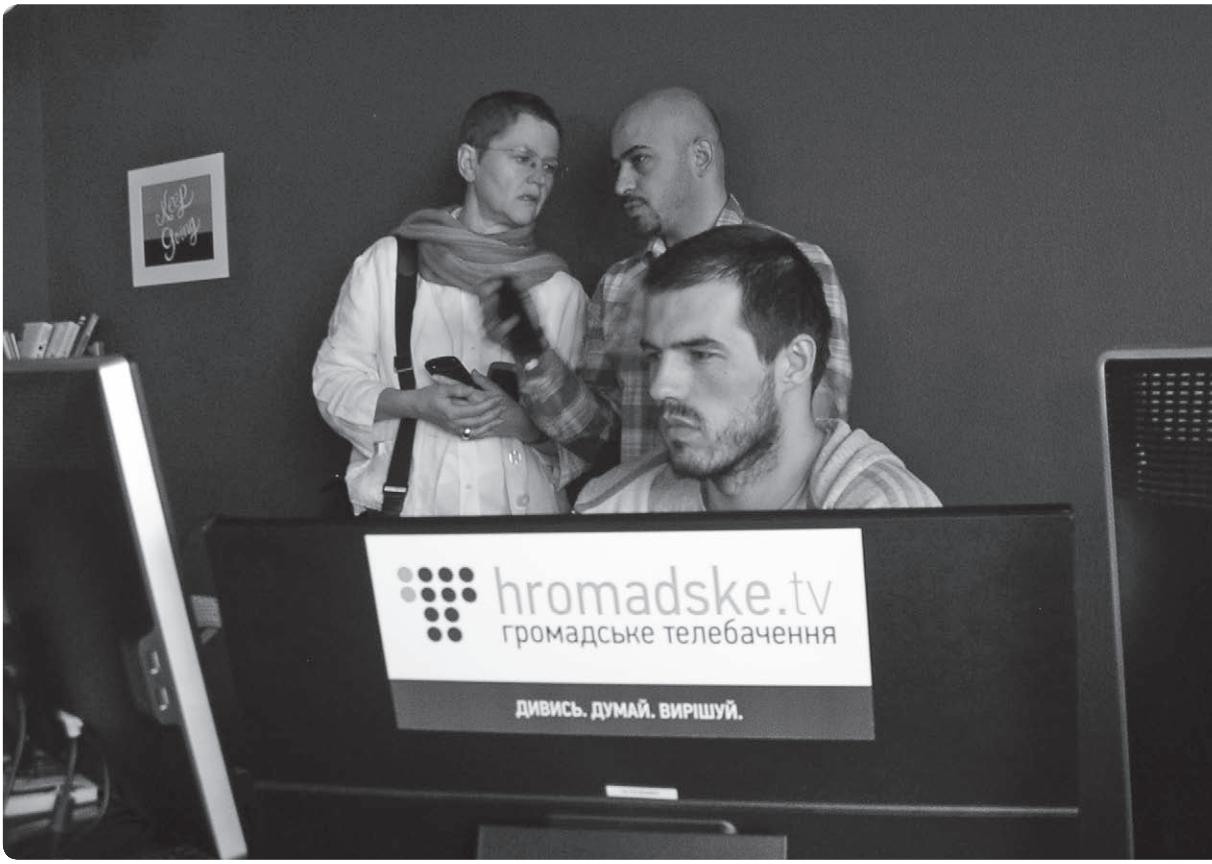
Сёння ж змаганне ідзе на іншых франтах, і лініі падзелу зусім іншыя, чым гэта было мінулай зімой.

Расійская агрэсія памяняла і прыярытэты ўкраінскай журналістыкі.

«Калі быў Майдан, у Адэсе і Харкаве былі каналы, якія не проста выступалі супраць Майдана, гэта быў згустак нянавісці. Тыя каналы і сёння працуюць, але яны не працуюць супраць краіны», — тлумачыць мне Мустафа Наем. Гэты ўкраінскі журналіст афганскага паходжання, калумніст вэб-газеты «Українська правда» ды адзін з натхняльнікаў праекта анлайнавага тэлебачання «Громадське ТБ», нядаўна стаў лаўрэатам прэміі імя Герда Буцэрыуса «Свабодная прэса Усходняй Еўропы».

Асіметрычны адказ

Што да расійска-ўкраінскага канфлікту, то «мы не можам быць аб'ектыўнымі, бо гэта наша краіна», — кажа Мустафа. Мы праходзім па 13-м паверсе адміністрацыйнага будынка ў цэнтры Кіева, дзе «Українська правда» ды «Громадське ТБ» арандуюць памяшканні.

Зазіраем у невялікі пакой, і я не адразу разумею, што тут жывы эфір. Спахопліваюся, толькі калі хлопец, што забяспечвае трансляцыю, незадаволена касавурыцца пасля таго, як спрацаваў бліц майго фотаапарата. «Громадське ТБ» працуе ў спартанскіх умовах, кампактнай камандай энтузіястаў, эфектыўнасць якой у разы большая, чым у калег на вялікіх, традыцыйных, каналах, кажа Мустафа.

Касцяк каманды гэтага анлайнавага тэлебачання склаўся з людзей, што за часамі Януковіча сышлі з іншых медыяў праз заціск свабоды слова. «Мы хацелі прадаць аўдыторыі сваю рэпутацыю», — зазначае мой суразмоўца.

«Громадське ТБ» стала вяшчаць мінулай восенню, за тыдзень да пачатку пратэстаў у Кіеве. І раскруцілася менавіта на асвятленні жыўцом падзей на Майдане ды вакол яго. Сёння ў кадры — найперш тое, што робіцца на ўсходзе і поўдні Украіны.

Наем адзначае, што новыя рэаліі спарадзілі, у прыватнасці, спрэчкі наконт тэрміналогіі: «цітушкі», антымайданаўцы, сепаратысты і г. д. Як найболей дакладна, карэктна маркіраваць тыя ці іншыя групоўкі, плыні, сілы? Адным са спосабаў стала ўжыванне рэмарак кшталту «як іх называюць такія і такія».

Пры гэтым, падкрэслівае Наем, украінскія СМІ не адказваюць сіметрычна на маскоўскую прапаганду: «Расійскія СМІ хочуць паказаць пэўную карцінку, мы ж хочам спазнаць праўду».

«Пасіянарныя медыі не абавязкова маргінальныя»

Іншая рэч, што такі падыход, на думку майго суразмоўцы, зусім не выключае грамадзянскай пазіцыі, пасіянарнасці. І «УП», і «Громадське ТБ» — рэсурсы з выразнай лініяй, тут не саромеюцца экспрэсіі. Рэдакцыі не выпадкова месцяцца побач: у іх працуюць аднадумцы. У пэўным сэнсе гэтыя два СМІ — як злучаныя пасудзіны.

«На шчасце, пасіянарныя медыі ва Украіне, адрозна ад Расіі і Беларусі, не абавязкова маргінальныя», — зазначае Наем.

Ягоны сябра і суаўтар шэрагу журналісцкіх расследаванняў Сяргей Лешчанка, намеснік галоўнага рэдактара «УП», дадае, што за час Майдана наведванне інтэрнэт-выдання ўзнялося ўтрая, да мільёна ўнікальных наведнікаў за суткі. Але пасля прэзідэнцкіх выбараў 25 траўня паказчык можа ўпасці, прызнае Лешчанка.

Аднак хто б ні перамог на выбарах, ён не стане для журналістаў гэтых СМІ святарнай каровай. Не выводзяць яны з-пад крытыкі і цяперашні часовы ўрад.

«Новая ўлада была б рада, каб мы адключыліся на пару месяцаў», — усміхаецца Мустафа. З яго слоў, сёння ў «Громадське ТБ» ёсць выхад на першы нацыянальны канал, перспектыва стаць сапраўдным, вялікім грамадскім тэлебачаннем. Але ў кожным разе яны не збіраюцца ісці шляхам канфармізму.

Дарэчы, «вялікія» ўкраінскія тэлеканалы, на думку Наема, «таксама шмат чаму навучыліся за гэтыя месяцы». Узрасла ўвага да таго, што адбываецца па-за межамі краіны. Набыты досвед працы ва ўмовах ваенных дзеянняў.

Напачатку журналісты ішлі на Майдан без засцерагальнай амуніцыі — акуляраў, бронекамізэлек; без прыкрыцця («тут жа ўсе свае»); хтокольвек праз гэта застаўся без вачэй, калі пачалі свістаць гумовыя кулі, выбухаць гранаты. Сёння «ў гэтым плане ўсе выраслі», адзначае Мустафа.

І ўвогуле, сама праца ў гушчы падзей робіць кантэнт болей праўдзівым, «журналіст у полі ўсё ж стараецца даць аб’ектыўную карцінку».

Добры аўтар шануе рэпутацыю

Паводле Наема, «пасля Майдана стала прыемна глядзець адзін аднаму ў вочы і не хлусіць. Ні ў кога няма жадання пераступаць мяжу і займацца прапагандай з гэтага боку. У нас іншыя мэты — інфармаваць пра тое, што адбываецца на ўсходзе, а не ваяваць супраць Пуціна».

Але ёсць і іншы аспект праблемы. «Украіна аказалася абсалютна не гатовай да інфармацыйнай вайны. У нас адсутнічае дзяржаўная інфармацыйная палітыка», — жорстка заявіла Юлія Маставая, галоўны рэдактар выдання «Дзеркало тиждня» («Зеркало недели»).

Прыватныя ж СМІ, паводле яе слоў, вызначаюць сваю палітыку, як могуць. Свой тыднёвік рэдактарка прылічвае да якаснай прэсы. Падкрэслівае: «Мы не друкуем палітычную джынсу. Ніколі». Дадае: асаблівасць «Дзеркала тиждня» не толькі ва ўменні здабываць эксклюзіўную інфармацыю, але і «ва ўменні счытваць трэнды, прагназаваць».

Мастовая кажа: «“Дзеркало тиждня” — гэта газета аўтарскай журналістыкі. Нашы аўтары — гэта людзі, якія разумеюць адказнасць перад грамадствам і дзяржавай. Яны заўжды будуць на баку цалкам відавочных фактаў».

Рэдактарка пералічвае гэты набор відавочнасцяў з гледзішча выдання — ад расійскай анексіі Крыма да няздольнасці цяперашняй украінскай улады.

Беларусь на чарзе?

Трэба прызнаць: ва Украіне таксама ёсць рэсурсы, што выглядаюць зусім аднабаковымі, не цураюцца публікацыі неправераных звестак. І разам з тым у кантэксце сённяшняга супрацьстаяння між Масквой ды Кіевам пазіцыі медыяў дзвюх краін зусім не сіметрычныя.

Амаль што ўсе расійскія СМІ сталі інструментамі ці закладнікамі аўтарытарнай улады, якая зрабіла стаўку на агрэсію, раздзіманне імперскіх інстынктаў. Прынцыповая адрознасць украінскай сітуацыі ў тым, што, як зазначыў адзін з маіх суразмоўцаў, «у краіне ёсць якая-ніякая дэмакратыя, і таму ўлады ў прынцыпе не могуць арганізаваць інфармацыйную вайну».

Калі існуе масіў адносна незалежных СМІ, то медыйная супольнасць не ходзіць шыхтом, не шчоўкае абцасамі. Многія выданні ва Украіне за лепшы адказ на інфармацыйную агрэсію ўважаюць прафесіяналізм, якасную журналістыку. Пры тым што журналісты, безумоўна, пачуваюцца патрыётамі Украіны.

У беларускіх жа рэгіёнах (Гомель, Брэст) тым часам украінскія каналы адключаюць. А вось расійскае вяшчанне ўлады чапаць баяцца. Мазгі беларусаў апынуліся пад тэрмаядзерным уздзеяннем шавіністычнай маскоўскай прапаганды.

Вярхоўка беларускай улады, пэўна, адчувае небяспеку інфармацыйнай агрэсіі з расійскага боку, але пакуль што, паводле экспертаў, не надае ёй такога значэння, каб рабіць нейкія радыкальныя захады. Заўтра ж, аднак, можа быць позна.

Ды і захады ўлада ўмее рабіць збольшага забаронныя. Ну ці арганізаваць прапагандысцкае мачылава ў адказ. Але гэта не рашэнне. Трэба развіваць уласную медыйную прастору. Бо сапраўдным адказам на брудную, чорную плынь хлусні ды шалу мусіць быць якасная, сумленная журналістыка.

Фота аўтара

Зміцер ГАЛКО,
«Новы Час»

Крымскі палон:

прастрэленыя ногі, адрэзанае вуха, катаванні токам і гімнам РФ

З самага пачатку мне не падабаўся ўведзены ва ўжытак з нечай «лёгкай рукі» выраз «ветлівыя людзі» ў дачыненні да захопнікаў Крыма.

На мой погляд, ён мог быць часткай інфармацыйнай вайны, якая працавала на агучанае Пуціным сцверджанне, нібыта не бывае інтэрвенцый без адзінага стрэлу, а значыць, у Крыме была не інтэрвенцыя. Нешта кшталту аперацыі па навядзенні парадку.

Знаёмаму з гісторыяй чалавеку вядома, што такія інтэрвенцыі ўжо былі, менавіта гэтак Гітлер захапіў Судэты. Але я не пра гістарычныя аналогіі, я пра хлуслівасць «ветлівага» вобраза акупанта. Мне хапіла адной сустрэчы ў херсонскім шпіталі з хлопцамі, якія амаль два тыдні знаходзіліся ў крымскім палоне, каб гэты вобраз рассыпаўся ў прах.

Маіх суразмоўцаў завуць Андрэй Шчакун і Юры Шаўчэнка. Аб'ядноўвае іх толькі пекла крымскага палону, праз якое яны прайшлі, бо да гэтага хлопцы былі незнаёмыя.

Андрэй — свядомы ўкраінец, родам з Львоўшчыны, філолаг па адукацыі, апошнія 23 гады жыў у Бахчысараі з жонкай і трыма дзецьмі. Жонка з мясцовых, дзеці нарадзіліся і выраслі ў Крыме. Узначальваў грамадскую арганізацыю «Украінскі дом», змагаўся за ўкраінскую школу, апошнімі месяцамі быў актывістам крымскага Еўрамайдана. Асоба вядомая і публічная. Напярэдадні святкавання 200-годдзя з дня нараджэння Тараса Шаўчэнкі ён прыйшоў на вакзал у Сімферопалі, каб забраць пяцьдзясят украінскіх сцягоў, якія перадалі для яго з мацерыковай Украіны. Гэта скончылася для яго амаль двухтыднёвым палонам.

Юрый — зусім малады хлопец з Паўлаграда, што на Днепрапятроўшчыне, без асаблівай цікаўнасці да палітыкі. Магчыма, менавіта гэтая акалічнасць ледзь не стала для яго фатальнай. Бо ён паверыў свайму крымскаму сябру, што на паўвостраве «ўсё ціха, нармальна», і прыняў яго запрашэнне прыехаць у госці, узяўшы з сабой заплечнік «з рэчамі па сезоне». Яго таксама затрымалі на вакзале ў Сімферопалі, бо прынялі за «актывіста нейкай радыкальнай арганізацыі».

«Гэта былі вельмі агрэсіўна настроеныя людзі, — распавядае Юрый. — На маё пытанне, міліцыя яны ці хто, мне проста заламалі рукі за спіну, надзелі кайданкі, узялі за каўнер і кінулі ў легкавую машыну. На падлогу паміж пярэднім і заднім сядзеннямі. Крычалі, што "ты казёл, урод, прыехаў нам тут усю маліну псаваць". Потым чалавек, які сядзеў на пярэднім сядзенні, дастаў нож, прыгразіў, што зараз парэжуць

мяне тут на кавалкі. І адрэзаў у мяне кавалак вуха…»

Юрыя некуды прывезлі, выкінулі на вуліцы, дзе збілі на горкі яблык на асфальце, потым перадалі іншай групе. Калі першая падобная па апісанні да так званай «самаабароны Крыма», то другая была апранутая ў форму «Руская бярозка»: людзі ў масках, з рацыямі, узброеныя аўтаматамі. Хтосьці з іх сказаў: «Прастрэльце яму, на хрэн, ногі». І Юрыю сапраўды прастрэлілі абедзве нагі, гумавыя кулі даставалі ўжо ў Херсоне, больш чым праз тыдзень.

Журналісцкі батальён (першы справа Дзмітрый Галко) у г. Дзімітраў

Юрыя зацягнулі ў нейкае памяшканне, кінулі тварам на падлогу, дзе ён праляжаў у лужыне ўласнай крыві, пасля чаго распранулі да майткоў, прывязалі скотчам да крэсла так, што паварушыцца было зусім немагчыма. Хлопец запытаўся ў сваіх захопнікаў, дзе ён, што з ім…

Дзмітрый Галко на Херсоншчыне, развозіць па ўкраінскіх часцях гуманітарную дапамогу

«“А ты падумай, — адказвалі яны мне, — навошта ты ехаў, што ты планаваў, хіба не разумееш, куды ты трапіў?” У такім нахабным тоне ўсё…» — расказвае Юрый.

Адбывалася ўсё, па словах хлопца, як на вайне, без стварэння бачнасці захавання хоць нейкай законнасці. Гэта толькі ў побыце гаворыцца, што «вайна ўсё спіша», на самой справе злачынствы застаецца злачынствам нават ва ўмовах вайны. І за яго, хочацца верыць, вінаватыя аднойчы адкажуць.

Раз-пораз да Юрыя заходзіў чалавек з аўтаматам, моўчкі наводзіў на яго зброю і рабіў выгляд, што зараз стрэліць. Пасля таго як Юрый змог вызваліцца ад скотча, яго прыкавалі кайданкамі да батарэі.

«Допыты, допыты, допыты… Ну, мне не было чаго хаваць, я ўсё расказваў, але іх мая простая гісторыя не задавальняла. Яны хацелі расказаў пра баевікоў “Правага сектара”, дзе іхныя атрады хаваюцца ў гарах… Ды адкуль мне ведаць?!» — гаворыць хлопец.

Потым Юрыя прывезлі да астатніх закладнікаў. Тут яны ўсе знаходзіліся з завязанымі вачыма, некалькі дзён іх не выводзілі нават у прыбіральню, даводзілася хадзіць пад сябе…

Юрый дадае, што яму «яшчэ пашанцавала». Праз нанесеныя адразу моцныя раненні яго ўжо асабліва не чапалі, нават дазволілі спаць на матрацы — астатнія туліліся хто на падлозе, хто на крэслах. А вось з хлопца, які быў на Майдане ў Кіеве, здзекаваліся пастаянна. Апроч фізічных катаванняў і «трэніровак» («упаў-адціснуўся»), прымушалі спяваць расійскі і савецкі гімны, крычаць «Слава Расіі!» і да т. п. Увесь час прыходзілі новыя людзі, каб паздзекавацца з яго.

«Хоць я таго хлопца і не ведаў зусім, вы разумееце, душу рвалі гэтыя здзекі, яны ж пры нас усіх адбываліся… А як ён страшна крычаў! Мне падалося, што я навечна трапіў у пекла», — дрыготкім голасам згадвае Юрый.

Праз тыя ж самыя выпрабаванні прайшоў і Андрэй Шчакун разам са сваім паплечнікам, 64-гадовым Анатолем Кавальскім, выкладчыкам аграрнага ўніверсітэта ў Сімферопалі. Яны сапраўды знаходзіліся на вакзале з «палітычнай» мэтай, і спачатку іх затрымала міліцыя «для высвятлення». Дакладней, дружыннікі з чырвонымі павязкамі савецкага ўзору і георгіеўскімі стужкамі, якія адвялі іх у аддзяленне. І ўжо адтуль іх забралі асобы з невядомым статусам, адвезлі ў нейкі падвал на машыне Анатоля Кавальскага, якую, натуральна, прысвоілі. Мужчынаў збілі, скруцілі рукі, завязалі вочы і распранулі дагала…

Андрэя і Анатоля, апроч усяго, катавалі токам. Чаго дамагаліся? Усё таго ж — базы, паролі, імёны баевікоў «Правага сектара»…

Нейкае прадчуванне бяды прымусіла Андрэя за колькі дзён да акупацыі вывезці сям'ю на мацярык. Але ў Бахчысараі ў яго засталася трохпакаёвая кватэра. У Анатоля Кавальскага — дом у Сімферопалі. Яны не змогуць туды вярнуцца, пакуль на іх зямлі знаходзяцца «ветлівыя людзі», а калі быць дакладным — параноідальныя садысты.

Сяргей ПУЛЬША

На вайне...
па «сацыяльным заказе»

Фота Аляксандра Хаменкі, gordonua.com

Журналіст газеты «Новы час» Дзмітрый Галко, больш вядомы як блогер Будзімір, і не падазраваў, што, скіраваўшыся на ўсход Украіны, патрапіць у зону баявых дзеянняў. Калі ён туды выправіўся, вайны яшчэ не было. Але яна пачалася, і, замест запланаванага месяца, камандзіроўка зацягнулася на 90 дзён. Адметнасць гэтай паездкі ў тым, што на яе быў своеасаблівы «сацыяльны заказ»: самі чытачы, зацікаўленыя ў інфармацыі з «гарачай кропкі», дапамагалі Зміцеру матэрыяльна.

Камандзіроўка па «сацыяльным заказе»

— Дзмітрый, як увогуле з'явілася ідэя не толькі паглядзець на Данбас, але і прыцягнуць у якасці «спонсараў» чытачоў?

— Жаданне паехаць на ўсход Украіны ў мяне з'явілася праз недахоп інфармацыі. Адпачатку я сачыў за Майданам і ўсё гэта перажываў. Калі пачаліся падзеі на ўсходзе Украіны, былі ўсяго толькі кароткія навіны: маўляў, робіцца тое і тое. А чаму яно робіцца, што там насамрэч — незразумела. Мала было вялікіх артыкулаў пра настроі ў суседняй краіне, пра магчымы шлях развіцця падзеяў. Бо насамрэч пра ўсход Украіны існуе не менш стэрэатыпаў, чым пра захад.

Камандзіроўка «па заказе» — справа не такая ўжо і новая. Ёсць прыклад Аркадзя Бабчанкі з ягоным праектам «Журналістыка без пасярэднікаў». Ён ужо даўно ездзіць па тых рэгіёнах, дзе адбываюцца сацыяльна значныя падзеі, на «спонсарскія грошы». Чытачы, зацікаўленыя ў праўдзівай, аб'ектыўнай і непадцэнзурнай інфармацыі, скідваюцца яму на камандзіроўку. Тут журналіст адказвае толькі перад чытачамі. Мяне гэты прыклад натхніў, і я паспрабаваў пашукаць такую падтрымку. Матэрыяльна мне дапамагалі чатыры-пяць чалавек, а асноўную частку грошай даў знаёмы праграміст.

Напрыканцы маёй працы ва Украіне пачалі прапаноўваць сродкі новыя людзі. Але я ўжо з'язджаў, і гэтыя грошы мне былі непатрэбныя.

— Калі ты туды ехаў, ты ўсведамляў, што едзеш у «гарачую кропку»?

— Па-першае, тады, калі я ехаў на ўсход Украіны, ніякай «гарачай кропкі» там не было. Канешне, ідэя гэтай «Наварасіі» там лунала ў паветры, але ніякіх баявых дзеянняў яшчэ не адбывалася. Баі ішлі ў Крыме, аднак я спачатку наведаў Харкаў і Данецк. І не было адчування, што можа здарыцца нешта такое, як адбываецца там зараз. Я ехаў ва ў нечым, магчыма, варожы, непрыемны, але не ў небяспечны рэгіён. Паездку планаваў так, каб апошнім рэгіёнам вандроўкі менавіта ў дзень рэферэндуму быў Крым. Але туды я ўжо не трапіў — і нават не спрабаваў пасля таго, як сустрэўся з крымскімі закладнікамі. Тым больш, за мной ужо цягнуўся нейкі «ўкраінскі след», асабліва пасля Данецка, дзе я жыў у адным пакоі з невядомым хлопцам. У ягоных рэчах знайшлі выбухоўку. Мяне потым дапытвала СБУ, нешта я ім пра таго хлопца казаў, паказанні даваў. Пра гэта пісалі, і пасля гэтага ехаць у Крым было небяспечна.

Канчаткова я гэта зразумеў пасля таго, як паразмаўляў з бежанцам з Крыма — хлопцам, якога два тыдні катавалі проста за тое, што ў яго быў украінскі сцяжок. Я да гэтага быў не гатовы.

Тое, што адбылося ў Данецку і Харкаве пасля, гэта цяжка было ўявіць… Параўнаць Данецк, калі я прыехаў туды ў першы раз, у другі, тым больш трэці, — гэта нібыта розныя гарады.

Так здарылася, што падзеі быццам ішлі за мною. Толькі выехаў з Харкава — на наступны ж дзень там адбылося крывавае пабоішча. Выехаў з Данецка — і там такая ж бойня. Потым быў адносна спакойны перыяд — Херсоншчына, дзе я затрымаўся тыдні на два, калі не больш. Мы ездзілі з дапамогай па вайсковых часцях украінскай арміі, на мяжы з Крымам.

Пакуль я ездзіў па Херсоншчыне, наведваў Адэсу і Кіеў, полымя грамадзянскай вайны ахапіла Данбас.

Журналістыка вайны

— Як там працуюць журналісты, мо з якімі калегамі давялося сустрэцца?

— Напачатку, у Данецку, ніякіх працоўных адметнасцяў не было. Там я ў асноўным «круціўся» на цэнтральнай плошчы, нават задаў колькі пытанняў мэру горада, калі ён выступаў з нагоды 200-годдзя з дня нараджэння Тараса Шаўчэнкі. Размаўляў там з актывістамі і Майдана, і Антымайдана. Тады яны і самі паміж сабою разумеліся — проста збіраліся на вуліцах у купкі і спрачаліся… А скончылася гэта, як у Луганску: заводзяць цябе за барыкаду, за калючы дрот, там нават вышка стаіць, як у ГУЛАГу, замацоўваюць за табой палявых камандзіраў, якія сочаць — ані кроку ўлева, ані кроку ўправа. І размаўляць, зразумела, можна было толькі з імі, а яны расказвалі толькі тое, што лічылі патрэбным. Са звычайнымі байцамі ў такіх варунках не паразмаўляеш…

А потым у Данецку, у ДНР, увогуле ўвялі акрэдытацыю, без якой нельга было працаваць. Зразумела, я яе не браў, бо цябе заносяць у нейкую базу дадзеных, кантралююць твае дзеянні, пра што ты будзеш пісаць. Зрабіў нешта не тое — і можаш адтуль і не вярнуцца.

Замежнікі — тыя не надта «парыліся» праз гэтую акрэдытацыю, асабліва тыя, хто піша, напрыклад, на італьянскай альбо французскай мове. Іх кантраляваць больш складана. Шмат хто «акрэдытаваўся ў ДНР» наступным чынам: чаплялі на сябе гэтыя «георгіеўскія стужачкі» і хадзілі з імі, як з пропускам. Я ж маскіраваўся пад перакладчыка пры замежніках.

Але нават акрэдытацыя ды стужачкі не заўсёды дапамагалі, бо нечакана маглі накінуцца на журналіста, збіць, разбіць тэхніку нізавошта: «Што здымаеш, чаму здымаеш, а ну-ка, выдалі, а ну-ка, пакажы…» Там проста кожны шараговы актывіст ДНР адчувае ўладу, бо за ім стаяць людзі са зброяй, і яны імкнуцца сваю «ўладу» прадэманстраваць. Я некалькі разоў назіраў такія «гопстопныя» дагляды, калі фотаздымкі знішчалі, відэатэхніку ўшчэнт разбівалі без усякіх прычын. Не спадабаўся — і ўсё.

Пра бяспеку

— Калі ты зразумеў, што трапіў у зону баявых дзеянняў, ты хоць нешта прачытаў пра паводзіны журналіста ў такіх сітуацыях? Дапаможнікі, інструкцыі, якія ёсць у інтэрнэце…

— Не, асабліва я такога нічога не чытаў — з інтэрнэтам там напруга. Але я сустракаў, зразумела, журналістаў буйных карпарацый і выданняў, мы з імі перасякаліся, размаўлялі… Канешне, напрыклад, BBC ці да іх падобныя значна больш экіпіраваныя. Яны могуць дазволіць сабе наняць машыну з кіроўцам, у іх цудоўныя шлемы, бронекамізэлькі. Яны мне распавядалі, што праходзілі адмысловую падрыхтоўку ці то ў Сербіі, ці то ў Косаве, у нейкім напаўвайсковым лагеры, кшталту «курсаў маладога байца» для журналістаў, якія мусяць працаваць у «гарачых кропках». Розніца паміж такімі журналістамі і мясцовымі, альбо фрылансерамі, канешне, каласальная.

Тым не менш… Часам здаралася, што «крутыя» журналісты з усёй іх тэхнікай і бронекамізэлькамі кідалі сваіх калег у даволі небяспечных сітуацыях. Напрыклад, калі мы былі ў Благадатным. Благадатны — гэта тое месца, дзе тэрарысты расстралялі блокпост украінскіх вайскоўцаў, шмат было загінулых. У прэсе гэты выпадак падавалі як расстрэл пад Валнавахай. Насамрэч Валнаваха ад таго месца даволі няблізка. На французаў, з якімі

я быў, накінулася група ўшчэнт п'яных людзей, спрабавалі іх камеру разбіць… А іншыя паглядзелі са свайго мікрааўтобуса, памахалі рукамі, маўляў, «мы бачым, у вас праблемы», і… з'ехалі.

— Пакуль ты быў там, у нас тут адбылася дыскусія. Частка прафесійных журналістаў заклікала астатніх не сунуцца ў «гарачыя кропкі» без падрыхтоўкі і лепш сядзець дома, чым быць там забітым… Што ты можаш сказаць на гэта?

Дзмітрый Галко на Херсоншчыне, развозіць па ўкраінскіх часцях гуманітарную дапамогу

— Часткова яны маюць рацыю, але насамрэч там вельмі шмат было і не падрыхтаваных журналістаў. Галоўнае, што я магу сказаць са свайго досведу, дык гэта тое, што не трэба, як кажуць, нарывацца. Італьянскі журналіст, якога забілі ў Славянску, і паранены там жа француз былі цалкам непадрыхтаваныя. Канешне, можна казаць, што яны былі без бронекамізэлек. Але навошта яны паехалі разам з сепаратыстамі здымаць, як тыя падрываюць нейкі мост? Гэта ўжо мяжуе з удзелам у тэрарыстычнай дзейнасці, і тут зусім неістотна — з бронекамізэлькай ты ці без яе.

Пасля таго як сепаратысты нас затрымалі ў Славянску, нас сфатаграфавалі, занеслі ў нейкі спіс, я даваў інтэрв'ю з гэтай нагоды — і вярнуцца ў Славянск я больш не спрабаваў. Хаця, канешне, цікава — там «самая гарачая кропка». Але для мяне, там ужо «засвечанага», ехаць туды было ўжо неапраўданай рызыкай.

У канцы паездкі мне, шчыра кажучы, адзін раз сарвало «клемку». Якраз у Данецку пачалася актыўная фаза антытэрарыстычнай аперацыі, і мы палезлі туды, дзе была перастрэлка. І я падумаў: «Ё-маё, а што я тут раблю? Я не стрымер, я не перадаю нічога ў жывы эфір, раптам мяне тут заб'юць, а дзеля чаго? Незразумела…»

Так што галоўная парада — гэта найперш думаць і разважаць пра ўзровень рызыкі. Часцяком яна бывае неапраўданай.

Хаця не аднойчы здаралася, што такія «звычайныя» журналісты ці фрылансеры апераджалі журналістаў з «наварочаных» медыякарпарацый. Бо яны маглі дазволіць сабе тое, чаго не маглі «карпарацыйныя» журналісты. Напрыклад, на месцы забойства ўкраінскіх вайскоўцаў у Благадатным мы апынуліся раней за ўсіх «крутых» з іх мікрабусамі і джыпамі. Бо частка «нашых» хлопцаў проста аб'ехала блокпост. Яны дамовіліся з нейкім мясцовым п'янчугам, які за 20 грыўнаў правёў іх праз поле ў абыход. Думаю, што журналісты CNN не сталі б такога рабіць.

Ці, скажам, сітуацыя з украінскімі вайскоўцамі, калі мы прабылі з імі больш за суткі і нават пераначавалі на тэрыторыі іх падраздзялення. Фармальна для таго, каб патрапіць у вайсковую часць, трэба ехаць у Кіеў, браць дазвол, у тым ліку на фатаграфаванне і г. д. А так мы пад'ехалі: «Слава Украіне!» — «Героям слава!» — «Як вы тут, хлопцы?» і гэтак далей, адно да аднаго, і мы правялі ноч у часці спецпрызначэння, сярод роты снайпераў, куды афіцыйна журналістам шлях закрыты.

Зараз аптымальны варыянт для працы на ўсходзе Украіны — гэта прыехаць туды, ну калі не турыстам, то блізка да гэтага. Пабыць там тыдзень-другі, а пісаць ужо потым, каб не ведалі — што ты, хто ты і пра што пішаш.

Мне падаецца, што, напрыклад, Ілля Азар, былы журналіст Lenta.ru, які вельмі доўга там знаходзіцца, пачынаў свае рэпартажы ў адной танальнасці, а зараз гэта проста расійская прапаганда… Проста ў яго іншага выйсця няма! Там ты — пад кантролем. Каб там заставацца, ты павінен пісаць тое, што падабаецца сепаратыстам, інакш цябе проста заб'юць, альбо давядзецца адтуль з'язджаць.

Вельмі добра там знаходзіцца групай, бо трэба шмат ездзіць, і не толькі па горадзе. Калі вас, напрыклад, шасцёра, лягчэй наняць машыну. І не толькі ў матэрыяльным плане. Вялікую групу не так лёгка затрымаць. Я думаю, што ў Славянску сепаратысты нас не ўзялі ў палон у немалой ступені яшчэ і таму, што гэта было, па-першае, сярод белага дня, а па-другое — мы былі ўтрох. Хаця што насамрэч спрацавала і чаму нас адпусцілі, дакладна невядома.

Сацсеткі — зло!

— А ты не баяўся, што можаш «засвяціцца» праз Фэйсбук альбо Жывы журнал? Тым больш што там у цябе фоткі былі і з нейкім снайперам, і на фоне бэтээраў?

— Так, усведамленне гэтага прыйшло ўжо потым, і сапраўды, шмат хто мне раіў разлочыцца з Фэйсбуку. Але там вельмі працяглая працэдура, а мне Фэйсбук быў патрэбны як сродак хуткай сувязі. Калегі потым падказалі, што, напрыклад, журналістка з Францыі проста змяніла сабе імя ў Фэйсбуку, і знайсці яе там было ўжо складана.

З сацыяльнымі сеткамі ў «гарачай кропцы» трэба быць вельмі абачлівым. Бо вамі могуць заняцца надта ўедлівыя людзі.

Спынілі нас аднойчы на блокпасту, і як мы яго праехалі, я дагэтуль не ведаю… Чапляліся да ўсяго. Паглядзелі, ці вісяць у таксіста георгіеўскія стужачкі, якое ён радыё слухае, мясцовае — добра. Хлопцы скемілі, пахавалі ўсе карткі з фотаапаратаў — хто ў майткі, хто ў шкарпэткі, бо ў іх там на здымках і батальён «Днепр», і параненыя ўкраінскі салдат у шпіталі, і самаабарона ў Дабраполлі, і шмат чаго яшчэ. Засталіся толькі пачатковыя здымкі з выбараў, калі скрыні былі яшчэ пустыя, іх прагледзелі і сказалі: «Добра асвятляеце, што ніхто не галасаваў».

Мяне там выратаваў хіба што беларускі пашпарт — паглядзелі на яго, сказалі: «Зямляк». Але пры гэтым мне давялося паказваць цуды акрабатыкі на пальцах, бо пашпарт аказаўся закручаным у жоўта-блакітную стужку, якую я на нейкай імпрэзе аўтаматычна сунуў у кішэню. Я спрабаваў дастаць пашпарт так, каб не было бачна гэтай стужкі… І добра яшчэ, што мой тэлефон быў разраджаны і яго не здолелі ўключыць, бо там былі фотаздымкі, афармленне, застаўкі — усё ўкраінскае… Калі б паглядзелі на кантакты і Фэйсбук — усё, кранты былі б… Для расстрэльнага «артыкула» па мерках сепаратыстаў хапіла б.

Так што трэба быць вельмі ўважлівым да таго, што і чым ты фатаграфуеш, карыстацца «воблачнымі» тэхналогіямі, не насіць з сабою ў кішэнях непатрэбную драбязу, а галоўнае — не ездзіць уначы праз блокпасты.

Каму на вайне жыць добра

— З расійскімі журналістамі даводзілася сустракацца, як яны працуюць?

— Што тычыцца Славянска і падобных мястэчкаў — для іх там «зялёнае святло», ледзь не чырвоную дарожку раскладаюць. Там яны ходзяць вальяжна, няспешна, з усёй апаратурай і ўсюды, ніхто да іх не чапляецца. Не ведаю, ці трэба была ім тая акрэдытацыя ў сепаратыстаў…

Уражанні ад іх працы, хутчэй, малапрыемныя. Нам у Адэсе ў шпіталі не ўдалося пагаварыць з тымі, хто гарэў у Доме прафсаюзаў. Нам казалі: «Вы разумееце, гэта рэанімацыя, усе ў цяжкім стане», — і гэтак далей. Мы, як кажуць, «увайшлі ў становішча». А расійская журналістка ўчыніла вэрхал, маўляў, ляцела сюды за тысячы кіламетраў… Узяла за горла гэтых медыкаў, з мацюкамі, «выбіла» для размовы аднаго хлопца. Але пытанне: навошта ёй было так нахабна ціснуць на ўрачоў і прыкладаць столькі намаганняў? Бо яна таго ж хлопца ўзяла за грудкі і пачала навязваць яму тое, што ён павінен ёй расказаць, а менавіта, што гэта «Правы сектар» там усіх забіваў. Яна проста змушала гэтага хлопца пацвердзіць яе думку. Вось такая «журналістыка»…

Яўген Фельдман з «Новай газеты» — я бачыў, як ён здымаў захоп Данецкай абласной адміністрацыі батальёнам «Усход». Ён таксама крычаў, што ён расійскі журналіст і каб яго не чапалі. Хаця ён, будзем так казаць, «не зусім правільны» расійскі журналіст, але тым не менш.

— А ўкраінскія журналісты?

— Украінскія журналісты там увогуле не працуюць. То бок працуюць альбо інкогніта, альбо, як і я, у якасці «перакладчыкаў» з замежнымі сябрамі. Бо там іх калі не заб'юць адразу, дык і тое добра. Асабліва яскрава гэта выявілася ў Марыупалі. Калі мы туды прыехалі, сепаратысты там стаялі яшчэ мітынгам. І казалі, тыцкаючы пальцамі ў наш бок: «Глядзіце, каб гэта былі не бандэраўцы (то бок журналісты-ўкраінцы) альбо немцы». Чаму немцы? Відаць, па іх разуменні, немцы — гэта значыць фашысты.

Журналіст Поль Гаго напісаў з нагоды гэтай фатаграфіі: «Нечаканы візіт Рамзана Кадырава, майго ўлюбёнага дыктатара, на Майдан Незалежнасці (Дзмітрый Галко)»

Могуць быць і правакацыі. Быў выпадак, калі адзін хлопец нібыта шчыра хацеў нам дапамагчы і звазіць на пост да казакаў. Але вельмі дзіўная ў яго была размова па тэлефоне з гэтымі казакамі: калі яны даведаліся, што мы не амерыканцы, то загадалі нас туды не везці. Што гэта азначае? Яны вельмі хацелі пабачыць амерыканцаў? Сумняваюся. Ці на блокпасту нас спынілі і першае, што спыталі, ці не з АБСЕ мы? Склалася ўражанне, што на АБСЕшнікаў там проста палююць...

Ці чакае Данбас на рускія танкі?

— Адзін з першых тваіх матэрыялаў з Данецка называўся «Данбас не чакае на рускія танкі». За два месяцы там узнік моцны сепаратысцкі рух — што адбылося?

— Я б не сказаў, што і зараз Данбас чакае на рускія танкі. Там не ўсё яшчэ перавярнулася з ног на галаву. Але пік гэтых настрояў, найвышэйшы градус істэрыі там узнік пасля Адэсы — расійская прапаганда падала трагедыю так, быццам бы «Правы сектар» жыўцом паліць людзей. Тады сепаратысцкія настроі заўважна ўзняліся, шмат

хто запісаўся ў апалчэнне. Але потым гэтая плынь сышла на нуль. Асабліва калі «байцы ДНР» перайшлі да масавага бандытызму: пачалі сярод вуліцы рабаваць мінакоў, забіраць мабільнікі, аўтамабілі. Праз гэта шмат хто расчараваўся ў Данецкай народнай рэспубліцы.

Глыбокіх каранёў, каб весці там грамадзянскую вайну, няма. Гэта ж не чачэнцы, не адасоблены народ. Мовы там сваёй няма, рэлігіі сваёй няма, гісторыі «крывавага супрацьстаяння» Украіне там няма. Усё гэта прынесенае праз тэлебачанне. Шмат хто можа паўтараць мантры расійскай прапаганды, але праз іх узяцца за зброю ахвотнікаў небагата. Таму і скардзяцца палявыя камандзіры, што да іх ніхто не ідзе, і не ідуць не таму, што баязліўцы, а таму што бачаць няшчырасць і несур'ёзнасць усяго гэтага.

Я б не сказаў, што настроі там змяніліся. Хутчэй, рэаліі ўсякіх ЛНРаў і ДНРаў шмат каго ад гэтай ідэі адштурхнулі.

Чыста тэхнічна «актыўны сепаратызм» там трымаецца сапраўды на расійскіх наймітах і зброі. Але абапіраецца ён, так бы мовіць, яшчэ і на «падушку абыякавасці». Так, яны там не чакаюць на рускія танкі, у іх няма «гарачай» рускай ідэнтычнасці, якая б не дазваляла ім жыць ва Украіне. Але ў іх няма і лаяльнасці да Украіны, няма атаясамлення з Украінай як з Бацькаўшчынай, як з роднай зямлёй.

Гэта мне шмат у чым нагадвае Беларусь. Данецк вельмі падобны да Мінска. Там таксама шырокія вуліцы, фантаны з падсветкай, скрыні для смецця, адносная чысціня на цэнтральных вуліцах. І такая ж адсутнасць у людзях якой-кольвек нацыянальнай ідэнтычнасці. І гэта дазваляе вельмі доўга ціснуць на іх звонку і маніпуляваць імі. Гэта не падтрымка тэрарыстаў, але самае для тэрарыстаў зручнае — духоўная кволасць людзей і адсутнасць супраціўлення тэрарыстам. Былі адзінкавыя выпадкі, але не масавыя, каб сабраўся шматтысячны мітынг, прыйшлі б да тэрарыстаў і сказалі: «Валіце адсюль нафіг, не стаўце нас пад пагрозу». Настроі такія ў людзей ужо ёсць, яны чакаюць, каб хутчэй гэта ўсё скончылася, але каб гэты фінал наблізіў нехта іншы, толькі не яны самі.

На Расію і Пуціна ўжо не спадзяюцца, а, хутчэй, на тое, што «справу» завершыць Кіеў, але каб нечым дапамагчы Кіеву — такога пакуль няма.

— Ты ва Украіне прабыў даволі доўга. На тваю думку, калі не будзе падтрымкі з боку Расіі, дзеянні сепаратыстаў згаснуць? Ці гэты рух надта моцны?

— Падтрымку сепаратыстаў, наколькі я зразумеў, Расія спыняць не збіраецца. Але, калі ўявіць, што раптам за тыдзень пераб'юць узброеных чалавечкаў, у горы ці лясы ніхто не пойдзе, бо іх там няма. Для грамадзянскай вайны, якая, скажам, была ў Чачні, там няма падставаў. Таму сапраўды многае залежыць ад таго, як будзе паводзіць сябе Расія.

Першае, што варта там зрабіць, — гэта адключыць расійскае тэлебачанне і пачаць ствараць працоўныя месцы.

Арганізм украінскай дзяржавы хворы, у Данбасе ён хворы асабліва. Хаця Данбас не выглядае надта дэпрэсіўным рэгіёнам. Тая ж Чарнігаўшчына выглядае больш дэпрэсіўнай. Таму што да хворай эканомікі там дадалася яшчэ і прапаганда, якая вядзецца з пачатку 2000-х гадоў. Партыя рэгіёнаў у гэтым рэчышчы добра папрацавала. Разабрацца з сепаратыстамі — не самае складанае, цяжэй змяніць навязаны людзям светапогляд, мадэль паводзінаў, расплюшчыць вочы на рэчаіснасць.

Напрыклад, я быў сведкам таго, як чалавек на поўным сур'ёзе абураўся, што Львоў называюць «сэрцам Украіны». На яго думку, гэта няслушна, і ў яго праз гэта «душа баліць»… Падаецца, што чуеш нейкае дурноцце, але гэтак адбываецца насамрэч. Ці яшчэ — таксіст, якога разам з намі спынілі на блокпасту, кажа нам: «Вы ж зразумейце, за што мы тут ваюем. Калі мы бандэраўцаў не спынім, яны ж пойдуць заваёўваць Еўропу!» Не Расію — Еўропу! Ці, што б ні здарылася, — ва ўсім вінаваты «Правы сектар». Калі прарасійскі батальён «Усход» выгнаў ДНРаўцаў з будынка Данецкай абласной рады, адзін вайсковец, які прадстаўляўся снайперам ДНР, паведаміў нам, што насамрэч батальён «Усход» — гэта таксама «Правы сектар». На поўным сур'ёзе! Гэта проста неадэкватнае ўспрыняцце рэчаіснасці, нейкае канспіралагічнае і міфалагічнае мысленне. Гэтага вельмі шмат, і ў гэтым палягае вялікая праблема. Бо такое кажуць не гопнікі з семкамі, а, здавалася б, разумныя людзі з вышэйшай адукацыяй.

Таму новай уладзе такое мысленне давядзецца мяняць. Набрацца цярпення, мудрасці і тлумачыць людзям, хто насамрэч і навошта развязаў гэтую грамадзянскую вайну, хто і з якімі амбіцыямі намерыўся разадраць іх зямлю на кавалкі. На гэта спатрэбіцца шмат часу. Пакуль загояцца раны ў знявечаных душах, пакуль выветрыцца з галоў прапагандысцкая хлусня і разам з ёй нянавісць да тых, хто размаўляе на роднай украінскай мове. Гэта чарговае выпрабаванне, якое давядзецца пераважыць. Божа, дапамажы і захавай Украіну.

«Визитка Яроша», *или* Пять пунктов ТВ-пропаганды

BBC

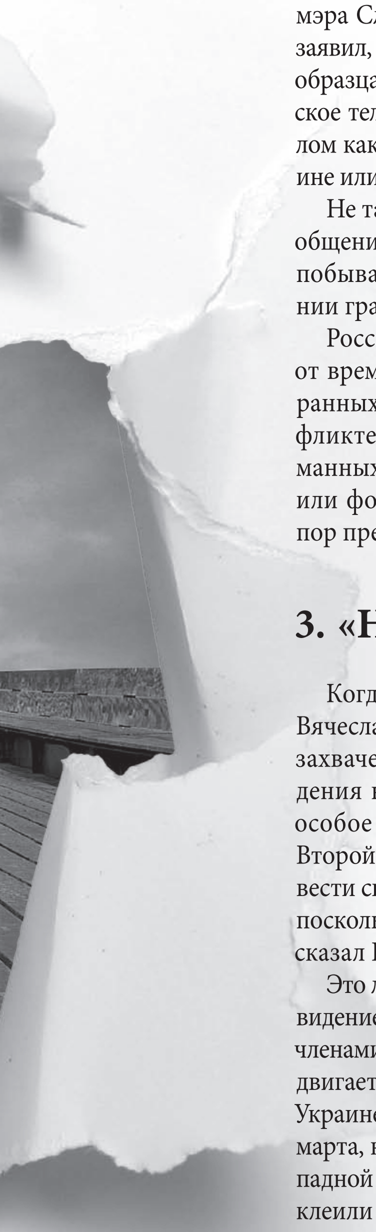
Страстные репортажи российского телеканала «LifeNews» о перестрелке на окраине Славянска, обнаруженных хрустящих долларовых банкнотах и визитках лидера «Правого сектора» Дмитро Яроша представляют собой классический, удобный для изучения набор приемов, при помощи которых прокремлевские СМИ формируют мнение сограждан об Украине.

Сообщения действующих в Славянске пророссийских сепаратистов и вслед за ними прокремлевского «LifeNews» о визитке Яроша, будто бы найденной в дотла сгоревшей машине, породили в сети целый вал пародий и издевательств.

1. «Правый сектор»

Тем не менее «визитка Яроша» — это важная для пропаганды деталь: она призвана подкрепить постоянные заявления Кремля и подконтрольной ему прессы о том, что движение «Правый сектор» виновно практически во всех беспорядках последнего времени в Украине. Эти обвинения сомнительны — по крайней мере, во многих случаях. Так, 7 апреля российское телевидение сообщило, что пророссийские демонстранты в Харькове «дали отпор» бойцам «Правого сектора», которые будто бы напали на них.

Молодой харьковский математик Сергей Мельник, однако, рассказал в Facebook, что дело обстояло иначе: они с единомышленниками были окружены и жестоко избиты пророссийскими хулиганами, когда уходили с концерта в Харькове в поддержку Майдана.

2. «Иностранное вмешательство»

Среди вещей, брошенных, как утверждается, нападавшими на Славянск боевиками «Правого сектора» и затем показанных «LifeNews», были новенькие на вид стодолларовые купюры. Кроме того, «LifeNews» дал в эфир комментарий самозваного мэра Славянска Вячеслава Пономарева, который заявил, что у нападавших было «оружие натовского образца». Это один из примеров того, как российское телевидение внушает, что США и Запад в целом каким-то образом стоят за событиями в Украине или даже непосредственно участвуют в них.

Не так давно государственное ТВ на основе сообщений о том, что директор ЦРУ Джон Бреннан побывал в Киеве, обвинило США в «развязывании гражданской войны на Украине».

Российское телевидение также говорит время от времени об участии сотрудников частных охранных фирм США, т. н. «частных армий», в конфликте, хотя никаких доказательств, кроме туманных собщений о людях в незнакомой форме или форме без опознавательных знаков, до сих пор предъявлено не было.

3. «Нацизм»

Когда самопровозглашенный мэр Славянска Вячеслав Пономарев показывал на камеру вещи, захваченные, по его утверждениям, после нападения на сепаратистский блокпост, он обратил особое внимание на немецкий пулемет времен Второй мировой. «Наши оппоненты продолжают вести свою фашистскую идеологию — и не только, поскольку используют оружие своих учителей», — сказал Пономарев «LifeNews».

Это лыко тоже вполне в строку: российское телевидение вслед за президентом Путиным и другими членами российского руководства старательно продвигает идею, что в результате Майдана к власти в Украине пришли «профашистские силы». В начале марта, например, на ТВ были сообщения, что в Западной Украине на двери домов и квартир русских клеили оскорбительные наклейки — аналогия со звездами Давида, которые нацисты рисовали на дверях евреев. Но никаких подтверждений, кроме снимка одной наклейки, предъявлено не было.

Демонстрантов с Майдана российское телевидение целенаправленно изображает последователями Степана Бандеры — лидера украинских националистов времен Второй мировой войны, сложная биография которого включала, как говорят историки, и период сотрудничества с нацистами. О пестром на деле (хоть и с перевесом в пользу западных областей) географическом, социальном и даже этническом составе киевского Майдана российское ТВ старается не упоминать.

4. «Святотатство»

Канал «LifeNews» изобразил нападение на блокпост у Славянска — то самое, в реальности которого пока еще сомневаются сторонние наблюдатели, — еще и как своего рода святотатство. Как подчеркнул репортер канала, нападавшие не просто нарушили Женевское соглашение 17 апреля и обещанное Киевом пасхальное перемирие.

«Именно в тот момент, когда в храмах шла пасхальная служба, они открыли огонь по мирным жителям, которые охраняли блокпост на въезде в город Славянск», — сообщил журналист.

Еще более высоким штилем изъяснялись в ток-шоу на государственном канале «Россия» 15 апреля: там зашла речь о том, что конфликт в Украине имеет в том числе и религиозный характер.

«Это полное беззаконие, это варварство, это откровенный фашизм. Это люди, которые ненавидят православие. С молоком матери, к сожалению, воспитали эту ненависть. Я не вижу никаких путей для внутреннего решения этого кризиса. На границе России сознательно создается русофобское государство с ненавистью к России и Русской православной церкви», — говорил участник ток-шоу, церковный деятель из Одессы.

5. Оправдание

После кадров с места стрельбы на окраине Славянска «LifeNews» показал обращение «мэра» Пономарева к Путину. Пономарев призвал российского президента ввести на восток Украины «миротворческие войска для защиты мирного населения от нападений Правого сектора национальной партии Украины».

«Они хотят нас сделать рабами. Они с нами не разговаривают, а просто убивают», — жаловался Пономарев.

В ходе аннексии Крыма российское телевидение тоже показывало кадры перестрелки: как утверждалось, тогда, 1 марта, боевики-националисты напали на здание правительства Крыма в Симферополе. Эти сообщения были в числе прочего использованы как повод для проведенного через Совет Федерации решения «дать президенту право» ввести войска в Украину.

Как утверждает, в частности, украинская НКО «Телекритика», кадры перестрелки были сфальсифицированы. Такие же сомнения есть и у украинских, и у сторонних наблюдателей относительно событий в Славянске.

Дьявольские козни в «Прямом эфире»

Ирина ПЕТРОВСКАЯ,
«Новая газета», Россия

Уникальные российские тележурналисты несут и несут свою правду.

Была когда-то на канале НТВ такая программа — «Профессия — репортер». Была, следовательно, и такая профессия. Были и репортеры — каждый со своей манерой, стилем, темой: Катерина Гордеева, Андрей Лошак, Павел Лобков, Вадим Такменев, Александр Зиненко, Илья Зимин. Иных уж нет, а те… кто где. А программа с тем же названием, как выяснилось недавно, все еще жива, курилка. Мало того, как сказано в пресс-релизе, вывешенном на сайте канала, каждый корреспондент, который ее делает, «уникален и преподносит свою уникальную точку зрения на ту или иную проблему, событие и явление».

Вот и на минувшей неделе программа «Профессия — репортер» порадовала зрителей своей уникальностью. Одно ее название завораживает — «Принцесса у параши»! Автор этого выдающегося телеопуса отличается от своих предшественников не только невероятной креативностью, но и непостижимой для тележурналиста скромностью: он мало того что ни разу не засветился в кадре (а прежние, бывало, ходят и ходят, говорят и говорят), но и вообще не указал свою фамилию в финальных титрах. И не только свою. Весь коллектив, создавший этот шедевр, предпочел славе полнейшую анонимность. Не было даже «братской могилы» (так на телевизионном сленге называют строчки в конце программы, в которых обозначены фамилии всей съемочной группы и которые не в состоянии прочитать даже специальные люди, обладающие даром скорочтения).

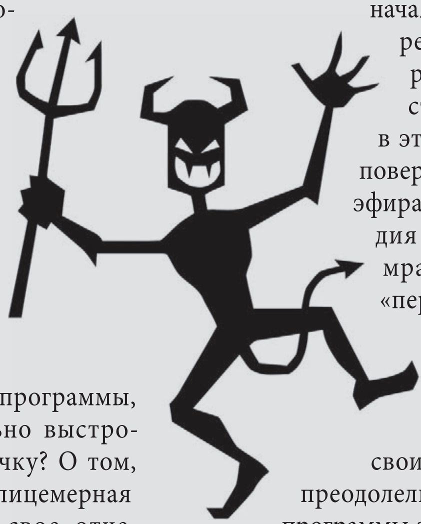
Героиня программы, та самая «Принцесса у параши», — это, как нетрудно догадаться, кандидат в президенты Украины Юлия Тимошенко, чей «звериный оскал» и постарались показать во всей красе «уникальные репортеры НТВ». В общем-то, ничего нового о своей героине они не сказали. Просто собрали воедино слухи о ней, фрагменты ее выступлений, кадры оперативных съемок и мнения особо рьяных ее «доброжелателей».

И вот что получилось: «кровожадная принцесса», «воровка, преступница, убийца, русофобка, националистка, шовинистка, украинская неонацистка проамериканской ориентации» снова рвется во власть. В борьбе за это она и раньше-то никаких средств не чуралась — «молва приписывает ей не только дружеские, но и интимные связи» едва ли не со всеми сильными мира сего.

Когда-то она, «циничная и расчетливая», даже в одночасье изменила свой образ, превратившись «из маловыразительной брюнетки в эффектную блондинку с косой» (к новому образу приложили руку американские пиарщики, близкие к

Госдепу США). «Ах ты, сучка крашена!» — этой видеоцитатой из фильма «Любовь и голуби» уникальный автор программы иллюстрирует «изменение образа», демонстрируя изрядное чувство юмора и знание советской киноклассики.

К финалу же у создателей сюжета припасен главный козырь, который, видимо, должен придать завершенность и без того омерзительному образу кандидата в президенты сорвавшейся с катушек страны. Эта «оранжевая принцесса», взаимодействующая сегодня с «фашистскими отморозками», словно забыла о своем происхождении, сообщает нам голос за кадром, тогда как ни для кого в Украине «не секрет, что ее отец — Виктор Абрамович Капительман — имеет еврейские корни!». А вот это и впрямь не лезет ни в какие ворота! Но знаете, о чем умолчали уникальные авторы программы, предлагая зрителям самостоятельно выстроить дальнейшую логическую цепочку? О том, что, желая отречься от «корней», лицемерная «принцесса» цинично изменила свое отчество — официально-то она «Владимировна», а по-честному, выходит, должна была бы зваться «Викторовной»! Согласитесь, что репортера, задавшего зрителям такую задачку и одновременно разгадавшего хитроумную уловку г-жи Тимошенко, иначе как «уникальным» не назовешь.

Впрочем, сегодня такими «уникальными» весь российский эфир полнится. «Нравы новой украинской элиты» подверг осмеянию и развенчанию и ведущий программы «Прямой эфир» на канале «Россия-1» Борис Корчевников. По его данным, к примеру, та же Юлия Тимошенко сидела «у параши», то есть в одной камере с печально известной предводительницей секты «Белое братство» Марией Дэви Христос, которая и присоветовала сокамернице новый имидж «женщины с косой». Больше того — Тимошенко тесно взаимодействовала и с опасной американской сектой сайентологов, членом которой, в свою очередь, является и Арсений Яценюк (еврейские корни коего тоже давно ни для кого не секрет).

Украина вообще стала «рассадником тоталитарных сект»! Да вся эта так называемая украинская элита хороша. Олигарх и шоколадный король Петр Порошенко, также устремившийся в президенты, испортил, к примеру, знаменитые киевские торты — не те уже тортики-то, гадость-гадость! И не они ли, «лучшие люди Украины», придумали штамповать футболки с надписью «Не дай русскому!», поставив «низменные инстинкты на службу высоким идеалам Майдана»?

Ну а самое страшное, что простые украинцы, лишенные живительной силы российского ТВ, начинают верить беспардонной пропаганде украинских телеканалов и проникаются ненавистью к России и русским. Меж тем честные и чистые простые люди, противостоящие фашистскому режиму, вынуждены тысячами, десятками тысяч бежать с родины, спасаясь от гонений и угроз. Появившийся в студии батюшка, якобы бежавший от преследований из Луганской области, начал речь издалека: «Первым революционером, — говорит, — был дьявол, восставший против Бога». И в этот самый момент (вы не поверите!) в студии «Прямого эфира» погас свет. То есть студия погрузилась в полный мрак! Видать, не дремлет «первый революционер»-то, дал понять, что он где-то здесь, рядом, постукивает копытами, бьет хвостом, шутки свои дьявольские шутит. Но преодолели создатели и участники программы эти дьявольские козни. И вновь вспыхнул в студии свет. И продолжили божьи люди свои богоугодные беседы. И договорились до того, что будет, обязательно будет еще в Украине «такая мясорубка, при которой небесная сотня покажется статистической погрешностью». Финишировал же Борис Корчевников мощно: мол, вся смута и началась из-за того, что сперва срубили в непосредственной близости от Майдана крест, потом поднялся над ним черный дым, а теперь туда собираются завезти свиней.

Политический обозреватель «Вестей» Евгений Попов, поведавший в программе «Специальный корреспондент» об ужасах информационной войны, развязанной против России украинскими СМИ, признался, что сейчас «мелкими перебежками нашим репортерам приходится по Киеву бегать». А все из-за того, что… правда, которую они несут и несут в эфире, украинцам, зомбированным всякими Савиками Шустерами и прочими местными пропагандистами, почему-то не по душе. Меж тем ведущий Аркадий Мамонтов как на духу признался: «Я никогда не врал!» Глядя на его и других теледеятелей светлые честные лица, только ослепленный ненавистью «зомби» может в это не поверить. Хотя уникальные репортеры НТВ, в отличие от бесстрашных коллег с РТР, все же предпочитают не открывать личики, что по-своему и дальновидно, и мудро.

Нейтралитет при импорте стереотипов

Павлюк БЫКОВСКИЙ,
медиаэксперт

Как украинские события и российско-украинский конфликт вокруг Крыма отражаются в белорусских СМИ

Белорусские СМИ на фоне российско-украинской информационной войны выглядят почти прилично: не распространяют заведомую ложь. Но порой открыто проявляют симпатии и антипатии, смешивая факты и мнения.

В большинстве государственных и негосударственных изданий на протяжении полугода существования в Киеве Майдана преобладали нейтральные публикации о происходящем в Украине. Государственные СМИ обычно избегали упоминаний о проходивших в украинской столице акциях протеста, но не игнорировали тему полностью. В независимых газетах публикаций на этот счет было значительно больше, они, как правило, излагали хронику событий и в очень редких случаях делали какие-то обобщения[1].

Война за Крым разбудила пророссийские силы в государственной пропагандистской машине, эти силы стали более заметны на телеэкране, но официальные лица, а вслед за ними и государственное агентство БЕЛТА постарались сохранить нейтралитет.

Пристрастия, которые не удалось спрятать

Проводившиеся ранее исследования показывают, что белорусская пресса демонстрирует явные диспропорции в освещении зарубежной жизни: в наших медиа доминирует освещение ситуации в России[2]. Что касается материалов о других соседних странах, то они встречаются реже и обычно являются перепечатками из российских СМИ[3].

Белорусские СМИ практически не имеют собственных корреспондентов за пределами страны, у них нет средств для покупки ленты новостей иностранных информационных агентств и для направления в заграничную командировку своих сотрудников. Поэтому эксклюзивные материалы о зарубежной жизни попадают в белорусские СМИ, как правило, когда они написаны с оказией: журналист путешествовал за свой счет как турист или был участником образовательной поездки, финансируемой принимающей стороной.

Киевский Майдан вынудил и подтолкнул ряд белорусских редакций к поиску способов получить эксклюзив. БелаПАН нашел в нужном месте активного блогера-фотографа, TUT.BY направил на место событий своего фотокорреспондента и обратился к пользовательскому контенту из социальных сетей. Ряд белорусских профессиональных журналистов съездили в Киев в командировку либо за счет редакции (это позволили себе иновещающие проекты, такие как «Еврорадио», радио «Свобода», «Белсат», правительственная газета «Рэспубліка»), либо за свой счет (Дмитрий Галко, «Новы час»). Кроме того, на Майдане было

---

[1] Быковский П. Евромайдан в зеркале белорусских журналистов // Медиакритика. 2013. 12 декабря (http://mediakritika.by/article/1771/evromaydan-v-zerkale-belorusskih-zhurnalistov).

[2] Средства массовой информации в политической системе Беларуси. Минск: МИПИ, 2000. С. 75–78; Методология исследований политического дискурса. Минск: БГУ, 1998. С. 182–185; Ухванова И., Наумова С. Особенности политического дискурса в белорусских СМИ // Vector. 1998. № 1–2. С. 10–16.

[3] Быковский П. Презентация Европы в белорусских СМИ и образа Беларуси в мировых СМИ // Беларусь и «большая Европа»: в поисках геополитического самоопределения. Новосибирск: НИСЭПИ, 2007. С. 343–369.

довольно много волонтеров из Беларуси, некоторые из них ведут блоги или колонки в интернет-СМИ (Дарья Катковская, Андрей Стрижак). В итоге информационный поток был широким, но не глубоким, так как авторы не имели возможности погрузиться в контекст и писали о происходящем практически в режиме онлайн. Проверка фактов, получение подтверждения из нескольких не связанных между собой источников очень часто подменялись ссылками на украинские или российские СМИ.

Уже при освещении первых шагов новой украинской власти, возникшей после бегства Виктора Януковича в Россию, в белорусских СМИ стало заметно отсутствие системного подхода, понимания украинской «политической кухни». Когда же российские и украинские СМИ, включая телеканалы и информационные агентства, вступили в полномасштабную информационную войну[4], то белорусские медиа иногда становились ее жертвами — перепечатывали недостоверную информацию. Ситуация осложнилась также тем, что в Крыму, например, или в Донецке собственно белорусских журналистов почти не было.

Следует отметить, что информационные агентства стремились воздержаться от навешивания ярлыков и распространения «уток». При этом государственное агентство БЕЛТА «не заметило» попытки белорусского гражданского общества выразить солидарность с Украиной, в то же время для частного агентства БелаПАН сообщения об этом стали своего рода фирменным знаком и источником для создания эксклюзивного контента по украинской теме, способом «привязать» ее к Беларуси.

С 28 февраля по 19 марта БЕЛТА сделало 125 публикаций по событиям в Украине, а БелаПАН — 186. Анализ публикаций обоих агентств подтверждает впечатление о преобладании нейтральных материалов. Интерес может представлять сравнение количества односторонних публикаций, которые условно названы пророссийскими (Ru) и проукраинскими (Ua), а также их распределение по дням в исследуемый период.

При сравнении двух диаграмм видно, что у БЕЛТА почти нет проукраинских публикаций, но заметны пророссийские (см. рисунок 1), в то же время у БелаПАН почти нет пророссийских материалов, а проукраинские встречаются лишь в редкие дни (см. рисунок 2). В процентном отношении сравнение выглядит еще более рельефно. В исследуемый период у БЕЛТА 30,4% публикаций были сделаны с российских позиций и 4% — с украинских. За это же время в БелаПАН было 6,9% пророссийских публикаций и 13,4% — проукраинских. В последнем случае очень часто

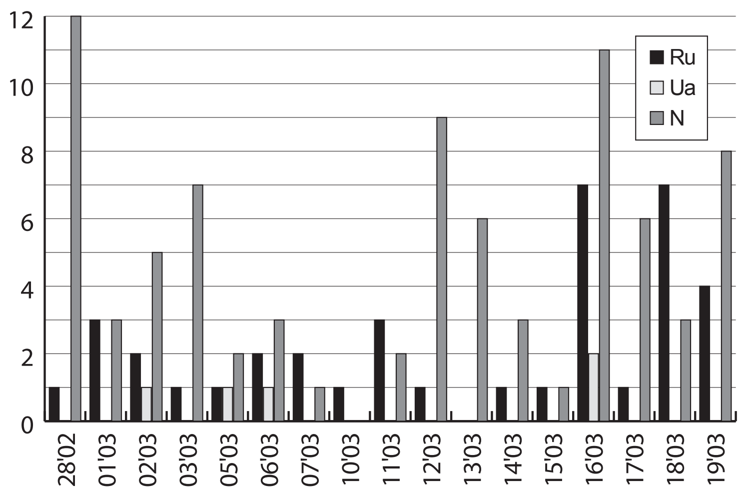

Рис. 1. Сообщения БЕЛТА с 28 февраля по 19 марта 2014 г.

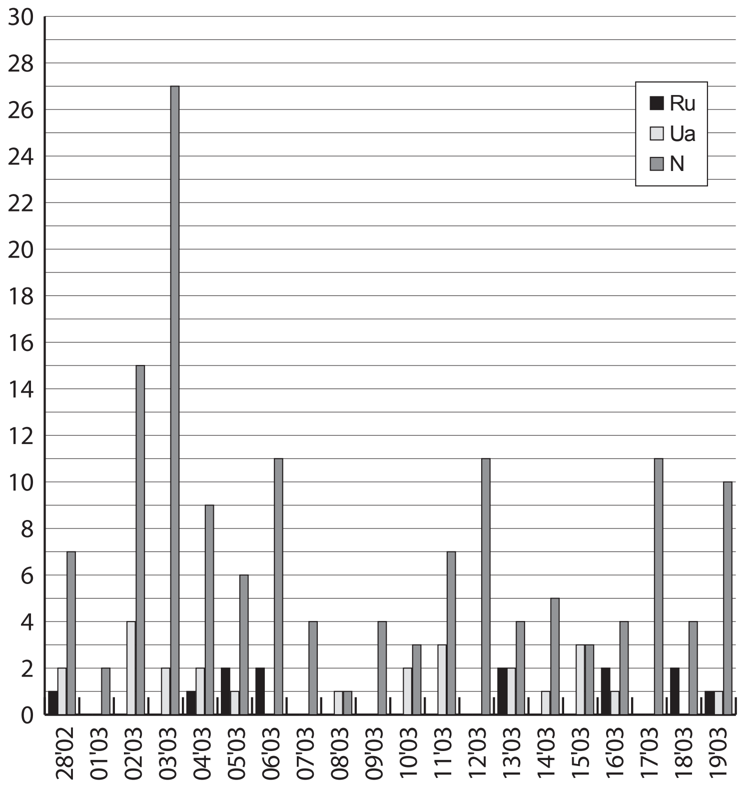

Рис. 2. Сообщения БелаПАН с 28 февраля по 19 марта 2014 г.

оценки событиям давали белорусские политики и общественные деятели, которые критиковали действия России и солидаризировались с украинским народом.

Такие результаты могут объясняться как разными источниками заимствования контента, так и разными требованиями к публикуемым материалам. В БелаПАН при описании конфликтной крымской ситуации как минимум констатируется наличие разных сторон и коротко излагаются события. БЕЛТА не указывало, что в Крыму смена правительства и назначение референдума о присоединении к России происходили после захвата

[4] Быкоўскі П. Беларускія СМІ на тле расійска-ўкраінскай інфармацыйнай вайны // БАЖ. 2014. 5 сакавіка (http://baj.by/be/node/24254).

БЕЛТА			БелаПАН		
слово	количество	вес, %	слово	количество	вес, %
Украина	434	2,55	Украина	994	2,79
Крым	238	1,4	март	554	1,56
Россия	208	1,22	Крым	422	1,18
март	191	1,12	Россия	414	1,16
БЕЛТА	182	1,07	российский	330	0,93
который	147	0,86	который	311	0,87
2014	137	0,81	Беларусь	308	0,86
президент	127	0,75	украинский	306	0,86
Беларусь	126	0,74	Минск	301	0,84
быть	114	0,67	БелаПАН	280	0,79

полуострова вооруженными людьми, идентифицируемыми украинским руководством в качестве военных, впрочем, в ряде публикаций баланс достигался за счет упоминания о том, что крымский референдум в Киеве считают незаконным.

Если же провести частотный анализ всех публикаций БЕЛТА и БелаПАН за исследуемый период, то оказывается, что ТОП-10 используемых слов у обоих агентств почти совпадает.

Следует отметить, что у обоих агентств получилось очень похожее соотношение между частотностью упоминания слов «Украина», «Крым» и «Россия», а также «Беларусь».

Террорист или ополченец?

В исследуемый период белорусское руководство избегало внятных оценок происходящего в Украине и с Крымом, однако с 16 марта БЕЛТА начало излагать события в большей степени с российских позиций. Да и в аналитических и дискуссионных телепередачах большинство участников стояло на российских позициях при оценке аннексии Крыма. До этого момента белорусское государственное телевидение (а другого в стране нет) в основном соблюдало нейтралитет.

«Градус» освещения событий в Украине в разных СМИ можно измерить с помощью слов, которые используются для обозначения незаконных вооруженных формирований[5].

Исследование проводилось с использованием инструмента Google Advanced Search, который дает возможность оценивать тенденции, но не позволяет всерьез опираться на конкретные цифры. Был составлен словарь ключевых слов на английском, белорусском, немецком, русском и украинском языках (см. таблицу).

Исследованием были охвачены все сайты в Беларуси, Германии, России, США и Украине в течение года, а также сайты конкретных СМИ (ap.org, belapan.by, belmarket.by, belta.by, cnn.com, dw.de, euroradio.fm, faz.net, foxnews.com, naviny.by, nn.by, novychas.info, nv-online.info, onliner.by, pravda.com.ua, reuters.com, rt.com, sb.by, spiegel.de, stern.de, tut.by, tvr.by, ukrinform.ua, unian.ua, zviazda.by). Было интересно узнать, одинаково ли одно и то же издание называет незаконные вооруженные формирования в Украине и в других странах, а также использует ли оно эвфемизмы вместо слов в прямом значении.

Как оказалось, выражение «военизированные формирования» СМИ использовали в основном при цитировании дипломатов, а по своей инициативе журналисты и редакторы подбирали

[5] Быковский П. Терминология украинского кризиса в белорусских СМИ: «ополченцы» или «террористы»? // Медиакритика. 2014. 30 мая (http://mediakritika.by/article/2263/terminologiya-ukrainskogo-krizisa-v-belorusskih-smi).

Английский	Немецкий	Русский (РФ)	Украинский	Белорусский	Русский (РБ)
paramilitaries	paramilitärische formation	военизированные формирования	воєнізовані формування	ваенізаваныя фарміраванні	военизированные формирования
terrorists	***Terroristen***	террористы	терористі	тэрарысты	террористы
fighters	***Kämpfer***	боец	боєць	баец	боец
pro-Russian separatists	Prorussische Separatisten	пророссийские сепаратисты	проросійські сепаратисти	прарасійскія сепаратысты	пророссийские сепаратисты
«polite people»	«höfliche Menschen»	вежливые люди	ввічливі люди	ветлівыя людзі	вежливые люди
«little green men»	«grüne Männchen»	зеленые человечки	зелені чоловічки	зялёныя чалавечкі	зеленые человечки
gunmen	Bewaffnete	боевики	бойовики	баевікі	боевики
armed militia	bewaffnete Milizen	вооруженные ополченцы	збройні ополченці	узброеныя апалчэнцы	вооруженные ополченцы
militia	Landwehrmänner	ополченцы	ополченці	апалчэнцы	ополченцы
supporters of federalization	Fans von federalization	сторонники федерализации	прихильники федералізації	прыхільнікі федэралізацыі	сторонники федерализации

В таблице в ячейках с цветом [светло-серый] показано наиболее употребительное слово или выражение, с цветом [тёмно-серый] — второе по частотности. А в случае Германии возникла необходимость выделить *полужирным курсивом* еще несколько ключевых слов, употреблявшихся с высокой частотностью.

Рекомендации украинских медиаорганизаций для журналистов, унифицирующие названия лиц и групп лиц, принимающих участие в массовых акциях

другие слова. Только в российских СМИ для обозначения вооруженных людей, противостоящих силам правопорядка, использовали разные выражения: в Донецке и Луганске были «бойцы ополчения» (39–40%), а если речь заходила о «боевиках», то это были «боевики Майдана» или «Правого сектора».

В англоязычных СМИ всех вооруженных лиц, противостоящих силам правопорядка, вне зависимости от мест действия называли, как правило, «gunmen» (боевик, 40%), а если противостояние переходило определенную черту, то использовался термин «terrorists» (террористы, 39%).

Картину смазывает присутствие в англоязычном информационном пространстве российского телеканала «Russia Today», где для описания тех же лиц, совершающих те же действия, использовали термин «fighters» (боец), а террористами называли исключительно представителей организации «Правый сектор».

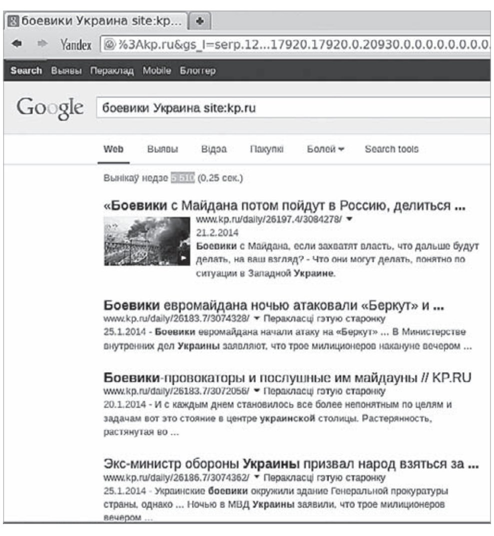
В немецкоязычных СМИ акцент при описании незаконных вооруженных формирований Донецка и Луганска был сделан на их политической направленности — «Prorussische Separatisten» (пророссийские сепаратисты, 26,6%), а слово «Bewaffnete» (боевики, 26,5%) стало фактически синонимом. Интересно, что после этого с небольшим отрывом идут термины «Terroristen» (террористы, 24,7%) и «Kämpfer» (боец, 21%).

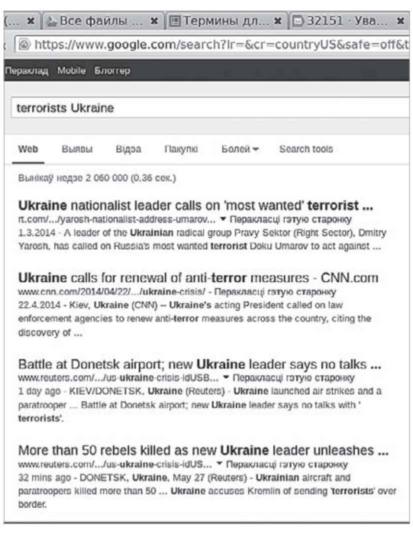
В украинских СМИ — как украиноязычных, так и русскоязычных — частотность использования основных терминов совпадает с англоязычными СМИ: «бойовики» (боевики, 55,6%) и «терористі» (террористы, 3%).

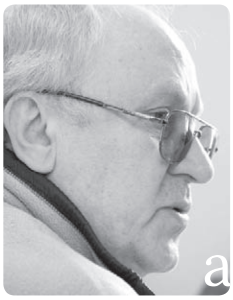
А вот в белорусских СМИ обнаружилось различие в употреблении терминологии в зависимости от используемого языка (белорусского или русского), а не от формы собственности издания (здесь отличие было, скорее, в количестве публикаций и их эксклюзивности: http://mediakritika.by/article/1771/evromaydan-v-zerkale-belorusskih-zhurnalistov). В исследуемых русскоязычных СМИ более активно использовался термин «ополченцы» (38,2%), чуть менее активно — «террористы» (24,7%).

В белорусскоязычных СМИ, как в англоязычных и украиноязычных, на первое место вышли «тэрарысты» (72,1%) и «баевікі» (20,9%).

Таким образом, для описания незаконных вооруженных формирований в Крыму и на юго-востоке Украины белорусские журналисты часть наименований позаимствовали у российских коллег, а часть — у украинских. Вместе с названиями импортирован и комплекс стереотипов.

Леонид ЗАИКО,
научный обозреватель,
Киев – Минск

Украина и Беларусь:

экономические парадоксы политической бифуркации

Украина стала полигоном мировой политики и экономики. Ровно 100 лет назад мир раскололся — империи начали жесткое противостояние. И погибли: Австро-Венгерская, Российская, Германская республики. Странно было бы предположить, что цари и кронпринцы тупо вели свои страны к крушению политической системы. Императоры-самоубийцы? Что будет после раскола Украины, раскола Европы? Раскола мира и противостояния России и США? Ответ образца 1914 г. есть, а уроки истории никого и никогда ничему не учили? Получается именно так.

Беларусь также в прицеле этой новейшей ситуации. Мы между ЕС и Россией, между старой и новой мировой политикой. К сожалению, многие этого не понимают, включая парламентариев и правительственных чиновников. И тут, и там.

Раскол идет и по геоэкономической линии. С одной стороны, Польша, Литва, Латвия в единой интеграционной системе, мы практически — в другой. Украина в бифуркации, ее вариант движения еще неровный, явно не линеарный.

По этим основаниям — и не только — оценка экономических отношений с Украиной явно становится актуальной. С другой стороны, важно понять: что мы теряем, что обретаем в поле происходящей бифуркации?

Начнем с реалий. Восстановим ход событий 20-летней истории наших деловых отношений. Начнем с того, что особой дружбы не было. Фразы о том, что обречены быть соседями, что братские народы, скорее, были белорусскими романтическими воспоминаниями. Украинские политики провели раздел собственности, назвали это приватизацией. В итоге коренные украинцы с такими именами, как Ренат Ахметов или Коломыйский, стали более важными персонами, чем члены Политбюро времен СССР.

У нас явно не так. Никакого распила собственности, хотя «пильщики» давно маются. Ждут своего «момента», даже не часа. По этой причине мы затормозились экономически в 2014 году.

Ну а в целом? Где наши достижения, в чем особенности экономического взаимодействия большой «Малороссии» и маленькой «Белороссии»? Скажем сразу — сидим на старых экономических качелях. Туда-сюда — обратно. Ничего нового не создали, пилим сообща старые «золотые гири». Например, в Украине порезали своих коров, по этой причине масло и молочные продукты наших выживших коров там весьма популярны. Удивительный факт, основа для ряда кластеров внешней торговли.

Прошлое, совсем недавнее, совершенно определенно говорит о странной соседской дружбе потетофилов и салолюбов. Мы разные, хотя картошка с салом — интеграционный органолептический и исторический продукт развития обеих

стран. Но движения вперед по этому направлению нет. Будучи несколько недель тому назад в Киеве, я убедился в том, что молодой картофель у украинцев египетский. Может, с ним и происходит революционное заражение страны? Проникновение товаров региональной и мировой экономики идет быстрее, чем растут наши взаимные товарные потоки. Капитальные потоки обнаружить сложно, они микроскопические.

В 90-х годах, на изломе своих исторических судеб, мы ввели границы, таможню, миграционные карты и массу чиновников между «ими» и нами. Особенно эти нововведения раздражали простых людей. Да и сравнение с Европой было не в пользу теоретической подготовленности и практической деятельности грюндеров-цекистов региональных бюро КПСС. На приграничных территориях в таможню и пограничники пошли начальники районного уровня, ставшие важными международниками местного разлива.

Да и предприниматели Беларуси с тоской вспоминали старые времена, сравнивая удивительных защитников Украины в форме пограничников и таможенников с отсутствием оных в прошлом. Плюс — любовь к деньгам, страсть к командованию и демонстрации своего превосходства.

Появилось и новое. Уйдя из конфликтов советского типа, новые начальники организовали рыночные конфликты. Славянская любовь выразилась в неповторимой форме обвинений белорусов в демпинге. Этот новый феномен стал авторитетным среди полусостоявшихся элит наших новых бандустанов. Лоббистский феномен, показатель неконкурентности по разным векторам.

Речь шла не о защите рынка компьютеров, стратегических ракет или высокотехнологических товаров. Мы проще и понятнее разбирались на пальцах в нашем славянском братстве. Беспримерный драйв в поиске виновников собственных неудач демонстрировался чиновниками, все больше погрязающими в коррупционное болото соседней страны. Итак, «картина маслом».

Нас поначалу обвинили в демпинге таких товаров, как спички. Первый и важный для

украинской экономики товар. Особенно в критических ситуациях, когда соль и спички становятся исключительной ценностью среды человеческого обитания. Основа самых что ни на есть национальных интересов. Белорусских производителей и трейдеров стали уличать в искусственном занижении цен на спички. Надо ж — заметили. Хотя в городах и «рублевках» спичками уже давно не пользуются. Товар деревенского назначения, хотя массовое изготовление коктейлей Молотова в последнее время повысило потребность в спичках. Даже белорусских. А мы на заре независимости пытались подорвать удивительно конкурентную экономику соседки своими «серничками». Теряешь дар речи от такой «мстительности».

Следующий белорусский товар, который мог подорвать хозяйство независимой Украины своими низкими ценами, — искусственный мех. Главное оружие «дівок» и «жинок» в сибирской по погоде Украине, особенно — в Крыму. Мы выслушивали обвинения в демпинге. Молча, не споря с добрым соседом. Ну не делал этот товар погоды на внутреннем рынке Украины. Наш мех, причем искусственный, был важен в период развитого социализма. Сейчас — другое время, другие потребительские стандарты.

Третий товар, который особенно потряс моих коллег, — рубероид. Соседняя экономика могла развалиться от ввоза дешевого белорусского рубероида. Подумайте, где вы, вообще, видели последний раз рубероид? На крышах вилл демократических лидеров, на домах запорожских казаков? Что же «убивал» в украинской экономике наш белорусский рубероид?

Такие подходы дорогого стоят. Так обращаться с братским белорусским народом могли только настоящие украинцы, потомки княжеских галичанских кровей, обитавшие в правительстве 90-х годов. В славном городе Киеве. С другой стороны, проводя массовый героический распил собственности, новые протоэлиты искали угрозы для экономики. Угрозы производителям рубероида, отрасли самого что ни на есть научного прогресса.

Теперь же разворачивается новая история. На глазах. А что будет дальше? По истечении бифуркационного периода в Украине, а потом и в Беларуси, что ждет нас? Торговля переработанной русской нефтью и жмыхом украинских подсолнечников? Подозрительность в отношении рубероида или лидской краски? Разборки по пиву и селедке? Дух захватывает от подобной перспективы.

Можем пока констатировать: экономические отношения Беларуси и Украины есть отношения двух бедных развивающихся стран. И с этой историей далеко не уедешь. XXI век с такими подходами станет позором для экономических элит Беларуси и Украины. Свое счастье соседи ищут на западе, мы же — на востоке. Может, и верны слова: «Дан приказ ему на запад, ей — в другую сторону»? Будем поодиночке петь — или сообща со-петь эту песню!

Тренды настоящего и будущего

Много ли мы получаем от экономического взаимодействия с Украиной? Честно говоря, нет этого рыночного взаимодействия. Есть торговля, сбыт своей хорошей и не очень продукции. Как с этой, так и с другой стороны.

Главные составляющие нашего товарного проникновения в Украину просты. Соседи не очень-то много для нас значат. Весом, пожалуй, бензин. Начнем с того, что в прошлом году весь экспорт в Украину составлял около 12% от совокупных внешних продаж Беларуси.

Баланс есть? Был, менялся. Кстати, новая тенденция последних лет — наш экспорт товаров стал опережать импорт почти в два раза. Изменялись качество и направленность трендов. Однако в этом и есть сомнения. Судите сами. Где плюсы, а где минусы?

Первая позиция — нефтепродукты. На 70% мы зарабатываем в Украине переработанной русской нефтью. Покупаем у известных «москалей» сырье, перегоняем его на фракции и разливаем по «рідным» автомобильным бакам соседей. На 240 миллионов долларов каждый месяц. Опять же, как «Объединенные Белорусские Эмираты».

Этот бензиновый рай дает возможность держать торговлю с Украиной на таком масштабном уровне продаж, как со всеми странами Северной Европы. А там такие важные партнеры, как Швеция и Великобритания. Но только одна Украина покупает у нас такую национальную (?) продукцию, почти как вся Северная Европа.

В нынешней социально-политической ситуации, даже где-то геополитической, важен «расклад» товарных потоков по регионам страны. Восточным или Юго-Восточным? Или «западенци» в своей экономической данности нам важны — и становятся все более важными? Где сработает эффект обрыва связей? Куда будут уходить белорусские товары при усилении федерализации Украины?

С учетом регионов и районов страны почти треть всех сделок Беларуси с Украиной проходят через Киев. Затем значение имеют Днепропетровская и Донецкая области, с которыми у нас отрицательный торговый баланс, что весьма характерно на фоне устойчивого и весомого положительного товарного сальдо по всем другим регионам. Понятно, что днепропетровская элита будет держаться в торговле с Беларусью, стимулировать

обороты, хотя по-прежнему жить и торговать уже невозможно.

Другой аспект — Донбасс. Он называется сепаратистским, значит, и уголь и у них сепаратистский. Но другого поблизости нет. Заменять его польским не будем. Следовательно, впереди составы из Кемерово, энергетические цветы от губернатора Тулеева. Блокада Донбасса со стороны центра может быть демасштабирована усилиями по увеличению импорта угля из этого ареала, продажи белорусских продуктов питания и промышленных товаров потребительского рынка. Что имеет шансы на успех, хотя и определенно политизированный. Но впереди столько реверсов и смен «точек» равновесия, пунктов «бифуркации», что прогностика будет неустойчивой достаточно продолжительное время.

Наиболее интересная ситуация складывалась с «островом Крым». На это никто не обращал внимания в последние годы. А было на что. Судите сами, с Крымом была просто символическая торговля в 2012 году (на уровне 7 миллионов долларов нашего экспорта в месяц), но в 2013 году — резкий взлет до 64 миллионов долларов ежемесячных поставок в эту автономную республику. Что и почему? Вопрос отдельный, так как симптоматику мы определили, а вот движущие силы роста оборотов пока неясны.

Может, уже два года назад были готовы реализовывать сотрудничество в таможенном союзе Беларуси и Крыма? Удивительная проницательность бизнеса в развитии геоэкономических экстерналий? Едва ли. Но новые тренды появились, даже как-то очень кстати.

Следующие позиции наших отношений трейдерства с Украиной представлены такими товарными группами, как тракторы, удобрения калийные и смешанные, сжиженный газ, холодильники. Советская формула работала и пока работает успешно, хотя, скажем прямо, мало что изменилось.

Есть и новые парадоксы. Несмотря на то что, прокачивая (в прошлом) около 70% российского экспортного газа, Украина, тем не менее, покупает у нас сжиженный газ в изрядных количествах. Сами, что ли, ленятся его производить? И продолжают платить нам по 8 миллионов долларов ежемесячно за этот сжиженный газ. А данный вид топлива становится все более успешным на мировом и региональном рынках.

Теперь об импорте. Хотя Беларусь с упорством, достойным лучшего применения, является активным (на словах) противником мировой торговли. Если реализовать парадигмы, формулируемые высшим руководством страны, то мы должны остановить импорт, заменить его своей продукцией. Но сами при этом хотим, чтобы наши товары другие (а они — что, этого не понимают) покупали в растущих объемах.

Что же мы покупаем в соседней стране? Первые позиции занимают: металлопрокат, изделия из черных металлов (в совокупности по разным позициям — от прутков до труб, бесшовных профилей и прочего). Металлическое импортное прошлое остается до сих пор. Они металлисты, мы — нефтеперегонщики.

После металла следуют импортные потоки отходов масличного производства. Да и само подсолнечное масло (хотя и в 3 раза меньше по поставкам, чем отходы). Важная статья — электроэнергия (на 16 миллионов долларов покупаем ежемесячно, по тарифу — 0,06 доллара за 1 кВт.ч.). На 3 миллиона долларов ежемесячно завозим шоколадных конфет и просто шоколада, включая белый. Тут-то Порошенко со своими бизнесменами расстарались вволю. Правда, и мы их стали прижимать по-нашему, по-братски. И эти тесные придушающие объятия имеют шансы усиливаться в ближайшее время. Хотя Порошенко догадался обзавестись кондитерской фабрикой в Липецке, что делает его присутствие в таможенном союзе реальным. При виртуальном курсе на Запад.

Многое стало меняться при создании Таможенного союза. Скажем, вагонов трамвайных и железнодорожных украинского производства стали покупать в 24 раза меньше. Это серьезно. Но так и должно происходить, внешние рынки рекультивируются в интеграционной общности. Кое-что больше (подшипники, изделия из черных металлов). Глины покупать стали меньше, но гравия и гальки — больше.

Что тут скажешь? Торговля у нас такая. Всемирно исторического свойства. Из каменного века, что ли?

Шоколада пока импортируем в неизменном количестве, чуть добавилось печенья и иных кондитерских изделий. Кстати, фармацевтические средства от последующего диабета в Украине на 30% дешевле, чем у нас.

Продукты питания из Украины конкурентны нашим и российским. Значит, будем их вырезать таможенными ножницами весьма просто и даже неделикатно. Абсолютно все будет зависеть от ориентации страны на геоэкономический вектор.

Нам-то проще. Рынок стран таможенного союза есть. И его завоевывать не надо. А ведь конкурировать необходимо на каждом сегменте регионального рынка. Так удобнее и быстрее трансформировать нашу экономику. И это придется делать даже без учета «фактора Украина». Времена меняются, а конкуренция — нет. Хотя бы формально. Но реально очень даже деформируется и реструктурируется.

Фото А. Класковского

Грамадскае аб'яднанне «Беларуская асацыяцыя журналістаў» адзначыла пераможцаў конкурсу «Вольнае слова».

ІНФАРМАЦЫЙНЫЯ ЖАНРЫ:

1-е месца: Ягор Марціновіч («Наша Ніва») — «Царскае сяло Дразды: хто ў ім жыве. Чыноўнікі і бізнесоўцы пабудавалі сабе Еўропу ў асобна ўзятым квартале»

2-е месца: Зміцер Лукашук («Еўрарадыё») — «Памілаваны смяротнік: "Смяротнае пакаранне нікога не палохае і не спыняе"»

3-е месца: Надзея Белахвосцік («"Комсомольская правда" в Беларуси») — «Актер Эдуард Горячий о Минске 60-х: "Мне повезло — посадили и все. А многих выгнали из комсомола"»

АНАЛІТЫЧНЫЯ ЖАНРЫ:

1-е месца: Андрэй Дынько («Наша Ніва») — «Бяляцкі ці Алексіевіч?»

2-е месца: Валярына Кустава («Новы Час») — «Бомба жывой Беларусі. Яшчэ адна рэцэнзія на спрэчны фільм»

3-е месца: Зміцер Яненка («Товарищ.online») — «Беларусь религиозная: ни свободы, ни совести»

МАСТАЦКА-ПУБЛІЦЫСТЫЧНЫЯ ЖАНРЫ:

1-е месца: Сяргей Ваганаў («Наша Ніва») — «Па кім маўчыць звон»

2-е месца: Адар'я Гуштын, Ягор Марціновіч («Наша Ніва») — «"Што було, то було": бацьку Ірыны Абельскай пры Сталіне асудзілі на 25 гадоў за "антысавецкую дзейнасць". Жорсткі прысуд раскідаў сям'ю Пастаялкаў па ўсім Саюзе»

3-е месца:

Руслан Гарбачоў («Салідарнасць») — «Молодость Беларуси»

Зміцер Панкавец («Наша Ніва») — «Зміцер Дашкевіч: "Калі б не вера, то ўскрыў бы сабе вены"»

ЖУРНАЛІСЦКАЕ РАССЛЕДАВАННЕ:

1-е месца: Яўген Валошын («Еўрапейскае радыё для Беларусі») — «За 11 хвілін мак з мінскага рынку пераўтвараецца ў наркотык»

2-е месца: Таццяна Шахновіч («“Комсомольская правда” в Беларуси») — «Беловежское соглашение о распаде СССР исчезло?»

3-е месца: Віталь Ругайн («Еўрапейскае радыё для Беларусі») — «Арганізатары “Міс Мінск” ведалі, што бяруць на конкурс танцорак go-go»

ДЭБЮТ:

1-е месца: Раман Свечнікаў (34mag.net) — «Рома ў Манголіі»

2-е месца: Наталля Беніцэвіч (TUT.BY) — «Жизнь приграничья. Украинцы вывозят из Беларуси клюкву мешками. “Передайте Лукашенко, чтобы хоть границу нам не закрыл!”»

3-е месца: Алена Запарожац (34mag.net, г. Смаргонь) — «Як я зрабілася дзяўчынкай»

Фота з цырымоніі ўзнагароджвання — Генадзя ВЕРАЦІНСКАГА

Адар'я Гуштын, Ягор Марціновіч («Наша Ніва»)
Другое месца ў намінацыі «мастацка-публіцыстычныя жанры»

Тэкст упершыню друкаваўся напрыканцы мая 2013 года

«Што було, то було»: бацьку Ірыны Абельскай пры Сталіне асудзілі на 25 гадоў за «антысавецкую дзейнасць»

Жорсткі прысуд раскідаў сям'ю Пастаялкаў па ўсім Саюзе.

9 сакавіка 2007 года ў канцэртнай зале «Мінск» наменклатурная эліта развітвалася з Людмілай Пастаялкай. Вянок ад кіраўніка дзяржавы, ганаровая варта, салют з артылерыйскай зброі, выкананне дзяржаўнага гімна… Памерлую пахавалі на самых прэстыжных Усходніх (Маскоўскіх) могілках Мінска.

Людміла Андрэеўна ў 2002–2005 гадах была міністрам аховы здароўя Беларусі, потым ачольвала камісію Савета Рэспублікі. Яе дачку Ірыну Абельскую, прыгожую маладую жанчыну, у 1994 годзе выбралі на адказную пасаду — быць асабістай доктаркай першага прэзідэнта Беларусі. Пасля Аляксандр Лукашэнка прызначыў яе кіраваць Лечкамісіяй — бальніцай у цэнтры сталіцы для наменклатурнай эліты.

Тады, у 2007-м, Ірына ішла за труной разам з блізкімі сваякамі. Яе брат, Андрэй Пастаялка, разпораз узгадваецца ў прэсе. Вось ён абараніў у Расіі кандыдацкую медыцынскую дысертацыю, вось ён працуе ў аддзяленні прамянёвай дыягностыкі ў Лечкамісіі, якую ўзначальвае сястра…

У той жа час іх бацька, Сцяпан Пастаялка, заставаўся па-за ўвагай. Імя ягонага поўнага цёзкі мы раптам выпадкова сустрэлі ў спісе ахвяр сталінскіх рэпрэсій: «Сцяпан Пастаялка, вёска Батарэя Бярозаўскага раёна, асуджаны на 25 гадоў за "антысавецкую дзейнасць", рэабілітаваны».

Ці ён гэта? А калі менавіта ён, што хаваецца за гэтымі кароткімі радкамі, якія суха апісваюць чалавечы лёс, паламаны савецкай дыктатурай?

Карэспандэнты «НН» выправіліся ў Батарэю, каб спраўдзіць звесткі і даведацца ад мясцовых жыхароў пра падрабязнасці тых трагічных падзей.

«Антысавецкая дзейнасць»

У студзені-сакавіку 1952 года ў Бярозаўскім раёне органы МГБ праводзяць масавыя арышты вяскоўцаў, схоплена 11 чалавек.

Заводзіцца крымінальная справа. 31 сакавіка 1952 года выносіцца хуткі прысуд. Сям'і Драгуноў з Лявошак прыпісваюць здраду радзіме — удзел у Арганізацыі ўкраінскіх нацыяналістаў. Астатніх — сям'ю Пухоўскіх і Мікалая Дземідовіча з Вялікага Міжлесся, а таксама сям'ю Пастаялак з вёскі Батарэя — абвінавачваюць у антысавецкай дзейнасці.

Дзевяць чалавек атрымліваюць стандартны вырак — 25 гадоў выпраўленчых лагераў з канфіскацыяй маёмасці. Пасля тэрмін скарачаюць да 10 гадоў.

Зусім хутка асуджаных раскідваюць па ўсім СССР. Хтосьці адбывае пакаранне ў Архангельскай вобласці, кагосьці закідваюць у Карагандзінскую вобласць, а некага — ажно ў Магадан…

Даволі частая гісторыя для Заходняй Беларусі 1940–1950-х, дзе працягваецца змаганне беларусаў, украінцаў і палякаў з савецкай уладай. На Берасцейшчыне наймацнейшым было ўкраінскае падполле. Менавіта яму дапамагалі і Пастаялкі.

1952 год быў часам, калі спецслужбы дабівалі апошнія падпольныя групы, якія пратрымаліся найдаўжэй.

Украінскія партызаны хадзілі па лясах да пачатку 1950-х

Найлепшы дом — у Пастаялак

Вёска непадалёк ад Бярозы расцягнулася на некалькі кіламетраў, але жыхароў тут няшмат.

Засталося не больш за 40 чалавек. Пераважна гэта адзінокія старыя. Ёсць толькі шэсць сем'яў, дзе жывуць дзед з бабай… Многія хаты пустуюць, бо яшчэ ў 1970-я тут жылі больш за 200 чалавек.

Хата, з якой спецслужбы забралі ўсю сям'ю, цяпер стаіць пустая

Даведаўшыся, што мы шукаем Сцяпана Пастаялку ці хаця б ягоных сваякоў, вяскоўцы кіруюць нас у цагляную хату — найлепшую ў Батарэі. Тут жыве разам з мужам Марыя, сястра Сцяпана.

Яна пацвярджае, што трагедыя здарылася менавіта з яе сям'ёй, і з горыччу расказвае пра цяжкі лёс сваіх бацькоў і братоў.

Трое сваіх і трое чужых

Яе бацька, Мікалай Лукашавіч Пастаялка, нарадзіўся і жыў у Батарэі ад пачатку стагоддзя. «Зямлі ў нас было нямнога, таму бацькі з радасцю запісаліся ў калгас», — узгадвае Марыя.

Мікола падчас Другой сусветнай вайны дайшоў да Германіі, быў двойчы паранены, аднак на гэты факт савецкі суд пасля нават не паглядзеў. Ягоная жонка Ганна была аднагодкай мужа — яны нарадзіліся ў 1903-м.

Старэйшы Анатоль, сярэдні Сцяпан ды малодшая Марыя былі роднымі дзецьмі. Але, апроч іх, у сям'і гадаваліся яшчэ тры пляменнікі. У вайну Ганна ўгаварыла немцаў аддаць дзяцей ёй, калі бацькоў малых расстралялі ў кляштары ў Бярозе.

Госці, ад якіх не адмовішся

Бяда прыйшла ў хату Пастаялак у студзені 1952 года ў выглядзе супрацоўнікаў дзяржбяспекі. «Забралі ўсіх, — узгадвае трагічны год Марыя. — Спачатку арыштавалі старэйшага брата Анатоля. Праз пяць дзён — тату і Сцяпана, а ў сакавіку яшчэ і маму.

Была страшэнная завіруха, такая, што машына не магла праехаць. Дык за мамай на конях прыскакалі і забралі».

На свабодзе засталася толькі 14-гадовая Марыя.

Пастаялак, як і жыхароў суседніх вёсак, вінавацілі ў дапамозе партызанам.

У чым была тая дапамога? Хтосьці падтрымліваў падпольшчыкаў з прынцыпу, бо быў супраць савецкай улады і за незалежнасць. Хтосьці проста не рызыкаваў адмаўляць людзям са зброяй.

Чаму савецкія ўлады пакаралі менавіта сям'ю Пастаялкаў, і чаму партызаны прыйшлі менавіта да іх? Адказ на гэтае пытанне трэба шукаць у архівах КДБ. Дай Бог, каб і Сцяпан Пастаялка пакінуў успаміны пра той час.

«Браты вучыліся ў Бярозе ў дзесяцігодцы. Недзе там іх сябры пазнаёмілі з украінцамі, — расказвае Марыя. — І тыя пасля прыйшлі да нас на пару дзён. Мама з татам дрыжэлі, каб ніхто не пабачыў, бо гэта ж верная смерць была б… Пасля гэтых украінцаў недзе злавілі. Тыя і выдалі, дзе спыняліся. Не ўсіх, але пра некаторых расказалі. Хлапцоў па вёсках адразу і паарыштоўвалі», — узгадвае яна.

Хто вінаваты?

«Пакінулі мяне малую адну, толькі цётка трошкі дапамагала. У хаце не засталося нічога — забралі і клуню, і карову, і швейную машынку, — нават праз 60 гадоў не можа стрымаць слёз Марыя. — І гэта ўсё за тое, што ўкраінцы ў нас некалькі дзён пабылі… Яны нават не начавалі, а ўдзень адпачывалі».

«"Самостійна Україна", "самостійна Україна"… Каб тыя палітыканты прапалі да таго, як да нас прыйшлі! — плача цётка Марыя. — Колькі мы праз іх намучыліся — і здароўе згубілі… Братоў на допытах білі, каб прызналіся».

«Гэта ўсё рабілі Сталін і Берыя. Колькі відных людзей перастралялі, вучоных…» — разважае яе муж Уладзімір.

А жонка вінаваціць саміх партызанаў. «Усе жылі ціха, спакойна… А яны прыйшлі з ружжамі, вось і нарабілася бяды».

Раскіданае гняздо

Бацьку адправілі ў канцлагер у Омскую вобласць, ягоную жонку — у Карагандзінскую вобласць.

Нават з катаргі яны стараліся дапамагчы дачцэ, якая засталася адна. «Тата прысылаў грошы, а мама збірала пасылкі», — узгадвае Марыя.

Што здарылася з няроднымі дзецьмі? Дарослы з'ехаў у Ленінград, сярэдняга забралі іншыя

сваякі, а меншы застаўся на ёй, 14-гадовай… Праз некаторы час малое дзіця давялося аддаць у прытулак. Пасля ён стане вайскоўцам.

Доўгая дарога дадому

Сталіну застаецца жыць нядоўга, але вызваленне асуджаных вяскоўцаў-палітвязняў расцягваецца на доўгія чатыры гады. Сям'ю Пастаялкаў адпускаюць улетку 1956 года. Аднак на радзіму вяртаюцца не ўсе.

Старэйшы сын Анатоль, які адбываў свой тэрмін у Ніжнеілімску Іркуцкай вобласці, для бяспекі вырашае там і застацца. Тады было памятна, як у сталінскія часы вызваленых вязняў на радзіме арыштоўвалі зноў і зноў. Ён нарадзіўся ў 1930-м, а перад арыштам паспеў скончыць Міжлескую сярэднюю школу, уступіць у камсамол і папрацаваць бухгалтарам.

У Ніжнеілімску Анатоль знайшоў працу, а пасля і ўзяў шлюб. Вяртанне дадому расцягнулася для яго больш чым на 30 гадоў.

Памерла жонка-сібірачка, і ён вярнуўся ў Батарэю, пасяліўшыся каля бацькавай хаты. Дзяцей у пары не было. Некалькі гадоў Анатоль пажыў адзін, а пасля ажаніўся з іншай «палітычнай», Марыяй Пухоўскай. У пачатку 1950-х іх абвінавачвалі па адной «антысавецкай» справе.

Лёс Марыі таксама быў гатовым сюжэтам для шматсерыйнай меладрамы. Дзяўчына падчас следства ледзь-ледзь паспела стаць паўналетняй, таму таксама атрымала жорсткі вырак — 25 гадоў. Пасля амністыі вырашыла застацца ў Казахстане, дзе і адбывала пакаранне. І толькі калі муж памёр, яна пакінула дарослых сына і дачку і паехала на малую радзіму.

Тут яны і вырашылі жыць разам з Анатолем. Калі ён памёр, саслабелая Марыя зноў паехала ў Казахстан, да дзяцей, дый засталася там.

Што ў абвінавачанні?

Сцяпан на 1952 год скончыў Бярозаўскую сярэднюю школу, уступіў у камсамол і пачаў жыць асобна ад сям'і ў райцэнтры.

Судзілі хлопца разам з бацькамі і братам. 19-гадовага юнака адправілі ў канцлагер у Нарыльску. У ягоным прысудзе пазначаныя артыкулы 63-1 і 76 Крымінальнага кодэкса 1928 года.

Першы з іх азначае «здраду радзіме, г. зн. дзеянні, здзейсненыя… на шкоду ваеннай моцы СССР, яго дзяржаўнай незалежнасці ці недатыкальнасці яго тэрыторыі».

Артыкул 76 мае шырэйшую трактоўку. Ён прадугледжвае ўдзел у арганізацыі ці падрыхтоўцы любых «контррэвалюцыйных» дзеянняў — ад шпіянажу да дапамогі сусветнай буржуазіі.

Украінская нявеста

Сцяпан вярнуўся ў Беларусь самым першым. Ён пасяліўся ў Брэсце ды пачаў працаваць на «Брэстэнерга». Даслужыўся да кіраўнічых пасад.

Пастаялкі былі рэабілітаваныя 29 ліпеня 1992 года рашэннем прэзідыума Брэсцкага абласнога суда. Тады ўжо згінуў Савецкі Саюз, супраць якога яны і змагаліся ў маладосці.

Марыя расказвае гісторыю кахання Сцяпана з будучай міністаркай. Ягоны сябар вучыўся ў Кіеве. Сцяпан прыехаў да яго ў госці ды пазнаёміўся са студэнткай Кіеўскага медыцынскага інстытута Людмілай. Яна была простай вяскоўкай — нарадзілася на Палтаўшчыне.

Шлях у міністры

Атрымаўшы адукацыю, у 1964 годзе Людміла пераязджае ў Брэст і становіцца ўчастковым педыятрам у дзіцячай паліклініцы. Праз дзевяць гадоў яе перавялі ў абласную бальніцу. У гэтай установе яна працавала ажно да 2001 года, дайшоўшы да пасады галоўнага доктара.

Людміла Пастаялка трапіла ў высокую ўладу

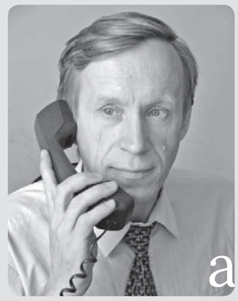
Пасля Аляксандр Лукашэнка выклікае Людмілу ў Мінск — кіраваць міністэрствам. Разам з ёй пераязджае і муж, тады ўжо пенсіянер. Пасля смерці жонкі ён застаўся ў сталіцы — там і дзеці, і ўнукі. Але ў Батарэю штогод прыязджае. «Як здароўе дазваляе», — прызнаецца яго сястра.

Марыя дастае альбомы са здымкамі сваякоў. Па дзіўным супадзенні знаходзяцца фоты ўсіх, апроч Сцяпана. Яшчэ раз паглядзеўшы на здымкі бацькоў і расплакаўшыся, Марыя просіць не друкаваць іх — маўляў, не трэба варушыць нябожчыкаў. Страх і праз 60 гадоў не адпускае ахвяраў.

…Мы хацелі даць слова і самому Сцяпану Пастаялку. Аднак і ён вырашыў не ўзгадваць мінулае. На наш званок на мабільны тэлефон ён ветліва, але настойліва прамовіў: «Што було, то було», — ды паклаў слухаўку.

Батарэя — Мінск

Артыкул Мікалая Аляксандрава — адзін з найбольш удалых у мінулагодняй палітры нашых журналісцкіх прац. Так вызначыла журы конкурсу «Вольнае слова», які ўжо сем гадоў запар ладзіць Беларуская асацыяцыя журналістаў. Інфармацыйная нагода гэтага твора, на жаль, не састарэла. Але ці не больш істотнае для прафесійнага вока — аўтарскае майстэрства, уменне, вартае пераймання. Чытайце, зайздросцьце і — рабіце яшчэ лепш! Новы этап «Вольнага слова» чакае і вашых пераможных сюжэтаў.

Николай **АЛЕКСАНДРОВ**

КАЗНЬ В ЗАКОНЕ

Сугубо субъективные размышления

Приведение в исполнение смертного приговора в отношении Д. Коновалова и В. Ковалева, признанных судом виновными в терактах в минском метро 11 апреля 2011 года, а также в День Независимости 3 июля 2008 года в Минске и в Витебске в 2005 году, вызвало немалый резонанс не только в нашей стране. Это оказалось крайне болезненной темой во взаимоотношениях ЕС и Беларуси.

Кто что защищает?

Государственный телеканал «Беларусь 1» поспешил откликнуться на последние европейские шаги в свойственной ему манере: «Основной причиной, вызвавшей гнев евробюрократов, стал смертный приговор террористам Коновалову и Ковалеву. ЕС ввел визовые санкции против отдельных лиц и заморозил активы нескольких частных предприятий. Таким образом, цивилизованная Европа стала на защиту террористов и ввела санкции против белорусского народа».

Если вдуматься в этот краткий пассаж, то станет понятным, что в нем произведена элементарная подмена понятий. Выстроена ударная конструкция: с одной стороны — зловредные «евробюрократы», поставленные в одну шеренгу с пособниками террора; с другой — белорусский народ, страдающий от неких ужасных санкций, чреватых папертью.

Человеку, свободному от пропаганды и предубеждений, не нужно втолковывать, что данные решения, в том числе и о последних санкциях, принимаются не карикатурными «евробюрократами», а целыми странами через уполномоченных на то европейскими народами представителей руководящих структур по ту сторону Буга. И санкции эти вовсе не грозят обрушить баланс торговли и экономического взаимодействия между Беларусью и ЕС. Они направлены против ряда конкретных лиц и компаний, которые, по мнению европейцев, содействуют нынешнему режиму Беларуси, подвергающему репрессиям демократическую оппозицию.

Обратите внимание: в этом списке отстраненных от альпийских красот нет никого из судей или правоохранителей, причастных к процессу по делу Коновалова и Ковалева. И вовсе не воинственный гнев движет Европою, а другие чувства. Разве о защите террористов вели речь европейцы во весь этот предшествовавший расстрелу период? Никто ведь не оспаривал, что за

преступлением должно следовать наказание. Вопрос заключался лишь в том, следует ли в Беларуси XXI века отвечать кровью на кровь по ветхозаветному принципу.

Соглашусь с немецким политологом А. Раром: нынешняя конфронтация Беларуси и ЕС проистекает из разнополярных цивилизационных моделей и подходов. Политика здесь присутствует в гораздо меньшей степени, нежели мораль. Такова уж эта «разновекторная» специфика.

Наши симплициссимусы

Утром, идя на работу, спросил у давнего знакомца — охранника на автостоянке:

— Степа, ты за смертную казнь или против?

Тот сразу врубился в подоплеку вопроса:

— Я — за. А то народ разбалуется совсем. Другое дело, что много мутного вокруг этой истории. Может, надо было повременить с расстрелом, разобраться… Если эти двое подложили бомбу, то чего они хотели, что ими двигало-то? Я так и не понял. И один ведь отказался потом от показаний… А насчет отмены «вышки» — мы еще не дозрели, менталитет у нас не тот…

Ох, уж это спасительное для нашей хаты — «менталитет не тот»!

Вот на сайте «ИА REGNUM» высказывает свою позицию по этому же поводу Андрей Геращенко, белорусский писатель и общественный деятель (так обозначен на сайте его статус): «…Я уверен в том, что любое умышленное убийство должно караться смертной казнью — и только это является справедливым. Вы представьте: дорогой и близкий каждому из вас человек (ваш ребенок, родитель, любимый) окажется в могиле, а его убийца будет сидеть в тепле и коротать долгие вечера чтением книг, сидя на всем готовом! А мы с вами должны еще и содержать убийцу наших родных или близких, выплачивая на это налоги. Это нормально? Да, случаются судебные ошибки — мы помним невиновно расстрелянных по делу Михасевича (маньяк-убийца, действовавший в 70–80-х годах XX века на территории Беларуси. — «*ИА REGNUM*»). Да и других случаев предостаточно. Скажу больше — я не знаю и не уверен на 100 %, виновны ли именно Коновалов и Ковалев в этом преступлении, однако никаких причин не доверять следствию у меня нет».

Еще круче обостряет разговор блогер Александр Усовский: «Понимаю, что это невозможно, но как бы хотелось! Собрать в кучу всех родственников депутатов Европарламента — жен, детей, матерей, отцов, двоюродных племянников и троюродных внуков — и чтобы по всей этой многотысячной толпе какой-нибудь обкуренный марокканец от души пострелял бы из станкового пулемета. Причем в патронах его — не ограничивать. Ну а потом этого марокканца судить — самым гуманным европейским судом. Любопытно было бы послушать европарламентариев В ЭТОМ СЛУЧАЕ. Они по-прежнему будут нести всякую гиль и дичь о “неприкосновенности человеческой жизни”? О “гуманизме”? О невозможности отнять у человека жизнь? Или выстроятся в очередь под объявлением “требуется палач, оплата сдельная”?»

Убойные аргументы насчет возможной гибели родных или близких — они у сторонников смертной казни повторяются постоянно. Такое вот странное сочетание сентиментальности с брутальностью. И оно явственно перекликается с древней традицией «родовой кровной мести».

Уроки века

Общественные дискуссии вокруг смертной казни велись в Европе на протяжении и XIX, а более всего XX столетия. Сейчас даже удивительно узнавать, что в 1906 году Государственная дума России, куда входили депутаты от Брестского уезда, проголосовала за отмену смертной казни и приняла соответствующее постановление. Правда, правительство не приняло его, но каков прецедент! Лучшие умы — выдающиеся юристы, литераторы, публицисты, политики — выступали за отмену эшафота. С ними, кстати, были солидарны и народные низы, писавшие в газеты, например, такие письма: «Мы, крестьяне, пришли к заключению, что нам необходимо отменить смертную казнь. Убить человека можно, а воскресить его — не воскресишь никогда, никакими сказочными водами…»

Тогда же В. Д. Набоков, русский криминалист и общественный деятель, профессор права, утверждал: «Смертная казнь не может более признаваться мерой правосудия: она лишь остаток старого варварства, пятно на человечестве, “стыд и укоризну” ему наносящее».

Ему вторил православный публицист и философ С. Н. Булгаков: «Всякое убийство есть дело ненависти… Смертная казнь есть один из самых ужасных видов убийства, потому что она есть холодное, расчетливое, сознательное, принципиальное убийство, — убийство без всякого аффекта, без всякой страсти, без всякой цели; убийство ради убийства. И в этом ее главный грех и ужас… Вот этой-то внутренней победы над смертной казнью прежде всего я желаю и себе, и своим читателям».

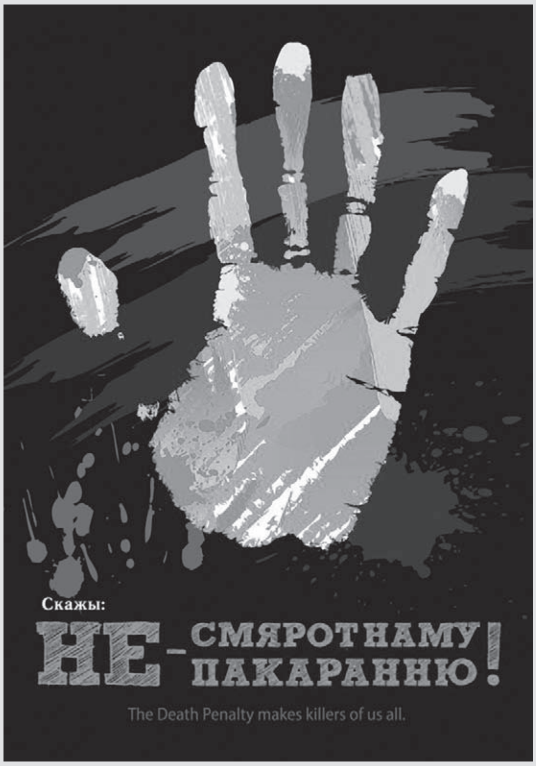
Но понадобились еще десятилетия, вобравшие в себя и войны, и геноцид, и репрессии, пока планета не дозрела до «веерного отключения» казней. К настоящему времени в мире насчитывается 130 стран, отменивших смертную казнь в законе или на практике, и 68 стран, которые сохраняют

и продолжают применять эту меру наказания к различным видам преступлений.

США входят во вторую категорию стран, но и там применение этой меры наказания имеет свою специфику. Порою для сидельцев ожидание исполнения приговора оказывается весьма долгим. Был даже своеобразный рекорд, когда в штате Джорджия Джек Олдермен был приговорен к смерти за убийство своей жены 14 июня 1975 года в возрасте 24 лет, а казнен лишь 16 сентября 2008 года в возрасте 57 лет, более чем через 33 года.

В России не карают смертной казнью преступников с 1996, в Украине — с 1997 года.

В Европе лишь Беларусь сохранила в своем законодательстве эту исключительную меру наказания.

Страна в ловушке

В недавнем интервью телеканалу «Russia Today» Александр Лукашенко, отвечая на вопрос о Коновалове и Ковалеве, сказал: «Я уже говорил как-то публично, что для меня самое сложное — подписать соответствующий указ о непомиловании. Помиловал же я за весь период, по-моему, только одного человека».

Кого — не указано. Память не сохранила акт милосердия?..

Интервьюер Александр Гурнов, комментируя эту беседу с белорусским лидером, внес дополнительные штрихи: «Вчера он был предельно откровенен. Мы с ним практически половину интервью говорили о Боге. О том, как он считает, простит ли его Бог за то, что он регулярно посылает людей на смерть. Я был удивлен, когда он сказал: “Каждый раз подписывать отказ на прошение о помиловании, вы, Саша, не поверите, — это самое тяжелое в работе президента. А отменить смертную казнь мы не можем, потому что народ не поймет”.

Я его спросил, простит ли его Бог за это. Он сказал: “За этих простит. Я подписываю только по тем, по которым я убежден на 100 процентов, что они совершили те преступления, за которые нашим законом предусмотрена смертная казнь. Но не знаю, простит ли меня Бог за их матерей…”»

Господь в роли юридического эксперта («простит… по которым я убежден на 100 процентов») — это что-то новое…

И опять же спотыкание о «менталитет»: «народ не поймет…». Будто это какой-то языческий идол, требующий регулярных жертвоприношений…

Мне думается, белорусский президент сам для себя однажды создал эту «ловушку», инициировав в 1996 году референдум, где в числе прочих легко вписался вопрос о сохранении в республике смертной казни. Насколько я знаю, страны мира, отменявшие эту меру наказания в своем законодательстве, проводили данные решения через парламенты и правительства, но не через плебисциты. В чем разница? Народ, гражданское общество, элиты (политические, творческие, научные) — категории, разнящиеся и уровнем информированности, и правосознанием, и способами решения важнейших проблем. Народом при крепком ресурсе власти можно манипулировать, с элитами это не прокатит.

Есть и другая ловушка в нашей нынешней истории: президентский имидж, который, представляется мне, самим Александром Григорьевичем сформирован для своего правления. Миловать, по его разумению, означает показывать слабость перед миром. И казнь тут становится этаким непременным сценическим атрибутом.

Но милость (не обусловленная внешними обстоятельствами, а естественная) — как раз удел сильных. И страны, отменившие смертную казнь в своих законодательствах, проявили недюжинную волю, преодолевая архаику «менталитета».

Пра смяротнае пакаранне і пажыццёвае зняволенне

Крымінальны кодэкс Беларусі, які дзейнічае ў нашай краіне з 1999 года, прадугледжвае такую меру пакарання, як пажыццёвае зняволенне. Тым не менш і пасля ўвядзення ў дзеянне новага КК беларускія суды выкарыстоўваюць у якасці найвышэйшай меры пакарання смяротную кару. Хоць трэба прызнаць, што смяротныя выракі апошнім часам выносяцца не так часта, як гэта было да 1999 года. Тым не менш стрэлы ў сутарэннях Пішчалаўскага замка ўсё яшчэ гучаць.

Генадзь КЕСНЕР

Паводле Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь (арт. 24), «смяротнае пакаранне да яго адмены можа выкарыстоўвацца ў адпаведнасці з законам як выключная мера пакарання за асабліва цяжкія злачынствы і толькі згодна з выракам суда».

За што могуць расстраляць

Сёння гэтая мера пакарання можа прызначацца за дванаццаць катэгорый злачынстваў у мірны час і за дзве — у час ваенны. Напрыклад, сярод гэтых катэгорый злачынстваў — «развязванне альбо вядзенне агрэсіўнае вайны» (ч. 2 арт. 122 КК РБ), «забойства прадстаўніка замежнай дзяржавы, міжнароднай арганізацыі з мэтаю правакацыі міжнародных ускладненняў альбо вайны» (ч. 2 арт. 124), «міжнародны тэрарызм» (арт. 126), «генацыд» (арт. 127), «злачынствы супраць бяспекі чалавецтва» (арт. 128).

Смяротнае пакаранне можа быць таксама прызначанае за «наўмыснае пазбаўленне жыцця пры абцяжарвальных абставінах» (ч. 2 арт. 139), «тэрарызм» (ч. 3 арт. 289), «тэрарыстычныя акты» (арт. 359), «здраду, спалучаную з забойствам» (ч. 2 арт. 356), «змову з мэтаю захопу дзяржаўнае ўлады» (ч. 3 арт. 357), «дыверсію» (ч. 2 арт. 360).

Да таго ж, расстраляць могуць за «забойства супрацоўніка міліцыі» (арт. 362), «выкарыстанне зброі масавага паражэння» (арт. 134), «забойства асобы падчас парушэння законаў і звычаяў войнаў» (ч. 3 арт. 135).

Выкананне смяротнага пакарання ў выглядзе расстрэлу адбываецца ў СІЗА № 1 МУС РБ у Мінску на вуліцы Валадарскага (Пішчалаўскі замак).

У адпаведнасці з Крымінальным кодэксам Рэспублікі Беларусь смяротнае пакаранне не можа выкарыстоўвацца да асоб, якія здзейснілі злачынства ва ўзросце да васямнаццаці гадоў, да жанчын, а таксама мужчын, якім на момант вынясення прысуду споўнілася шэсцьдзясят пяць гадоў.

Магчымая альтэрнатыва расстрэлу

Трэба звярнуць увагу на акалічнасць, што ні ў водным са згаданых намі артыкулаў Крымінальнага кодэкса смяротная кара не прадугледжана як адзіна магчымае пакаранне.

Альтэрнатыва смяротнаму пакаранню ўпершыню была ўведзеная Законам Рэспублікі Беларусь ад 31 снежня 1997 года «Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у Крымінальны, Крымінальна-працэсуальны і Папраўча-працоўны кодэксы Рэспублікі Беларусь». У адпаведнасці з гэтым актам у Крымінальны кодэкс упершыню была ўведзеная норма, якая прадугледжвала новы від крымінальнага пакарання ў выглядзе пажыццёвага зняволення.

Цяперашнім часам у Беларусі дзейнічае Крымінальны кодэкс, прыняты 9 ліпеня 1999 года (набыў сілу 1 студзеня 2001 года), якім смяротная кара прадугледжаная ў якасці выключнай меры пакарання (арт. 59) за некаторыя асабліва цяжкія злачынствы, спалучаныя з наўмысным пазбаўленнем жыцця чалавека пры абцяжарвальных абставінах. У адпаведнасці з тым жа артыкулам 59 КК РБ смяротнае пакаранне ў парадку памілавання можа быць замененае пажыццёвым зняволеннем.

Тым не менш, нягледзячы на ўзаконеную альтэрнатыву, паводле дадзеных Міністэрства юстыцыі Беларусі, з 1994 па 2011 год да смяротнага пакарання быў прысуджаны 241 чалавек. Прычым «расстрэльныя» выракі выносіліся і пасля пачатку дзеяння новага КК. Праўда, той жа Мінюст паведамляе, што ў 2012 годзе ніводзін чалавек у Беларусі не быў прысуджаны да смерці.

Пры гэтым улады чамусьці адмаўляюцца паведамляць, колькі чалавек за гэты час было памілавана. Адзін з параўнальна нядаўніх прыкладаў — зварот па гэтую інфармацыю ў Адміністрацыю прэзідэнта праваабаронцы з Брэста Рамана Кісляка. Ён паведаміў агенцтву БелаПАН, што яму адмовіліся даць інфармацыю пра колькасць памілаваных сярод асуджаных на смяротнае пакаранне, пачынаючы з 1994 года.

Паводле незалежных экспертаў, высветліць дакладную колькасць прысуджаных да смерці, расстраляных і памілаваных практычна немагчыма.

Пажыццёвае зняволенне

Такое пакаранне прадугледжана ў Крымінальным кодэксе як альтэрнатыва смяротнаму прысуду. Яно можа быць прызначана асобам, якія здзейснілі злачынства ва ўзросце да васямнаццаці гадоў, жанчынам, а таксама мужчынам, якім на момант вынясення прысуду споўнілася шэсцьдзясят пяць гадоў.

Асуджаныя да пажыццёвага зняволення адбываюць пакаранне ў папраўчай калоніі асаблівага рэжыму альбо ў турме. Праз дваццаць гадоў у прысуд чалавека, які асуджаны на пажыццёвае зняволенне альбо якому смяротнае пакаранне ў парадку памілавання заменена пажыцёвым зняволеннем, могуць быць унесены карэктывы. Суд, улічваючы стан яго здароўя ці ўзрост, а таксама паводзіны, можа замяніць далейшае адбыванне пажыццёвага зняволення пазбаўленнем волі на пэўны тэрмін, але не больш за пяць гадоў.

Без працэдур

Як адзначаюць праваабаронцы, смяротныя прысуды часам прыводзяцца ў выкананне яшчэ да заканчэння ўсіх прадугледжаных заканадаўствам і міжнароднымі нормамі працэдур.

У 2009 годзе да смяротнага пакарання былі прысуджаныя Андрэй Жук (за ўзброены напад і забойства мужчыны і жанчыны) і Васіль Юзэпчук (за забойства шасці жанчын сталага веку). У кастрычніку 2009 года асуджаныя на смерць падалі скаргу ў камітэт ААН па правах чалавека. Камітэт заклікаў беларускі ўрад не выконваць смяротныя прысуды да разгляду скаргаў. Тым не менш абодвух мужчын расстралялі ў 2010 годзе — да разгляду іх скаргаў.

Вялікі розгалас як у Беларусі, так і па-за яе межамі мела справа пра выбух у Мінскім метрапалітэне,

які адбыўся 11 красавіка 2011 года. Вінаватымі ў здзяйсненні злачынства былі прызнаныя жыхары Віцебшчыны дваццаціпяцігадовыя Дзмітрый Канавалаў і Уладзіслаў Кавалёў, якіх Вышэйшы суд Беларусі прысудзіў да смяротнага пакарання. У вялікай колькасці назіральнікаў як вядзенне, так і вынікі следства, а потым і суд, выклікалі шэраг пытанняў. Тым больш што Уладзіслаў Кавалёў не прызнаў сваёй віны і на судзе заявіў, што падчас папярэдняга следства даваў паказанні пад ціскам.

Кавалёў і ягоны абаронца таксама накіравалі скаргу ў Камітэт ААН па правах чалавека. Як і ў выпадку з Жуком і Юзэпчуком, Камітэт ААН заклікаў кіраўніцтва Беларусі не прыводзіць прысуд у выкананне да разгляду скаргі. Тым не менш усяго праз некалькі месяцаў пасля вынясення смяротнага выраку (30 лістапада 2011 года) Канавалаў і Кавалёў былі расстраляныя (сярэдзіна сакавіка 2012 года). Пазней Камітэт ААН па правах чалавека прызнаў недахопы падчас следства і суда і прыйшоў да высновы, што беларуская дзяржава парушыла галоўнае права Уладзіслава Кавалёва — права на жыццё (Канавалаў, які падчас суда не вымавіў амаль ніводнага слова, у Камітэт ААН не звяртаўся).

Трэба адзначыць, што сваякам расстраляных не паведамляюць ні дакладны час прывядзення прысуду ў выкананне, ні месца пахавання, не кажучы ўжо пра выдачу цела расстралянага. Таму маці Уладзіслава Кавалёва Любоў Кавалёва пачала шырокую кампанію не толькі ў абарону добрага імя свайго сына, але за адмену смяротнага пакарання ў Беларусі ўвогуле. Жанчына таксама патрабуе выдаць ёй цела сына і ягоныя дзённікі, якія Уладзіслаў вёў, калі знаходзіўся за кратамі.

Расстрэлы можна адмяняць

11 сакавіка 2004 года Канстытуцыйны Суд (КС) Рэспублікі Беларусь вынес заключэнне № З-171/2004 па справе «Аб адпаведнасці Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь і міжнародным дамовам Рэспублікі Беларусь палажэнняў Крымінальнага кодэкса РБ, якія прадугледжваюць выкарыстанне ў якасці пакарання смяротную кару». У сваім рашэнні КС звярнуў увагу, што норма ч. 3 арт. 24 Канстытуцыі, якая дапускае пакаранне ў выглядзе смяротнае кары, адначасова ўтрымлівае і згадку пра яе выключны і ЧАСОВЫ характар.

У заключэнні КС адзначана, што адмова ад выкарыстання смяротнага пакарання на еўрапейскім кантыненце стала агульным правілам. Дзяржавы — чальцы Савета Еўропы, якія падпісалі і ратыфікавалі Еўрапейскую Канвенцыю пра абарону правоў чалавека і асноўных свабод 1950 года і Пратаколы да яе № 6 ад 28 красавіка 1983 года і № 13 ад 3 траўня 2002 года, абавязаныя выключыць смяротнае пакаранне.

У той жа час Канстытуцыйны Суд адзначае, што Рэспубліка Беларусь не з’яўляецца чальцом Савета Еўропы, у звязку з чым выкананне згаданых дакументаў для яе не абавязковае. Не ратыфікаваны і Другі факультатыўны пратакол да Міжнароднага пакта аб грамадзянскіх і палітычных правах, які таксама абавязвае кожную дзяржаву — удзельніцу гэтага Пратакола — зрабіць усе неабходныя захады для адмены смяротнага пакарання ў межах сваёй юрысдыкцыі. Паколькі згаданыя вышэй міжнародныя дамовы не ратыфікаваныя, што абумовіла б паводле артыкулаў 8 і 116 Канстытуцыі Беларусі вяршэнства міжнародных актаў у сістэме нацыянальнага права, КС прыйшоў да высновы, што ў сучасных умовах пытанне пра адмену гэтага віда пакарання альбо пра ўвядзенне маратолыя на яго выкарыстанне можа быць вырашана прэзідэнтам РБ і парламентам.

Такім чынам, з дакумента КС вынікае, што ніякага рэферэндуму аб адмене смяротнага пакарання, пра што шматкроць казаў кіраўнік нашай дзяржавы, калі спасылаўся на вынікі плебісцыту 1996 года, не патрабуецца. Бо, яшчэ раз падкрэслім, смяротнае пакаранне ў Асноўным законе Беларусі прапісана як ЧАСОВАЯ мера.

Чаму нельга выкарыстоўваць смяротнае пакаранне

Як лічыць кіраўнік юрыдычнай камісіі Беларускага Хельсінкскага камітэта Гары Паганяйла, выкарыстоўваць расстрэл нельга не толькі таму, што ёсць міжнародныя стандарты, грамадская мараль. «Рэч у тым, што сёння суды ўсё ж недасканалыя, ёсць верагоднасць судовае памылкі, асабліва па крымінальных справах. У крымінальным працэсе высветліць “ісціну ў апошняй інстанцыі” практычна немагчыма. Можна наблізіцца да яе, але не вызначыць. У звязку з гэтым лічыцца немагчымым выкарыстанне смяротнага пакарання, таму што такая мера ёсць незваротнай. Ёсць дзясяткі прыкладаў, калі праз некалькі гадоў высвятляецца, што людзі, прысуджаныя да смяротнага пакарання, не здзяйснялі злачынства. Падобныя гісторыі меліся і ў сучаснай Беларусі», — адзначыў юрыст.

Дастаткова прыгадаць сумна вядомую «Віцебскую справу», калі яшчэ да таго, як злавілі сапраўднага маньяка — забойцу жанчын Генадзя Міхасевіча, — аднаго чалавека расстралялі, трох асудзілі на пятнаццаць гадоў зняволення і яшчэ некалькіх — да меншых тэрмінаў пазбаўлення волі.

Тым часам Беларусь застаецца адзінай краінай не толькі ў Еўропе, але нават на тэрыторыі ўсяго былога СССР, дзе дагэтуль выносяцца і прыводзяцца ў выкананне смяротныя прысуды. І адзінай дзяржавай на кантыненце, якая не з’яўляецца чальцом Савета Еўропы. Бо адмена смяротнага пакарання ці хаця б увядзенне мараторыя на расстрэлы ёсць адной з галоўных умоваў сяброўства ў СЕ.

Олег АГЕЕВ,
юрист,
правозащитник

Смогут ли сейчас журналисты без ограничений работать в судах?

Порядок доступа к «гласному» белорусскому правосудию, который сложился на практике, затрудняет освещение судебных процессов. Изменится ли что-то в связи с официально декларированным стремлением к гласности?

В начале января этого года на сайте Верховного Суда было опубликовано Постановление Пленума ВС «Об обеспечении гласности при осуществлении правосудия и доступа к информации о деятельности судов»[1], принятое 20 декабря 2013 года.

Ситуация для принятия этого документа «созрела» уже давно. Журналисты и правозащитники неоднократно заявляли, что тот порядок доступа к «гласному» белорусскому правосудию, который сложился на практике, в значительной мере затрудняет освещение судебных процессов. У желающих сделать общедоступной информацию о том или ином судебном заседании возникают проблемы, — начиная со входа в здания суда, в помещение, где рассматриваются дела. Их попросту могут не пустить на порог сакрального места, в котором вершит свои таинства белорусская Фемида. Если же этот порог все же преодолен, то попытки фиксировать ход процесса часто пресекаются лицами, которые должны быть напрямую заинтересованы в том, чтобы максимальное количество

[1] http://court.gov.by/jurisprudence/Post_plen/general/b508a0b355b551ef.html

людей узнало, насколько справедливы, беспристрастны и независимы наши суды. Но сами судьи, а также прокуроры, охранники, конвойные, секретари судебных заседаний делают все возможное, чтобы информация о происходящем в зале суда не ушла дальше стен зала заседаний.

Поэтому стремление к гласности, зафиксированное в Постановлении Пленума ВС, обнадежило и порадовало журналистов, правозащитников, адвокатов и иных заинтересованных в публичности правосудия лиц.

Но находятся среди них и пессимисты, которые утверждают, что принятое постановление не изменит ситуацию с гласностью судебных процессов. Их доводы вполне аргументированы и заслуживают внимания.

Отечественная судебная система, мягко говоря, далека от совершенства. Перечень системных проблем в белорусских судах занимает многие страницы в докладах международных органов и национальных правозащитных организаций. Периодически и сам Верховный Суд возьмет да и заметит, что не все в порядке в судебной ветви власти. Естественно, этот «сор» редко выносится из избы, поскольку многие проблемы уходят своими корнями так глубоко, что даже задумываться об их решении совсем небезопасно для собственного судейского кресла. А в ситуации, когда системные вопросы не могут быть разрешены, чиновникам безопаснее их скрыть. Сделать так, чтобы общество получало только картинку, которая не дает возможности стороннему наблюдателю, видевшему хотя бы по телевизору, как осуществляется правосудие в других странах, понять, что наши суды по многим критериям страшно далеки от международных стандартов, нацеленных на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Из-за этого наши судьи заинтересованы в том, чтобы система оставалась «закрытой» — ведь не только престиж мантии отдельного судьи, но и репутация целой ветви власти могут оказаться сильно подпорчены, если из-за стен судов выльется информация о том, что там действительно происходит.

Внимательное чтение упомянутого Постановления Пленума приводит к печальной мысли: Верховный Суд не привнес нового в правовое разрешение наболевшей проблемы. Действующее законодательство и ранее закрепляло порядок, который должен был позволять журналистам выполнять свои профессиональные обязанности в судах без всяких ограничений. Постановление лишь обратило внимание судов на то, что действующая правовая база «о гласности судебного разбирательства, обеспечение доступа к информации о деятельности судов способствуют законному, обоснованному и справедливому разрешению дел в судах».

Наш Верховный Суд не стал использовать пример Верховного Суда Российской Федерации, который в своем аналогичном Постановлении от 13 декабря 2012 года № 35 в п. 23 предусмотрел, что «несоблюдение требований о гласности судопроизводства в ходе судебного разбирательства свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права и является основанием для отмены судебных постановлений». Российский судья, зная, что необоснованное удаление журналистов из зала суда может повлечь при определенных условиях отмену принятого им решения по делу, конечно же, не станет рисковать результатами своей работы и не будет нарушать права журналистов. Белорусский Верховный Суд даже не пугает наших судей аналогичными мерами воздействия за возможные нарушения публичности при рассмотрении дел.

Не предусмотрены в обсуждаемом Постановлении и меры воздействия на охранников, конвойных и других лиц (зачастую в «штатском»), которые могут стоять на пути к получению информации о деятельности судов. Такие лица не являются сотрудниками судебной системы и подчиняются совсем другим органам. Данная категория служащих в принципе не знает и знать не хочет ни международных актов, ни национального законодательства, взывающего к открытости судов. Эти люди охотно и с пристрастием выполняют инструкции своего начальства, занимают позицию «пущать не велено», и как раз именно они своими действиями могут нивелировать огромное количество разумных и полезных начинаний Верховного Суда по обеспечению гласности судебных процессов.

Реальная ситуация с возможностью фиксировать ход судебных процессов, увы, остается в таком же печальном состоянии, как и до принятия Постановления «Об обеспечении гласности…». Хотя сам факт внимания Верховного Суда к назревшей проблеме дает основания надеяться на изменения.

Пленум высшей судебной инстанции абсолютно прав, когда напоминает судьям о гласности судебного процесса. Нормы закона, регулирующие возможность записи аудио- и видеоматериалов в зале судебных заседаний, предусмотрены в белорусском законодательстве. Они обязательны для исполнения всеми, и в первую очередь судьями наших национальных судов. Если норма права не работает, — значит, есть проблема в правоприменительной практике. И здесь необходимо сказать огромное спасибо Пленуму Верховного Суда Беларуси за то, что он пытается приводить эту практику в соответствие с Законом и здравым смыслом.

Конституция закрепила право на получение информации и право на открытый суд. Гражданский и уголовный процессуальные кодексы однозначно прописали процедуру и механизмы, по которым журналисты (впрочем, как и любой присутствующий в зале суда) со своего места могут производить фиксацию хода судебного процесса «предусмотренными законом средствами и способами» даже без уведомления и получения разрешения от судьи на звукозапись.

Международные стандарты, которые также являются частью нашей национальной правовой системы, однозначно определяют, что ограничение права на открытое слушание дела без достаточных оснований, а только лишь по воле председательствующего в

процессе, — это нарушение права на справедливый суд, что может повлечь пересмотр всего дела.

Из этого следует, что право фиксировать путем аудиозаписи все происходящее в зале белорусского суда во время процесса у журналиста есть и без разрешения человека, облаченного в черную мантию. Если же журналист хочет фотографировать или снимать на видео ход процесса, то и такое его право закреплено законом и регулируется гражданским и уголовным процессуальными кодексами. Однако в этом случае для реализации этого права требуется согласие сторон по делу и судьи.

Таким образом, если право законом предусмотрено, прописаны механизмы его исполнения, то надо быть настойчивыми в его реализации и соблюдении.

Для этого надо добиваться прежде всего пропуска в здание суда. Если человек в форме препятствует вашему проходу в здание, то тем самым он нарушает закон и ваши права. Следовательно, надо об этом немедленно информировать лиц, которые могут его наказать за это нарушение. Как правило, в нашей стране охрану входов в суды осуществляют сотрудники Департамента охраны МВД. Поэтому целесообразнее всего немедленно связаться с начальником территориального отдела охраны и требовать привлечения такого «сотрудника» к ответственности. Благо в эпоху высоких технологий узнать телефон территориального отдела департамента охраны в интернете совсем не сложно, особенно журналистам, которые умеют находить информацию. Также необходимо зафиксировать противоправное поведение охранника в «книгу жалоб и предложений», которая в обязательном порядке имеется в каждом суде. Если же охранник совсем перешел границы разумного и препятствует пройти в здание суда с применением насилия, то можно позвонить с сообщением о его противоправном поведении и в дежурную службу местной милиции по телефону 102.

Если же, попав в здание суда, вы лишены возможности войти в помещение, где будет рассматриваться дело, то и об этом необходимо сделать отметку в «книге жалоб и предложений», которая имеется во всех судах. Особенно если вам говорят, что причиной, по которой вам нельзя присутствовать при рассмотрении дела, является отсутствие свободных мест в помещении, а рядом находится пустой свободный и вместительный зал судебных заседаний. Также можно немедленно пойти на прием к председателю суда и сообщить ему, что нарушается закон — прямо в здании суда. Если вежливо попросить председателя суда принять меры по прекращению этого нарушения, то, как правило, председателю для разрешения конфликта достаточно просто по телефону дать «ценные указания» о неукоснительном выполнении требований процессуальных кодексов судье, которому по силам обеспечить дополнительными стульями помещение, где будет слушаться дело.

Но вот вы в зале судебных заседаний. Кстати, в качестве «залов» могут выступать как специально оборудованные для этого помещения, так и кабинеты судей или же даже актовые залы. «Писать звук» в судебных заседаниях, как говорилось выше по тексту, вы можете свободно, ни у кого не спрашивая разрешения. Поэтому смело включайте устройство аудиозаписи. Если же участники процесса или судья потребуют прекратить аудиозапись, то в спор лучше не вступать. Эффективнее свою позицию излагать в форме устного запроса к судье. Можно это делать в форме ходатайства. Например: «Прошу разъяснить мне, на какой норме закона основывается требование прекратить запись?» Поскольку таких норм нет, то, скорее всего, вести аудиозапись вам никто после вашего запроса запрещать не будет.

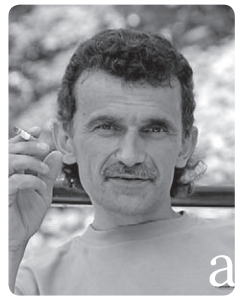
Все попытки препятствовать вам в реализации ваших прав необходимо фиксировать и обжаловать в установленном законом порядке. Тем более что Пленум Верховного Суда в своем Постановлении дал нам для жалоб отличную аргументацию. Пожалуй, именно сейчас появилась реальная возможность изменить порочную практику по применению незаконных ограничений гласности, которые фактически «закрывают» нашу судебную систему от внимания общественного мнения.

Именно с принятием данного Постановления есть все основания надеяться, что ситуация изменится и журналисты смогут беспрепятственно исполнять профессиональные обязанности по освещению судебных процессов и распространению информации о деятельности белорусских судов.

Ведь в конечном итоге по данному вопросу и у журналистов, и у судебной системы общие интересы и цели: обеспечить гласность при осуществлении правосудия, а именно сделать так, чтобы максимальное количество людей узнало о том, насколько справедливы, беспристрастны и независимы наши суды.

Даўно пераканаўся, што з узростам у чалавека сапраўдных сяброў не становіцца болей, хутчэй, наадварот. Аднак здараецца, што лёс сутыкае людзей, і на доўгія гады яны робяцца аднадумцамі.

Сяржук СЫС

Жыву, бунтую, хто зразумее?

Перабіраю стосы лістоў, напісаныя амаль нечытэльнай лацінкаю, якія дасылаў мне ў войска сябра Алесь Бяляцкі. Потым, калі Алеся таксама абулі ў кірзачы, ён пісаў у сваю чаргу мне з далёкай Свярдлоўскай вобласці, дзе давялося яму стаць механікам-кіроўцам браніраванага цягача.

Алесь Бяляцкі літаральна ўварваўся ў маё жыццё ў 1979 годзе, каб ад таго часу быць прысутным не толькі ў самых розных побытавых калізіях, але і ў грамадзянскіх учынках і падзеях.

Паэт Анатоль Сыс у адным са сваіх лістоў да мяне — дарэчы, ён таксама тут, у гэтым стосіку, — напісаў так: «Трымайся Алеся, з ім не прападзеш, але гора цяпнеш». Так яно і сталася… Алесь правёў за кратамі амаль тры гады. Надта не любяць у нашай краіне праваабаронцаў.

Памятаю ягоны апошні тэлефонны званок мне на лецішча, у нядзелю 31 ліпеня 2011 года, за некалькі дзён да ягонага арышту. Пасля кароткага прывітання Алесь пачаў чытаць верш, затым другі… Пачутае падалося мне нейкім знаёмым, блізкім, аднак аўтара пазнаць я не мог, таму запытаўся ў Алеся: «Чые?»

— Твае, — лаканічна адказаў ён. — Перабіраю вось архіў і натрапіў на твае армейскія лісты, а там — вершы.

Не збярог я ў свой час тую «вайсковую» паэзію для сябе, таму нецярпліва папрасіў Алеся, каб зрабіў мне копію. Аднак не ўдалося яму — праз пару дзён «павязалі».

Вось згадваю зараз нашае студэнцтва, і прыходзіць разуменне, што сённяшні Бяляцкі вырастаў яшчэ тады, падчас нашага навучання ў Гомельскім дзяржаўным універсітэце.

З Алесем мы ў 1979 годзе патрапілі ў адну групу на гісторыка-філалагічным факультэце ГДУ, але сышліся не адразу. На тое была банальная прычына: першы семестр Бяляцкі жыў на кватэры, а я адразу акунуўся з галавой у інтэрнатаўскае жыццё. Некаторы час прыглядаліся адзін да аднаго, затым пакрысе пачалі дзяліцца думкамі, першымі сваімі паэтычнымі спробамі. Размовы пра літаратуру выліліся крыху пазней у стварэнне на факультэце рукапіснага альманаха.

Пазнаёміўшыся бліжэй, пачалі шмат падарожнічаць: спрабавалі пешшу прайсціся па беларускім Палессі, зладзілі паездку да магілы Максіма Багдановіча ў Ялту. Ужо тады мы скептычна ставіліся да многіх грамадска-палітычных рэалій і ў размовах і спрэчках шукалі іншай праўды, праз спасціжэнне культуры і гісторыі адчынялі для сябе невядомую нам Беларусь.

Зжаўцелая ад часу перапіска з Алесем, лісты датаваныя 1981–82 гадамі…

Некаторыя вытрымкі з лістоў даюць дакладнае ўяўленне аб тым, чым займаўся студэнт Алесь Бяляцкі, якія праблемы хвалявалі яго на той час, і ўрэшце адказваюць на галоўнае пытанне: у чым вытокі яго высокай грамадзянскай свядомасці і

прынцыповасці, менавіта тых якасцяў, пра якія сказаў паэт Ніл Гілевіч:

Мы ўзышлі не з насення,
што ветрам занесена,
Мы не дзікай травы
самарослыя парасткі.
У глыбінях зямлі,
гераічнай і песеннай,
Нашых душ карані —
з вузялкамі ўпартасці.

Падчас сходу літаратурнага аб'яднання «Тутэйшыя», 1987 год

«…У самым канцы падарожжа я заехаў у Менск пашукаць аднадумцаў і паглядзець, што там робіцца. І мне зноў пашэнціла! Чуеш, ты, лысы, я не адзін! Ты нават уявіць не можаш, як сур'ёзна там глядзяць на гэтую справу. Я сышоўся з хлопцамі з універу БДУ. Вельмі многа цяпер залежыць ад нас. Як прыеду — адразу пачынаю бурную дзейнасць. Гэта справа не на месяц, не на два. Гэта не хобі. Гэта справа ўсяго жыцця! Пачынаецца адраджэнне! Дзеля гэтага я гатовы на ўсё. Пачынаецца сапраўднае жыццё... І зноў цябе няма побач! Я не ведаю, як пойдуць справы зараз, але ж я вельмі спадзяюся на тваё вяртанне…»

«…Сяджу на жлобінскім вакзале і чакаю цягнік на Вільню… Пачынаецца чарговае падарожжа. Маршрут на 10 дзён такі: Вільня і тое, што каля Вільні (што ўваходзіла ў спрадвечнае беллітоўскае княства і, значыць, непасрэдна звязана з нашай гісторыяй). Потым еду — Коўна. Шауляй. Рыга. На адваротнай дарозе заеду ў Менск…»

Алесь не толькі шмат падарожнічаў… У тыя гады яго цікавілі самыя разнастайныя пытанні духоўна-культурніцкага адраджэння Беларусі, этнаграфія, гісторыя, археалогія, літаратуразнаўства, музыка. Ён — актыўны ўдзельнік літаратурнага гуртка «Крынічка» ГДУ.

«Зараз думаю зноўку аб часопісе, ну, вядома, ужо не такім, які мы выпускалі раней. От ад цябе і патрабуюцца вершы. Табе ж збоку лепей відаць, што ты там можаш зрабіць. Так што чакаю тваіх парад… Твой верш надрукуем у «Леры» («Лера» — дачка нашага «Руна»). Узровень значна вышэйшы. Вялікае месца займае публіцыстыка. І яшчэ парада — працуй над сваёй мовай, працуй над сэнсам радка!..»

«Прывітанне, Сяргей! Пішу ад муроў старажытнага Мірскага замка, дзе я зараз працую рабочым на раскопках і выкідваю па некалькі тон гаршчкоў, кафлі, фаянсу, кандэлябраў у дзень. Замак цудоўны, я быў у казцы. Карацей кажучы, пашэнціла, не кожны ж умее капаць такі замак, як Мірскі. Ды і сам Мір вельмі цікавы па гіст. забудове. Падабраўся цікавы кантынгент хлопцаў-менчукоў. Пасля працы — лекцыі, дыспуты, размовы багата аб чым».

«…У нас усё паціху варушыцца. Паступова знаходзяцца людзі. Кожную пятніцу праводзім "вячоркі", на якіх разбіраем пытанні аб мастацтве, культуры, літаратуры, гісторыі. Збіраецца чалавек па 30. Рабілі ў інтэрнаце вечар, прысвечаны Максіму Багдановічу. Кажуць, атрымалася няблага. Я, Толік, Эдзік, Скачынскі — новая рок-група на беларускім небе, праўда, сола добрага няма. Але ж рэпетуем».

«…За гэты час вельмі багата пазнаў і па гісторыі Беларусі, і наогул гісторыя цяпер для мяне — другое хобі (першае — наша рок-суполка "Баскі"). Нас, "Баскаў", высвабадзілі ад "бульбы", і мы другі тыдзень рэпетуем...

…Мы стварылі спеўна-драматычную майстроўню, далі нам і кіраўніка з музычнай адукацыяй, і грошай на касцюмы, музычныя прылады. Пачынаем рабіць з гэтага нейкую культурна-асветніцкую школку, каб людзі туды не толькі спяваць прыходзілі, але і нешта з нашай культуры і гісторыі атрымоўвалі».

Неяк неўпрыкмет, у часе вучобы на гісторыка-філалагічным факультэце ГДУ, Алесь Бяляцкі неўзабаве стаў цэнтрам гомельскага грамадска-культурнага жыцця, аўтарытэтным натхняльнікам многіх пачынанняў і ініцыятыў, што пазней у Менску, падчас навучання ў аспірантуры Акадэміі навук, выявілася ў значна шырэйшым аб'ёме. Пры гэтым у яго знаходзіўся час і на вучобу, і на самаадукацыю.

«Узяўся за вывучэнне польскай мовы пасапраўднаму. Праўда, чытаю пакамест толькі адную фантастыку і дэтэктывы. Сесію здаў нармальна і ўсе экзамены, акрамя рускай літаратуры, здаваў на беларускай мове. Выходзіць нармальна… Калі ты прыедзеш (з войска), табе будзе значна лягчэй, чым нам, бо адразу пападзеш у беларускамоўнае асяроддзе. Пішы там хоць як, не забывай на прозу — замалёўвай усё — прыдасца потым, не спадзявайся на памяць».

Больш за трыццаць гадоў сышло, як пісаліся гэтыя лісты, шмат што змянілася за пакручасты і непрадказальны адмерак часу нашага знаёмства, аднак нязменным засталося толькі адно — вера ў свайго сябра і аднадумца Алеся Бяляцкага.

Феномен Желнова

Бобруйский блогер Желнов — как птица Феникс: его и бьют, и судят, и штрафуют, а он опять «возрождается», в очередном своем посте. Если бы блогера Желнова не было, его следовало бы выдумать. Поскольку — и время, и место. Время и место для «гражданской журналистики», как ее теперь называют.

Такие возможности, такие формы существования журналистике дал интернет. От которого теперь не спрятаться, не скрыться — ни диктаторам-самодурам, ни просто, скажем, «самодурствующим» милиционерам.

Между тем наш герой, похоже, стал уже «страшным сном» для бобруйского УВД. Поскольку — действует строго в рамках закона и от милиционеров требует того же.

«Битвы» в Бобруйске идут нешуточные. Так получается, что, «проходя мимо», блогер Желнов раз за разом становится свидетелем нарушений со стороны работников милиции (неправильная парковка, нарушение прав граждан на получение информации и т. д.) и — снимает всё это на видеокамеру. Милиционеры же, желая спрятать концы в воду, раз за разом «забирают» — и его, и технику. Иногда — ломают эту самую технику, иногда — «ломают» самого Желнова.

Но кто же он, блогер Желнов, откуда появился, как сформировался?

— Расскажите, пожалуйста, о себе: где родились, учились, работали…

— Родился в Рязани, в семье служащих. Тягу к добру и справедливости получил в наследство от родителей.

В 1982 году окончил Московское суворовское военное училище и поступил в Рязанское ВВКУС — Высшее военное командное училище связи. С 1986 года проходил службу в ВС СССР; уволен по состоянию здоровья в 1992 году.

Какое-то время занимался предпринимательской деятельностью. Из-за проблем со здоровьем свернул ее в 2010 году. В настоящее время тружусь на ОАО «Белшина» электромонтером.

К слову, эта работа нравится мне тем, что, хоть и связана с постоянным движением, но не мешает думать, размышлять.

Олег Петрович Желнов у входа в суд

— Когда вы стали «активничать» в интернете, открыли свой блог? Что вами двигало — желание высказаться, найти единомышленников, может быть, сказать правду?..

— В интернете я «присутствую» еще с тех допотопных времен, когда про гигагерцы и гигабайты даже и не мечтали.

Сначала завел сайт, посвященный защите автомобилей от угона. Через него начал давать

бесплатные консультации. С гордостью заявляю, что ни один из защищенных с моей помощью автомобилей никому из злоумышленников угнать не удалось. По крайней мере, у тех владельцев авто, кто следовал моим рекомендациям…

А первый свой блог я создал относительно недавно, в 2005 или 2006 году, посвятив его разъяснению идеологии, тактике и технике защиты от угона.

Параллельно делал дневниковые записи для открытого обозрения.

А спустя год даже уволили виновника этих событий; его подельникам тоже досталось «на орехи». За что они позже «отблагодарили» мою семью, возбудив в те годы одно за другим три уголовных дела.

Я хочу уточнить, что ненавижу любые войны. Однако без торжества справедливости людям придется жить рабами. Причем не только обычным гражданам, но и той же милиции. Которая из-за своего бесправия и произвола со стороны начальства отыгрывается на людях.

Но — подчеркиваю — я ни с кем не воюю.

Насильственное вручение повестки. Бобруйский суд. 23.10.2013

— Что было дальше?

— В 2009 году я создал другой сайт — с целью обобщения информации по защите от угона. Пока не спеша его делал, столкнулся с произволом контролеров местного троллейбусного управления (некоторые из них отказываются представляться, хамят), с безразличием со стороны милиции и неожиданной «добротой» суда.

К тому моменту я сделал для себя вывод, что с помощью техники, позволяющей обеспечивать гласность, вполне можно изменить нашу жизнь в лучшую сторону.

Ведь все, что выкладывается в интернете, никуда не пропадает, и, благодаря этому, со временем без проблем можно будет составить характеристику того или иного человека. Чиновника, сотрудника «органов» или другого гражданина. Можно будет услышать его слова, увидеть его дела и определить, насколько они соответствуют друг другу.

Просто не даю, скажем, взяток, соблюдаю закон и принуждаю к подчинению закону тех, кто должен это делать по службе.

— Есть ли у вас «любимая» блогерская тема?

— Да, конечно. Это правда и справедливость.

— Ваша активность в блогах, в частности, в Ютубе, вызвала недовольство некоторых сотрудников милиции, вас стали преследовать, возбудили в феврале этого года уголовное дело… В чем они вас обвиняют?

— Пока не знаю. Мне пока не предъявлено никаких постановлений, а гадать я не хочу.

— Когда и почему вы занялись темой злоупотреблений со стороны работников милиции?

— Впервые это случилось в 2002 году, когда пришлось заниматься возвратом денег за поставленную мной сотрудникам милиции компьютерную технику и устройство сигнализации. Заинтересованные и ответственные «милицейские лица» долгое время не желали возвращать мне деньги.

После длительных разбирательств УСБ и других служб деньги все же вернули. В 2004 году.

Олег Желнов (справа) с сыном Алексеем

К слову, один мой знакомый как-то давал мне специальную программу, которая проанализировала все обращения в прокуратуру, не рассмотренные по причине «содержания в них оскорбительных слов и выражений». Если верить этой программе, то, получается, для прокуратуры самыми оскорбительными словами оказались «закон», «президент», «Беларусь»

и «гражданин». Не знаю даже, как это прокомментировать…

— Как бы вы сами себя охарактеризовали? Кто вы — правдоискатель, разоблачитель, блогер, то есть — «гражданский журналист»…

— Я что вижу, о том и пишу (смеется). Повторюсь, правда, выложенная в интернет, остается навсегда. Если даже она не вызовет чувства стыда у «сотрудников» или у чиновников, то краснеть за их противоправные или просто нечестные поступки придется детям, родным и близким. А это — мощный рычаг принуждения к жизни по закону. Кстати, статья на abw.by о возбуждении против меня уголовного дела показала реакцию людей на произвол облаченных властью; комментарии под ней отключили буквально на следующий день...

Желновы в зале суда (крайний справа — Олег Петрович Желнов, в центре его сын Алексей)

— Видите ли вы разницу между собой как блогером и профессиональными журналистами, работающими «в газетах»?

— Разумеется. У меня, например, нет журналистского образования, я не умею преподносить факты. Я всего лишь стараюсь их подробно документировать.

— Есть ли у вас еще интересы — кроме блогерства?

— Есть, и немало. Бег, плавание, настольный теннис, бильярд (особенно — снукер), шахматы, книги по общению, музыка, автомобили...

«Моя цель проста, — резюмирует в конце нашей беседы Желнов, — добиться, чтобы нас защищали грамотные сотрудники милиции, которые знают, применяют и соблюдают закон и являются примером для граждан.

Хочу, чтобы граждане, в свою очередь, изучали законы, знали свои обязанности и права, умели пользоваться ими. Тем самым хочу добиться взаимоуважения — и чтобы каждый, будь то сотрудник милиции, прокурорский работник, судья или гражданин, мог гордиться своим государством».

Как мы видим, сами обстоятельства нашей жизни, самоуправство и уверенность в своей безнаказанности со стороны работников милиции «вызвали к жизни» блогера Желнова. Сформировали «феномен Желнова». Была бы жизнь другой — и писал бы он по-прежнему про угоны и прочие «ужасы нашего городка». А так — пришлось Олегу Петровичу, так сказать, воленс-ноленс, ступить на тропу гражданской журналистики. К общему неудовольствию «зарвавшегося» милицейского чиновничества и прочих контролеров…

Хотя «чиновничество» и «прочие» тоже не спят: в мае этого года на Желнова возбуждено еще одно уголовное дело — за «ложное сообщение об опасности» (сдавая вещи в дежурке УВД перед визитом к руководству Следственного комитета, — иначе не пропускают, — пошутил по поводу автомобильного брелка — мол, если его нагреть, то при определенной температуре...). Против сына Желнова — Алексея — тоже возбуждено уголовное дело: якобы 4 сентября 2013 года он ударил работника ГАИ.

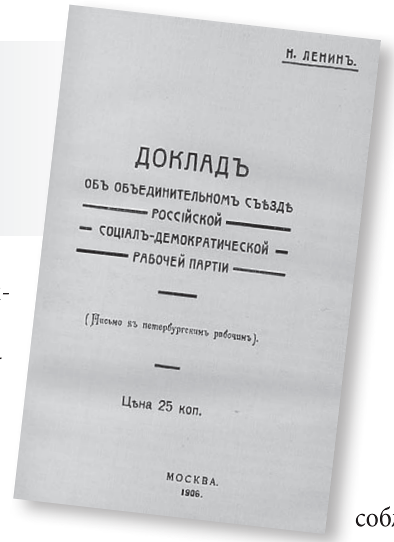
В тот день Желновы, зафиксировав на видеокамеру нарушение правил дорожного движения сотрудниками милиции, обратились с заявлением по этому поводу к работникам ГАИ; в итоге оба были задержаны. Но, к неудовольствию «сотрудников», не сопротивлялись... Пришлось что-то выдумывать, фантазировать...

Вот такая история по-бобруйски.

Подготовил Анатолий САНОТЕНКО

Разница между Лениным-1906 и «Пресс-фото Беларуси 2011»

Фотографии белорусских журналистов по своему экстремизму переплюнули IV съезд РСДРП.

Н. ЛЕНИНЪ.

ДОКЛАДЪ
ОБЪ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМЪ СЪѢЗДѢ
РОССІЙСКОЙ
СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

(Письмо къ петербургскимъ рабочимъ).

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.
1906.

Сергей ВОЗНЯК, главный редактор газеты «Товарищ»

В ноябре 2012 года бдительные белорусские таможенники отстояли безопасность Родины. На пограничном пункте «Каменный Лог» у нечестных белорусских журналистов Юлии Дорошкевич, Вадима Замировского и Александра Васюковича был изъят 41 экземпляр фотоальбома «Пресс-фото Беларуси 2011».

Дело передали в Управление КГБ по Гродненской области — под крыло генерала Ивана Коржа. Чекисты усмотрели в размещенных в альбоме фотографиях признаки экстремизма. Была сформирована экспертная группа под руководством начальника Управления идеологической работы Гродненского облисполкома Павла Скребко. Группа подтвердила выводы КГБ об экстремистском характере фотоснимков.

С этим согласился и Ошмянский районный суд, 18 апреля 2013 года постановивший: зловредную подборку фотографий уничтожить! Вышестоящая инстанция — Гродненский областной суд, куда была подана жалоба, — 24 июня того же года оставила решение в силе.

Такова недолгая история обыкновенных, в общем-то, фото, отражающих взгляд их авторов на современные белорусские реалии. От изъятия до уничтожения прошло что-то около семи месяцев.

Углубимся в историю более чем на столетие назад.

3 (16) июня 1906 года в петербургской типографии «Дело» царской полицией был произведен обыск и арестован тираж брошюры Владимира Ленина «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)».

Петербургский комитет по делам печати (он тогда выполнял функции сегодняшнего гродненского идеолога г-на Скребко) наложил на брошюру арест и постановил виновных в ее издании привлечь к ответственности. (К слову сказать, большевики все равно тайно отпечатали брошюру в Москве.) Против автора (совсем как в 2013-м в Ошмянах) было возбуждено судебное преследование.

На этом аналогии между ленинским докладом о нелегальном партийном съезде и легальным альбомом «Пресс-фото Беларуси 2011» заканчиваются.

В источнике, где я обнаружил эпизод 1906 года (Полное собрание сочинений В. И. Ленина, т. 13, с. 418), не указано, чем завершилось упомянутое судебное преследование персонально для автора и для руководства типографии «Дело».

Зато точно указана судьба изъятой брошюры.

Кровавый царский режим на разбирательство с нелегальным изданием — на всю эту юридическую канитель и соблюдение интеллигентских приличий — потратил почти семь лет! Лишь 25 июня (8 июля) 1912 года Петербургская судебная палата вынесла решение об уничтожении брошюры вместе со стереотипами (сейчас мы говорим — макетами), заготовленными для ее напечатания. И только спустя еще полгода, в январе 1913-го, арестованные экземпляры ленинского доклада были уничтожены в типографии петербургского градоначальника.

Сравните КПД борьбы за чистоту издательской деятельности: семь лет в 1906-м против семи месяцев в 2013-м.

Из этого сравнения нами должен быть сделан вывод, что фотографии белорусских журналистов по своему экстремизму переплюнули IV съезд РСДРП.

Тут фотографам надо было постараться. Потому что в повестке дня того съезда, помимо прочих, значились вполне себе экстремистские вопросы. Например: о современном моменте и классовых задачах пролетариата; о вооруженном восстании; о партизанских выступлениях; о временном революционном правительстве…

И на все это — семь лет разбирательства. Чистоплюи какие-то служили Его Императорскому Величеству.

Например, петербургские градоначальники того периода генерал Владимир фон дер Лауниц и сменивший его на этом посту генерал Даниил Драчевский. Первый — между прочим, отец-покровитель черносотенных организаций — был убит эсером Евгением Кудрявцевым (тут же покончившим с собой) в январе 1907 года. Второй — тоже тот еще чиновник: отстранен от должности в 1914 году после возбуждения уголовного дела о растрате 150 тысяч казенных рублей.

Но даже эти замечательные государевы люди не смогли предвосхитить передовой опыт нынешних белорусских чиновников, разобравшихся с произведением белорусских фотографов-экстремистов за каких-то семь месяцев.

Впрочем, что поделаешь, когда фотограф Юля Дорошкевич опаснее большевика Ульянова-Ленина…

Вспоминая Геннадия Буравкина

и разговоры с ним накануне осени 2011-го...

Марина БЕЛЯЦКАЯ

«Разговор в Крыжовке накануне осени» — интервью с таким названием я написала по случаю 75-летия Геннадия Николаевича Буравкина, в августе 2011-го. В этом же году у меня появился внук.

Когда малыш чуть подрос, я пела ему перед сном разные песенки. Действенной оказалась только «Калыханка». Жаль только, что в ней всего 2 куплета. Я даже искала в интернете продолжение. Потому что внук, как только научился кое-как говорить, стал требовать песенку «еще» (повторить эти 2 куплета) и «потом» (продолжить повествование). «Потом» означало продолжение сюжетов песенки — что там еще произошло с машиной, которая спит в гараже? И какой еще зверек укрылся, чтобы устроиться на ночлег? И где он «тихо-тихенько» лежит?

Я каждый раз, на свой лад, продолжала «Калыханку»: выдумывала сущую ахинею, излагая ее речитативом под известную мелодию. Но этот вариант ребенка не устраивал. Малышу надоедал мой бессмысленный набор слов, и он разрешал вернуться к оригиналу, требуя начать сначала: «Еще!» Я снова начинала: «Доўгі дзень, цёплы дзень адплывае за аблокі…» — и думала про себя: надо бы позвонить Буравкину и попросить досочинить еще как минимум 5 куплетов, тогда ребенок как раз успеет заснуть. Ну что делать, если всякая другая колыбельная вызывает у него резкий протест?

Я собиралась позвонить Геннадию Николаевичу насчет «Калыханкі» почти всю эту зиму и всю весну. Я думала о нем все это время. Из-за «Калыханкі». Но так и не позвонила.

30 мая я гостила у детей: целый день возилась с внуком, вечером стала укладывать малыша спать. Снова — «Калыханка». Снова «Еще!» и «Потом!». Я намучилась с изобретением волшебно действующих стихов, вышла из спальни со словами: «Нет, надо прямо сейчас позвонить автору и потребовать продолжение». И глянула на часы: «Еще ведь не поздно?»

А мне сказали: «Но Буравкин сегодня умер».

Вернуться в Минск на похороны я не успела.

Оказалось — все поздно.

***

С этим человеком меня ничего личного не связывало. Но почему-то я всегда ощущала, что знаю его лично — хорошо знаю и давно. Много лет назад, будучи председателем Белгостелерадио, он разрешил мне, студентке 4 курса стационара, работать на БТ. Он написал ходатайство в деканат с просьбой позволить мне совмещать учебу и работу. Это не было устройством по блату. Он вообще не знал, кто я такая, он просто выслушал мою просьбу и выяснил мотивацию.

Потом, в 90-х, я попыталась написать с ним интервью по-белорусски. Поговорила, написала и принесла ему домой готовый текст — вычитать. Он прочел абзац и пришел в ужас: мой белорусский хромал на все четыре ноги. «Я такое говорил???» Геннадий Николаевич сделал круглые глаза, потом принял решение — быстро и легко: «Текст оставляй, я переделаю. И никогда больше не пиши “на мове”».

Буравкин все переписал. Он не изменил ни одного слова по части смысла. Но изложил грамотно — по-белорусски. И оставил мою фамилию. Вручил собственноручно отпечатанное на машинке произведение со словами: «Никому не рассказывай, что это я тебе перевел!» Я, конечно, была в шоке и, сгорая от стыда, всем рассказала: Буравкин сам с собой интервью от моего имени перевел и переписал!

Потом, в начале 2000-х, я встретила его вместе с Рыгором Бородулиным в подземном переходе на площади Победы. Он пихнул в бок Бородулина и, кивнув в мою сторону, строго сказал: «О, Бяляцкая! Пра Касцяна пісала, а чаму ў нас пра яго не спытала? Мы б расказалі!..» Я открыла было рот, но он сразу рассмеялся и сказал: «Добра-добра, жартую, бо і без нас з Рыгором у цябе нядрэнна атрымалася». И они приветственно пожали мне руки. Было очень приятно.

А в 2011-м, в конце августа, я записала с ним вот это юбилейное интервью. И назвала его «Разговор в Крыжовке накануне осени», потому что Геннадий Николаевич все время говорил об осени: о грядущем природном явлении и о старости — осени жизни. Осень в природе он очень любил, осень жизни воспринимал, как и природу: своя красота,

свои итоги, свой какой-то у каждого урожай. Его же жизнь уродила неплохо: семья, книги, мысли, поступки и, как он задумчиво сказал (не о себе, а в принципе о пожилых людях), «наверное, какая-то своя у каждого мудрость появляется».

Тогда, в 2011-м, я думала: преддверие юбилея — вот проблема! Надо вроде парадно, про творческий путь, про этапы жизненные порасспрашивать. (Это ведь важно: рассказать, чего добивался, что планирует «на будущее».) Но тогда мы такой сложный для страны период проходили, такой драматичный, а Буравкин так неординарно для белорусского поэта и бывшего крупного чиновника себя повел в ходе прошедших президентских выборов, что захотелось все же говорить о насущном.

Для разговора Геннадий Николаевич пригласил на свою дачу в Крыжовку. Спустя два дня я снова приехала на эту дачу, чтобы показать готовый текст, так как ни о какой электронной почте речь не шла. Не было у него ни личной почты, ни своего компьютера: он не хотел и не любил все это. Я ехала на читку и вспоминала историю с его блистательным переводом моего давнишнего «белорусскоязычного шедевра». Ждала критики.

И дождалась.

Потом глубокой ночью я вернулась домой и отправила редактору изрядно разбухший (страницы на две) текст, сопроводив его таким вот письмом:

«Саша, не пугайся объема! Клянусь, я не виновата. Я уехала от него (с дачи!) в первом часу ночи. Сидели часа четыре! Он все читал, добавлял, вспоминал, уточнял: что именно он говорил во время интервью, в каких именно словах и выражениях. Интервью же длилось полдня! А он все помнил практически дословно! Я поражена. Мне пришлось реанимировать снятый текст, вставлять куски (он компом не владеет) и т. д. Потом он захотел биографию поправить и добавить газеты и журналы, где работал (у меня было три строки), потом просил перечислить книжки с годами издания. Ну... я уж не знаю, нужны ли слова о нем нашей творческой интеллигенции. Я бы их сделала быстро — там много все равно не войдет. Ты мне утром скажи свой вердикт — сколько места в газете дашь, и я быстро в рамки "вобью". Не знаю, как рубить этот текст, Г. Н. столь бережно и с таким вниманием читал, повторяя: "Вот будет тебе 75, ты тоже будешь так к интервью относиться". В итоге он согласился, что его мысли выглядят теперь точными, и передал тебе привет!»

...Сейчас я вспоминаю, как Геннадий Николаевич читал, удивлялся, если видел свою мысль в сжатом виде или недосказанной из-за выброшенного мною кусочка ответа (газета же не резиновая!). Наконец, посмотрев на часы, сказал: «Ой, ночь! Давай тихенько, езжай домой… половицами только не скрипи — все ж спят. Не заблудишься в лесу в темноте?»

Я не заблудилась и довезла материал без приключений.

Вот это интервью.

В Крыжовке он летом жил с семьей: с любимой супругой Юлией Яковлевной, красавицей, сохранившей потрясающую девчоночью улыбку, внуками Машей и Ваней, с наезжающими остальными домочадцами. Перед тем как начать разговор, я все думала: как бы уйти от формата «юбилейный текст»? Может, разыграть формат «пока все дома»?.. Или все-таки серьезный разговор?.. Я мысленно проигрывала предстоящую беседу, пока искала участок Буравкиных среди скрытых лесом дач. Свернув в небольшой проулочек с парой-тройкой домов, не обнаружила никаких признаков жизни. Как по наитию, пошла чуть вперед и налево — на едва слышные голоса. Разобрать за кустами слов было нельзя. Это с лихвой заменил с утра привязавшийся куплет: «Ты куды мяне клічаш, паслухай, завіруха мяце, завіруха…» — я просматривала накануне песенные антологии, на предмет участия в них Буравкина, и песня из репертуара «Верасов» приклеилась намертво. Безлюдная среди недели атмосфера стародачного поселка подтверждалась словами из песни: «На двары ні машын, ні людзей, на двары ні машын, ні людзей…» Про себя бормоча стихи юбиляра, положенные на известный мотив Ханка, я радовалась, что сейчас август и никакой «завірухі» быть не может. Снова свернула — теперь уже направо — и сквозь кусты увидела, наконец, и машину, и людей.

Геннадий Николаевич провожал у калитки очередных гостей. Они уехали, я вошла. Похоже, собирался дождь. Решили разговаривать в доме. Он оказался уютным, добротным, оформленным по моде 70–80-х, с просторным «залом», обитым вагонкой, с ковром, креслами и «спиной» печки-грубки, отделанной традиционно предназначенным для таких печей выпуклым простым кафелем. На стенах — картины, рисунки, графика. Большой карандашный портрет хозяина поразил своей схожестью — оказалось, срисовано с фото еще во времена руководства БГТРК кем-то из телевизионщиков — председателю в подарок. Тут же красуется «по-взрослому» рисованная картина внука, натюрморт, писанный женой известного фотографа Евгения Коктыша, гравюра Владимира Басалыги, графика Владимира Вишневского (посвящение Короткевичу).

— А это, — указал Геннадий Николаевич на полотно под стеклом с изображением узкой улицы, — из Америки. Я тут повесил — и знакомым сказал: «Вот, из Америки привез». Они глянули и ахнули: «Ты что, это же Утрилло! Это ж денег сколько на даче висит!» Я вынужден был признаться, что это — всего лишь дешевая копия.

Меня заинтересовал не американский «шедевр», а гравюра Басалыги или, скорее, надпись под ней: «Поэту и гражданину Геннадию Буравкину». Я прочла вслух и обернулась, желая спросить, отчего у нас так мало поэтов (писателей) осталось, которым подобное посвящение можно адресовать.

О поэте-гражданине

— Вот заметьте, даже в эпоху Сталина эта тема была одной из важнейших в литературе. Творческие люди понимали: не обойти им тему партии, — и отдавали дань парой-тройкой творений про вождей. Но совершенно необязательная в тематике творчества гражданская позиция присутствовала практически у всех лучших поэтов и писателей СССР (не говорим о предшественниках, начиная с Державина). Как ни страшно им порой было (вспомним конец тридцатых XX века), не могли творцы утаить свою истинную душу гражданина. А нынче вдруг боятся. Некоторые говорят: я лирику пишу, политикой не интересуюсь! Может, они и правы?

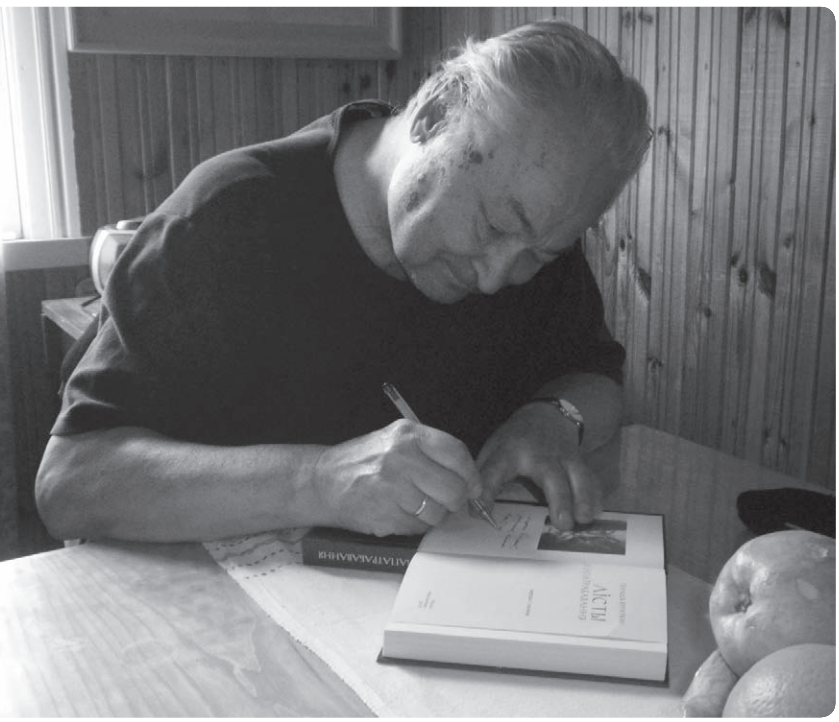
— Для истинной литературы такого противопоставления (поэт или гражданин) вовсе нет, — возразил Буравкин. — Поэт, как и все люди, человек. Просто он более тонко и остро ощущает события, может сказать о происходящем так четко и выпукло, так подчеркнуть детали, что многое приобретает совсем иной смысл. Поэтому политики во все времена очень зорко следили за писательским творчеством. И неправильно говорить о разделении на лириков и поэтов с гражданской позицией. Вот Пушкин — блестящий лирик, и в то же время у него читаем такие гражданcки сильные стихи: «Во глубине сибирских руд…» Это один человек писал: и потрясающую лирику, и столь ярко политически окрашенную поэзию. Почему он это все писал? Потому что он этим жил.

То же можно сказать и о Богдановиче. Кажется, более яркого и чистого по красоте слова лирика в белорусской литературе нет, а ведь этот же человек автор строк: «Народ, беларускі народ, ты цёмны, сляпы, быццам крот!»

Дело вот в чем: то, что входит в душу поэта, согретое чувством, выходит в виде текстов. Если у него душа болит за страну и народ, он об этом пишет. Если это талантливо написано — доходит до умов и сердец. Александр Твардовский с его «Василием Теркиным», казалось бы, чем опасен власти? Один из последних классиков русской поэзии, и власть отдавала надлежащее его таланту. Но не любила! Почему? Потому что он был главным редактором «Нового мира» — журнала, вокруг которого собралась вся гражданская публицистика и почти откровенно оппозиционная литература. А возьмите судьбу Василя Быкова...

О Василе Быкове

— Почему память Быкова не хотят увековечить — вам известна хоть одна официальная версия? Должно же быть логичное объяснение!

— Официально никто с вами на эту тему говорить не будет. Официально он якобы признан. Но, поскольку он всегда говорил правду, в 90-х открыто стал на сторону демократов и всегда пытался поднять людей на высоту своих моральных вершин, числится во врагах. И когда речь идет об увековечении его памяти, высшие чиновники как воды в рот набирают, а у местных руки дрожат. Ведь теперь, извините, на чем основана официальная пропаганда? На лжи и подавлении не только человеческой инициативы, но даже свободы мысли, не говоря о напечатанных словах. Поэтому они и не могут принять Быкова. Весь мир его признал, и они не смеют

открыто сказать, к примеру, что Быков плох как писатель или что неверно показывал лицо власти — особенно в своих последних публицистических произведениях. Не могут они этого сказать! И мстят по-другому: сквозь зубы должны как-то не противоречить мировым авторитетам, но потихоньку хотят придать забвению — просто не замечают.

То же было и с Твардовским. Позиция гражданина в журнале «Новый мир», где он был редактором, не осталась безнаказанной. В «Новом мире» печатались самые талантливые литераторы советского времени. Это была заслуга Твардовского, ведь журнал — его детище. Он дал трибуну, диссидентскую в каком-то смысле, — и в этом была его гражданская позиция. Итог? Тот же, по сценарию которого предают забвению и Быкова. Все в этой жизни повторяется и будет повторяться, если люди будут трусливо или равнодушно молчать. Смотрите, сколько лет прошло после смерти Быкова! А до сих пор нет ни собрания сочинений (это первое, что обычно делают соотечественники, когда умирают их классики), ни улицы Быкова, ни памятника! У нас не сделали ни-че-го из самого элементарного в память о гениальном соотечественнике. А собрание сочинений было издано не нашим, а московским издательством.

О читателях

— Литература предполагает взаимодействие двух сил — энергетики творца и народа. Вы чувствуете ответную волну? Доходит до людей слово поэта, проще говоря?

— Как показывает практика (я говорю о Беларуси), откликается наиболее прогрессивная, моральная и образованная часть общества. Но мы постепенно теряем читателя. Недавно мы рассуждали на эту тему с Виктором Казько, и он навел меня на мысль, которая вот никак не дает покоя. Почему именно сейчас исчезло внимание к литературе, явно снизился авторитет слова? Рассуждая над этим очень непростым явлением, я не уверен, что мы с Виктором нашли ответ. Главная беда в том, как мне кажется, что нас оторвали от слова. Слово, как говорится, Богом было задумано и должно нести в себе очень конкретный смысл, выявлять что-то (не констатировать, а выявлять!). А этого уже почти не происходит. Поспособствовала советская история, когда слово писателя заменяли враньем. Вот, к примеру, «премьер-министр». По идее, это компетентность, опыт, образованность, умение работать с людьми. Когда нам говорят: это — премьер-министр, мы хотим видеть компетентность и так далее. А на самом

деле видим человека, который и не образован, и не воспитанный, а хам хамом. И он своей практикой людей приучил к тому, что необязательно за словом должна стоять суть. Почему мы позволяем с собой так обходиться, я не знаю.

— А мы, народ, наверное, думаем, как всегда: а что мы можем сделать?

— Вот это и значит, что у нас еще недогосударство и недообщество. Мы твердим, что хотим «цивилизованное общество»? А в цивилизованном люди не бывают равнодушны к таким вещам. То, что Любимов на Таганке делал на стихи Вознесенского, не могло оставить людей равнодушными. Тогда процессы гражданского осознания только начинались, и неизвестно было, чем все еще кончится, но поэты уже «информировали» тех, кто хотел понять, что происходит в обществе, — а это и есть основная и самая очевидная роль творчества: литература давала материал для раздумий. У одних этот процесс вызывал полное одобрение, у других ненависть. Понятно, что ненависть — у тех, кому не хотелось, чтобы народ, которым они руководят, в процессе своих размышлений додумывал некоторые вещи, делал выводы и вдруг бы захотел что-то изменить. Поэтому ненависть была жесткой и активной со стороны официозной власти. Почему я говорю о тех, «советских», временах? Потому что чиновничество по сути не поменялось со сменой власти, в 90-х. То, которое было воспитано десятилетиями, оно же и пришло в новую «незалежную» Беларусь.

О чиновниках

— Их надо было резко поменять всех, а не приспосабливать к новым временам. Так было сделано в Прибалтике и Чехии. Я достаточно хорошо знал многих из армии чиновничества, потому могу сказать точно: у нас сейчас получился довольно страшный вариант бюрократии. На смену советским коммунистическим чиновникам не пришли демократы, на место тех, кто сидел в кабинетах исполнительной власти, пришли чиновники из другого — более низкого — командного эшелона той же самой власти! Коммунистическим функционерам нужно было куда-то себя пристроить. Все руководство разных по уровню структур компартии превратилось в такое же разное по уровню чиновничество, которое принесло свои прежние командные методы в… исполнительную власть. Эти чиновники в исполкомах — бывшие работники райкомов, горкомов и обкомов. Ну и пусть, скажете вы, лишь бы работали хорошо. Но проблема в том, что они на порядок менее профессиональны, чем их предшественники. Они и не собирались выполнять свою функцию исполнения, они продолжали курировать и контролировать выполнение указаний свыше, тщательно

следя за структурой своей вертикали. То, что в Беларуси и раньше профессионалов было маловато, это наша беда. У нас не хватало людей, которые могли бы заполнить пустоты после обретения независимости. Коммунисты этим воспользовались и заняли эти места, не имея для этого веских оснований. Теперь пустить в свои структуры профессионалов им просто невыгодно.

В среде чиновников ценятся уже совсем другие качества.

О пропаганде и людях со щитами

— Страшнее, что народ не хочет знать всех этих неприятных подробностей. А потом скажут: мы ж не думали, что у нас может такое быть! Нас не предупредили! Неправда! Предупредили, как же не предупредили? Почитайте Василя Быкова — все было сказано в 90-х, про то, что происходит сейчас: про абсолютный беспредел силовых структур, про полное бесправие людей. Чего вы слушали не Быкова, не Бородулина, не Казько, а Заметалина, Зимовского, Прокопова? У вас что, нет своих, извините, мозгов и принципов? Думая над этим, скажу так: да, есть страшная сила — госпропаганда, и наивно думать, что нанесенный ею вред легко исправить.

Когда я смотрю на некоторых людей в форме и со щитами, я стараюсь увидеть их глаза. У них пустые глаза — там ничего нет! Нет интеллекта, воспитания, чувств — это абсолютно тупые взгляды! А когда я слушаю их начальников — как они выступают с трибун и врут, я вижу: им не стыдно. Я ведь точно знаю, что они врут. И они не заблуждаются, а сами прекрасно знают, что врут. Ради чего? Ради своего места во власти, которую они захватили. Одно уже видно всем: эта наша разновидность чиновничества никому не собирается свои позиции сдавать.

— Вы тоже были очень высоким чиновником в структуре власти, возглавляли главный рупор пропаганды в БССР — телерадиокомитет. Должность, приравненная к министерской. Почему же вы не остались в обойме после обретения Беларусью независимости? И почему так мало высших руководителей решалось вслух выражать свое мнение, если оно было отличным от официального?

— Ну, причина молчания понятна: что происходит с чиновниками, которые хотели что-то сказать, мы знаем. Вот и получается, что единицы могут не испугаться. Но их все-таки было немало: Леонов, Санников, Таразевич…

— И все из старой гвардии.

— Ну да. Но тут еще один момент есть. Чтобы они стали хоть каким-то примером или темой для обсуждения чиновниками следующих поколений, нужно, в первую очередь, чтобы про них знали! Вы читали что-нибудь о них в официальной прессе? Да ладно — чиновники. Вот вы что-нибудь читали в официальной прессе любого уровня о том, чем сейчас занимается Бородулин — а он, кстати, так талантливо в последнее время работает, его книга «Ксты» — блестящее явление в европейской литературе, недаром она была выдвинута на Нобелевскую премию. Но у нас об этом не пишут, и люди не знают. Будто этого вовсе нет! И в это же время некие сочинители детективов низкосортных возносятся как великое явление в литературе! Да никто эту «литературу» через пяток лет вообще не вспомнит!

— Кого это вы имеете в виду?

— Да знаете вы! Не хочу даже и называть имена, там вообще целая «хеўра»: сами себя поднимают… ну да и Бог им судья, а то скажут еще, что я из зависти. Хотя о какой зависти может идти речь? Если бы я пошел в услужение власти, вы представляете, как бы я жил сейчас прекрасно? Но я не мог себе этого позволить. Никак. Люди привыкают, что детективчики, бездарные песенки — это то, что является «уровнем литературы и поэзии». А на самом деле наша литература не такая! Но ее, настоящей, не слышно у нас, потому что не издано!

— Что делать?

— Нельзя все сводить к так называемой прагматике и сразу ждать результата. Ведь сколько лет водил людей Моисей?

— А почему же вы тогда на прошедших выборах не хотели бродить «по пустыне», не молчали? Почему не молчали Орлов, Хаданович, Некляев?

— А это моя позиция личная, так же — у Орлова, Некляева, Хадановича и у других. Но я ж не могу заставить остальных, если они не готовы? К сожалению, очень мало людей испытывает потребность говорить правду. Но справедливости ради надо сказать: в обществе есть истинные интеллигенты, чувствующие свою личную ответственность за то, что происходит.

— Вечный вопрос про интеллигенцию — кто эти люди, чем отличаются от остальных? Кто имеет право себя так называть?

— Это люди, которые хотят, чтобы общество жило не по лжи. Поскольку это чаще всего люди образованные, совестливые, честные, то они и испытывают желание выправить общество, помогать, ну и так далее — не стоят в стороне. Как правило, немногие на это способны. Почему, как вы думаете, именно интеллигенция постоянно страдает в первую очередь? Почему ей рот хотят

заткнуть? Потому что она этой своей совестливостью общество может разбудить, растормошить, к совести призвать — словом или примером. Я одну из самых великих трагедий вижу в том, что чиновники высокие наши сломали судьбы тысяч творческих людей. Искалечили тысячи талантов. Это я знаю точно — я могу перечислить этих людей, которые могли бы радовать нас талантом, обогащать духовно. Но этим чиновникам не нужно высокодуховное общество — оно трудно управляемо. Поэтому власть либо подчиняет таланты себе (а это почти никогда не удается, таланты независимы, как правило), либо расправляется с ними. Одних они выгнали из страны, другие спились, третьи махнули на все рукой. Это все на совести власти. То, что она нанесла моральным устоям страшный ущерб. С экономическими проблемами в стране можно было бы справиться за 5–7 лет. С политическими — за 10 лет. А вот с моральными сложнее (мы сейчас переживаем полную деградацию), нужно сменить десятилетия — вот в чем проблема, а не в том, что кто-то там выборы не позволяет провести честно. Главное, что страшно покалечены души.

Что взять на Луну

Вопрос на прощание просто так вырвался, непонятно к чему:

— А вот если бы, Геннадий Николаевич, вас на Луну отправили и сказали: там ничего особо нет, возьмите, если что надо, с Земли. Что бы вы взяли?

— На Луну??? Ммм… Я человек лесной, озерный, луговой. Я взял бы белорусскую золотую осень — мою любимую пору. Такой простор, тишина, успокоенность, далеко видать, золото листьев — они еще есть, они еще не облетели. И такая какая-то мудрость в природе: она и красивая, и зрелая… Осень — это когда земля все еще рожает, но уже ясно, что природа дала людям в этом году. Даже летом еще неясно, что будет к концу. А вот осень уже дает точный ответ — будь то зерно или цветы. Осенью я иду в лес — и так мне хорошо! Весной еще сыро и грязь, летом листвы густота, зимой снег шапками и по колено — не пройдешь особо. А осенью листва редеет, и видно далеко-далеко, и можно долго ходить, весь лес обойти вдоль и поперек, а деревья все не перестанут удивлять: столько оттенков — там и зелень еще, и золото, и пурпур! Смотришь на все это богатство, и думается хорошо. А солнце — не слепит, оно висит такое мудрое-мудрое… Потом полетят журавли, и осень тебе напомнит, что впереди зима, и придет конец многому, но пока еще — не время конца, есть еще время насладиться прозрачным воздухом и красками… Посмотришь в небо — и вдруг увидишь, как летят журавли. И хочется верить, что они вернутся назад.

На следующий день Геннадий Николаевич позвонил мне и буквально по буквам, чтобы не ошиблась, продиктовал эти стихи.

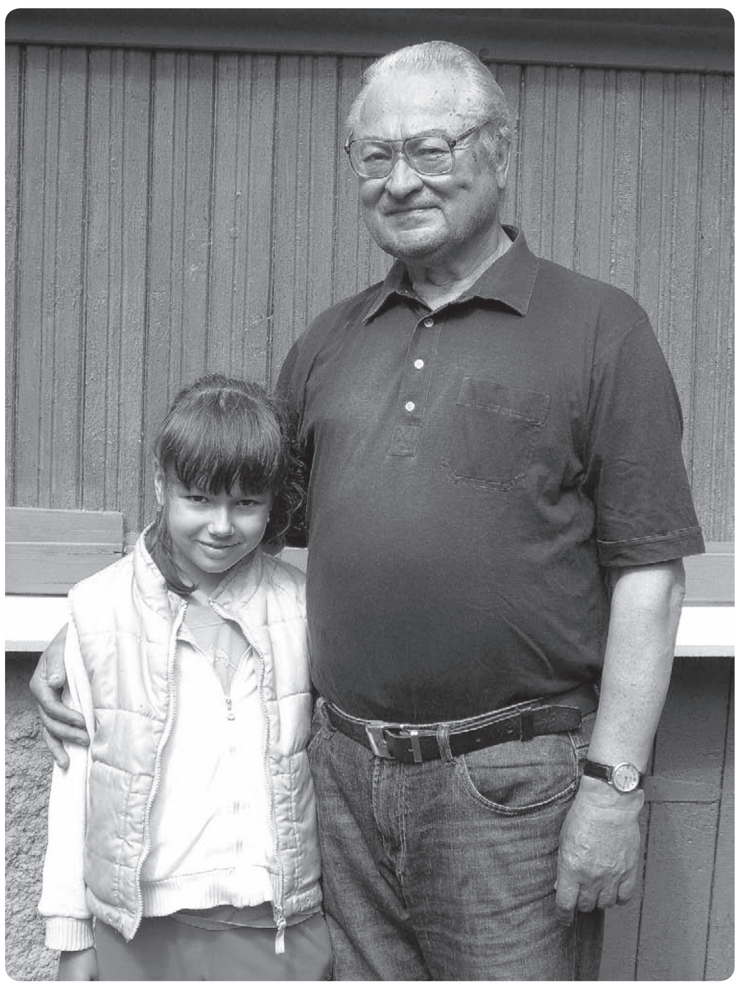
Восень зноў надыходзіць —
і ў мяне на душы,
як і ў роднай прыродзе,
ціш і сіняя шыр.
І смуга, і лагоднасць,
і — да кроплі малой —
з небам кроўная роднасць,
роднасць з мілай зямлёй.

1970

Эпизоды беседы с Геннадием Буравкиным, которые не вошли в то юбилейное интервью

О том, как Бородулин предсказал мобильную связь

У нас давняя дружба с Рыгором Бородулиным. В молодости мы вместе делали радиопрограмму «На калючай хвалі» — писали сценарий, приглашали артистов. Процесс требовал дисциплины.

Биография

Родился 28 августа 1936 года в Россонском районе Витебской области в семье служащего. По образованию — журналист. Работал в журналах «Коммунист Белоруссии», «Маладосць», «Вожык», в газетах «Літаратура і мастацтва», «Беларускі час», «Правда».

С 1978 года — председатель Гостелерадио БССР. В 1990–1994 годах — постоянный представитель Беларуси в ООН. Избирался депутатом Верховного Совета БССР (1980–1990). Член Белорусского ПЕН-центра и Союза белорусских писателей.

Творчество

Первые стихи появились в 1952 году. С тех пор изданы многочисленные сборники поэзии и прозы, книги для детей, написаны сценарии документальных и художественных фильмов. В 1986 году увидел свет сборник избранных произведений в 2 томах. Многие стихи положены на музыку, песни в исполнении «Песняроў», «Верасоў» и «Сяброў» сразу становились хитами своего времени, оставаясь популярными по сей день («Зачарованая мая», «Белы снег», «Калыханка»). В последние годы в издательстве «Кнігазбор» вышли книги «Жураўліная пара» (2004), «Выбраныя творы» (2009), «Лісты да запатрабавання» (2010).

Награды

Лауреат Государственной премии Беларуси имени Янки Купалы, Премии Белорусского ПЕН-центра им. Алеся Адамовича. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, медалями.

А Рыгор не всегда отличался дисциплинированностью — он был достаточно неорганизованный хлопец. Тогда была всего одна студия на ул. Революционной, 3. И поскольку она была одна, время записи было расписано очень плотно: не дай Бог кто-то не вписывается в график, все сбивалось. Рыгор в то время работал в журнале «Бярозка». Вот однажды я сидел и ждал его перед записью в редакции на Революционной. Пришли уже народные артисты СССР Глебов и Платонов — знаменитости! Ждем. Нервничаем. Рыгора нет. Я беру трубку и от отчаянья звоню ему в «Бярозку», не надеясь, что он снимет трубку, ведь как минимум он должен был быть уже в пути. А он отвечает: «Але!» Я пришел в ужас: «Ты что? Посмотри на часы! Давай быстрей, я как-нибудь выкручусь, пока ты доберешься!» Он мне: «Да не волнуйся, я ж уже в автобусе еду!»

Это было так неожиданно и смешно, что я рассказывал знакомым. Все смеялись (представить себе в то время автобус с телефоном никто не мог). История стала настолько популярной, что через много лет уже мне рассказали, что Гриша задолго до появления мобильников «звонил» из автобуса. И при этом добавляли: вот такой дар предвидения у творческого человека!

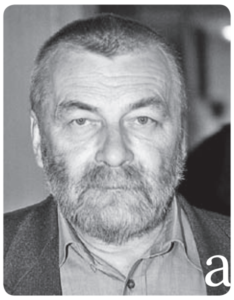

О чем жалел

В свое время я, будучи «дурным», не выучил толком ни одного иностранного языка. За океаном, в Нью-Йорке, я себя чувствовал очень неловко. Конечно, я владел набором слов для общения на светских мероприятиях. Но этого явно было недостаточно. Мне и самому было неловко, и делу это приносило определенный вред. Ведь люди, с которыми я работал, были фактически первыми представителями суверенной Беларуси, они закладывали основы для дальнейших взаимоотношений. А для того чтобы это делать качественно, вести политические разговоры, словарного запаса мне не хватало.

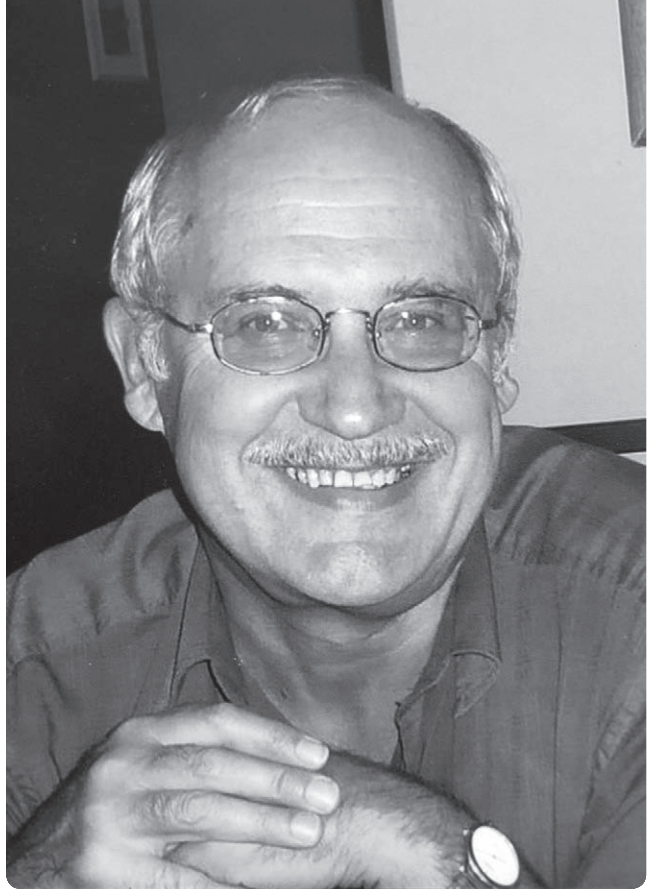
Жалею, что не путешествовал вдоволь по миру. Была у меня такая возможность, я и поездил достаточно, но мне досадно, что в некоторых местах так и не побывал — в Италии, Испании. Можно было бы сейчас поехать, но с возрастом приходит понимание, что важно своевременно это делать. После возвращения из Америки я бывал в Париже, это было очень приятно, но, гуляя по Елисейским полям, я думал о том, что, если бы я в юности провел в этом городе хоть недельку, это было бы важнее для меня — ощущения были бы совсем другими… В путешествиях важны эмоции, они остаются на всю жизнь и порой многое меняют. Это беда нашего поколения, очень поздно мы приобщались к западному искусству, истории, очень поздно получили возможность прикоснуться ко всему этому не через книги и телевизор.

Фото Натальи Коварской

Константин
СКУРАТОВИЧ

Моя последняя беседа с Геннадием Грушевым оказалась действительно последней. Грушевой ушел из жизни стылой зимой — как будто скованная внезапным холодом птица, не желавшая сложить свои мощные крылья.

Геннадий Грушевой:

«К модернизации Беларусь еще и не подступала»

Понимаю теперь, что он чувствовал приближение холода: Геннадию Грушевому хотелось высказаться по поводу сущего и должного, как гражданину, человеку и философу, зафиксировав свои соображения в читабельной форме. Самому, исключительно владевшему пером, катастрофически не хватало времени. В том буквальном смысле, который исключает все варианты, кроме главного.

И Геннадий Владимирович обратился к журналисту с просьбой помочь зафиксировать аргументы, оценки и суждения. Кому — для злословия, кому — для заинтересованного прочтения. Тем, кто будет жить.

По замыслу готовилась серия статей под условной рубрикой «американка». На исходную посылку повлияли и Плошча, и тюремные записки известных политических сидельцев.

Эти проекты были локальными, наш замысел претендовал на метафизику. Несколько статей были опубликованы. Последний раз мы беседовали накануне Рождества. Беседа действительно оказалась последней.

— До недавнего времени политическая риторика в Беларуси делалась по образцу, предложенному кремлевскими мечтателями-большевиками. Моду определил сам Ленин в беседе с английским писателем-фантастом Гербертом Уэллсом.

Геннадий Грушевой: — 60 минут длилась беседа вождя революции с писателем, которого Ленин, по свидетельству Троцкого, охарактеризовал как законченного филистера, законченного мещанина, способного слушать, способного понимать собеседника, даже восхищаться им, но органически не могущего ему поверить и, следовательно, восторгаться светлым будущим.

Тем не менее книгу Уэллса «Россия во мгле», где Ленин называется «кремлевским мечтателем», Владимир Ильич читал по-английски, ее опубликовали и в России. Чтобы в очередной

раз изумиться непонятливостью западного человека, хотя ему рассказывают всю правду, ничего не скрывают.

Ленин не спорил с писателем, не принимал возражения англичанина, а сам, как ему казалось, выражался по существу. Признавал необходимость коренной перестройки России, ее нового перевоплощения. Вот, будьте любезны, воссоздаем промышленность, и что электрификация в России уже идет, что уже в порядке опыта электрифицированы два района, но электрифицируется вся огромная страна.

А писатель по-мещански недоумевал. Мол, электростанции строят и в Голландии, когда это рентабельно и эффективно. Но в разрушенной России?

Ленин соглашался, что в России чертовски трудно. Но вот через 10 лет будет исполнен план ГОЭЛРО, новые производительные силы вызовут новые производственные отношения, от которых возродится новый класс…

По Уэллсу — утопия, по-нашему — научная социальная практика.

Благодаря Уэллсу Ленин получил имя Кремлевского мечтателя, с которым он на Западе остался опасным авантюристом, а в социалистическом отечестве — деятельным прагматиком. И величайшим технократом: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно…»

Короче, небо в алмазах.

Об этом же говорил и Уэллс: «Марксистская теория подвела русских коммунистов к идее “диктатуры классово сознательного пролетариата”, а затем внушила им представление, — как мы теперь видим, весьма смутное, — что в России будут новое небо и новая земля. Если бы так случилось на самом деле, это было бы подлинной революцией в жизни человечества. Но судя по тому, что мы видели в России, там по-прежнему старое небо и старая земля».

Утверждают, что Ленин «видел», а его потомки — нет…

Ленина-коммуниста это тревожило, последователей — нет. Они не сомневались, что всех на свете победит электричество…

Лукашенко не мечтал, он просто нашел подрядчиков для строительства АЭС.

Прокопович мечтает завести в стране большое стадо коров средней (советской) удойности, Мясникович мечтает взыскать социальную пеню с тунеядцев.

Политическая элита мечтает накормить всех досыта синтетическими сосисками...

— Модернизация не удалась и в Германии, Италии...

— Давайте посмотрим, какие у кого имелись успехи в модернизации, почему случались срывы, периодические отказы в деятельности социального организма. В отдельные моменты группы стран как бы шарахались от этого процесса, возвращались назад, обращались к традиционализму.

Авторитетные источники, отвечая на вопрос о причинах этих шараханий, всегда указывают, что идея модернизации, идея отказа от исторического традиционализма обусловлена, во-первых, развитием международной торговли. Экономика первой нанесла удар по устоявшимся ценностям и технологиям. До 1860 года международная торговля занимала очень скромную долю в экономических отношениях. Если приходилось говорить об экономическом развитии той или иной страны, допустим, на публичной лекции, то профессор обычно ограничивался характеристикой национальной экономики. И этого было достаточно.

Разумеется, общественное разделение труда давно приобрело развитые формы, но обмен ограничивался рамками собственного государства. Национальные производители работали на национальный рынок, отечественные потребители покупали товары у собственных купцов.

Резкое оживление международной торговли началось благодаря развитию коммуникаций. Появилась возможность доставлять товар быстро — не на верблюдах, не на ишаках. Следующий шаг — развитие информационных систем. С их помощью можно было составлять перечень дефицитных товаров и услуг, оперативно передавать сведения своим корреспондентам, способствовать концентрации центров информации, их трансформации в банки. Они взяли на себя труд по оперативному обеспечению заявок клиентов в кредитах, финансовых услуг вообще.

Эта работа осуществлялась по новым транспортным технологиям: товары по прибытию в порты оперативно перегружались в вагоны и развозились по странам и континенту.

Недаром же правительство старой России придавало такое значение строительству железных дорог.

Что касается, образно говоря, интеллектуального обеспечения модернизации, то надо упомянуть марксизм, который настоятельно требовал все переделать. Впрочем, в эту работу многое внесло и любимое мною кантианство. В этой связи вспоминаю Эрнеста Кассирера, который культуру рассматривал как совокупность символических (язык, миф, религия, искусства, наука) самостоятельных форм, не сводимых в целое, но равноправных, автономных. Для них нет иерархии.

Отсюда возникает представление о том, что разум конструктивен, он не отражает реальность, он ее создает.

Благодаря таким интеллектуальным «уточнениям» прежних концепций, было положено начало процессу модернизации. Парадоксальным образом прежде всего не в сфере экономики, не в

сфере политики и социологии, но в «витринной» демонстрации модернизации.

Вот в сущности два процесса, которые пришли на смену тому, что люди представляли себе как исторический прогресс.

— Старое небо и обезображенная земля, на которой возводится еще один «мирный атом»?

— Когда мы говорим о нетипичности культуры, неком «алогизме» исторического процесса, то часто сталкиваемся с особенностями модернизации. Хотя, если посмотреть на мудрые приговоры дидактических посланий президента или какие-либо министерские меморандумы, они в основном требуют стандартизации работы, установления правил движения по пути модернизации.

Так и слышится — порядок должен быть!

Нечто подобное существует и в других странах. Технологии — вот они варьируются, к ним и остальные подтягиваются. Модернизация — в таком смысле — это стремление подняться к образцам, стандартам, которые кажутся лучшими. Имеет хождение не очень ангажированный в науке и политике взгляд, согласно которому модернизация отождествляется с инновационным развитием.

Получается, что модернизация выступает в качестве показателя инновационного развития общества в той или иной стране.

— Если так, то страны можно разделить по этим критериям в зависимости от их инновационной успешности. Назвать лидеров и аутсайдеров?

— Ну, с Беларусью все понятно. Лидер страны, его модель, что навязывается обществу в качестве основы всей государственной политики, о которой можно сказать коротко — единство слова и дела. Всеми доступными, приличными средствами или «гвалтам» проводится политика на удержание традиционалистских представлений. В экономике, в истории, в поддержании социальных заблуждений, привитых советским коллективистским воспитанием граждан.

Понятно, когда традиции, включая и мифы, и обычные заблуждения, имеющие хождение в общественном сознании населения, поддерживаются культурными сообществами. Когда «ремонтом ментальности» занимаются церковные или светские общественные организации. Но если ты руководитель государства не потому, что тебя назначили президентом, как некогда назначали генерального секретаря КПСС, а когда-то демократически избранный президент, то ты не имеешь права на конфронтацию с любой силой или организацией, которые действуют в рамках закона. Или с такими организациями, которые выступают за необходимые с их точки зрения общественные перемены.

Если лидер, президент государства не способен предотвратить конфронтации по этому поводу, он испытывает страну на прочность. Но если же президент сознательно провоцирует конфронтацию, к разным законным организациям относится поразному, он обрекает страну на гибель.

Президент совершенно определенно демонстрирует убогость интеллектуального кругозора, можно сказать, по-детски предъявляет общественности множество дипломов о высшем образовании, но непоколебимо стоит на позициях исторически изжившего себя СССР. Обыватель может утверждать, что и при советской власти не все было плохо, но президенту нельзя демонстрировать безоглядный восторг перед достижениями прошлого. Никто ведь не отрицает позитива, который был. Но он был исчерпан уже в последней трети XX века.

В восприятии Лукашенко вся наша социальная реальность стала принципиально, но одновременно искусственно, соединяться с достижениями прошлого. В современных процессах стали искать лучшие, можно сказать, генетические черты, продемонстрированные образцами застоя. Пугает, что психологически вполне аморфный Брежнев, творец и поклонник советского либерализма, оценивается в общественном сознании как подходящий во всех смыслах лидер, позволяющий каждому жить по принципу — кради, но не зарывайся.

А с другой стороны, в общественной психологии настроение определяется конспирологическими инсинуациями, запоздалыми озарениями КГБ, который всегда раскрывает публике тайны, давно рассекреченные постфактум. Через полвека и более после того, когда та или иная версия событий уже получила официальное признание в качестве научной истины, вдруг — на тебе! Все было не так, как было.

Думаю, что спецслужбы работают еще по заготовкам, некогда созданным на Лубянке по заказу еще советских структур. Вот сегодня пригодились. Да и жалко выбрасывать — добротно сработаны!

Образованная публика и та, что попроще, охотно принимают на веру все эти гэбэшные открытия, которые предлагают простые рецепты объяснения сложных вещей. Включайте телевизор и наслаждайтесь. Представляется, что там, где политика стала сферой публичной деятельности ответственных и заинтересованных граждан, конкурирующих с другими контролируемыми оппонентами, этот обывательский уровень давно преодолен. Гражданам пришлось пережить и психологический дискомфорт, и потери от того, что «не все в нашей стране хорошо», и почувствовать гнетущее ощущение грядущих глобальных потрясений.

Воленс-ноленс, населению приходится привыкать к тому, что никакое правительство не собирается

делать твою работу за тебя. Хорошо бы ему выполнить свои собственные задания!

— Обратим внимание — в Украине возник уже целый перечень президентов. Кравчук, Кучма, Ющенко. Янукович, о котором многие говорили: «Наш найкращий»!

— А у нас такого нет. Вот в этом все различие. Ничего не надо рассказывать: что белорусы «памяркоўныя», что они не готовы к проявлению своей «самости». В Украине была динамика. Часто революцию сравнивают с женщиной, которая освободилась от бремени, поскольку не имела возможности выбирать. А в Беларуси случился сбой. Так бывает — когда плод развивается аномально, он погибает в чреве, но как бы зашлаковывается для спасения матери. Если это так, то надежда на успех остается, и общество может списать случившееся на игру природы, на то, что так звезды сошлись. В следующий раз, мол, карты лягут иначе.

Но никто нам не компенсирует потерь, которые мы понесли в этой исторической заминке. Мы теряли деньги и время. Вдвойне досадно, что не малые, не лишние. Лишних денег Беларусь никогда не имела, а возможностей распорядиться своим временем в своих интересах тоже не имела. Если взглянуть на ситуацию прагматично, можно оценить наши потери. С конца 90-х годов (кстати, это тоже в контексте модернизации) развивающиеся рынки пережили заметное ускорение. Это пережили и так называемые переходные страны, такие как Беларусь. Но насколько мощно выстрелили Бразилия, Индия, отдельные африканские страны, Китай! Не только декларировавшие, но показавшие примеры инновационного восхождения в будущее. Хотя и они не могли совладать с инфляцией, коррупцией, внешними долгами, но эти рынки серьезно воспринимались мировым экономическим сообществом. Сюда потянулись основные инвесторы, ведомые стремлением к гарантированным прибылям и возможностями создавать и участвовать в долгосрочных выгодных проектах.

Я бы не сказал, что демонстративное давление глобальных игроков на инновационные рынки было ошибочным. Определенные результаты они получили. Интересно другое. Эти рынки могут и дальше успешно развиваться в течение 20–30 лет и получат соответствующие интеллектуальные и финансовые вливания ведущих игроков.

На этом фоне редукция России до 1,7% производства ВВП (данные на момент нашей беседы. — *К. С.*) свидетельствует о безысходности. С чего Путин в экономике начинал, придя во власть, — он к этой проблеме вернулся, вновь воцарившись на посту президента. Сегодня российское правительство критикуют не только люди на улице, но и сами чиновники, и менеджмент частного сектора. Вместо роста ожидают спад.

— Есть такая шутка с долей шутки: Западу не надо расти в количестве, надо устраиваться поудобнее.

— Я и говорю о развивающихся рынках. Ведь они в большей степени интересны были для Беларуси, получали очень серьезные западные инвестиции. Эти страны серьезно прибавили в динамике, к ним можно было пробиваться не только с калийными удобрениями. Надо было продавать им наши приборы, станки, тракторы. Всяко легче, нежели в Европе, но надо начинать. Именно на этих рынках. А рынки — это партнеры, партнерские отношения. Твой азиатский партнер не обязательно поможет тебе в Европе, но вероятность такая есть.

— Белорусы склонны позиционировать себя европейцами, но при этом хорошо понимают, что шагать нам в эту Европу и трудно, и далеко. Может, для начала пройти путем Бразилии, которая упешно справилась с проблемами трансформации?

— Повторяю, что, модернизируясь, учитывая факт глобализации, эти страны всегда принимают некоторые вещи в качестве образцов для подражания. Они не создавали их органически, но соглашались, что их надо адаптировать к своим условиям. Они практикуют имитации. Всегда некоторая модель принимается как образец для подражания, и большинство стран практикуют имитацию западных «прототипов».

Не поэтому ли, к слову, за последние 15–20 лет контрафакт вырос в десятки раз?

Импортируется в большинстве не качественный товар, а на 80% более дешевый. Но в высокой степени статусный. Сделана вещь в Китае или на Тайване, но с «лэйбом», и покупатель прикасается к «посвященным».

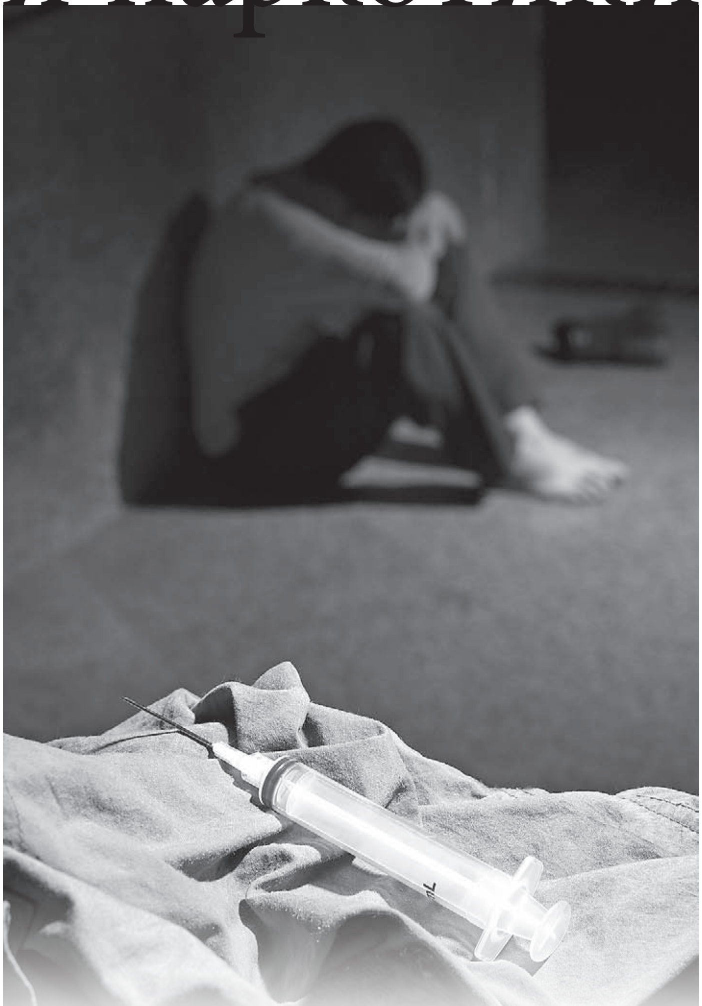
— У патриотического обывателя возникает недоумение — почему наши не могут?

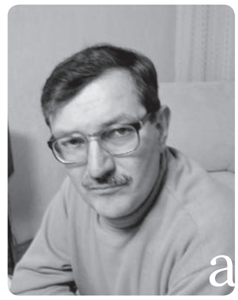
— Если говорить о конкретной промышленной политике, то белорусский потребитель поддерживает иностранного производителя. А почему?

Вот это и есть то противоречие, о котором я уже говорил. Промышленные образцы возникли благодаря глобализации, их можно разглядеть даже на экране нашего «Горизонта». И убедиться, что наши заводы не выпускают такой продукции. Не могут или не хотят.

В чем проблема такого традиционалистского устройства отечественной экономики? В том, что мы за 20 суверенных лет не сделали прорыва в технологической сфере. Занимаемся улучшением, но возможности совершенствования устаревших образцов исчерпали себя.

Беларусь и наркотики

Леонид
МИХЕЙЧИКОВ

В минувшем номере «А» мы пытались разобраться в причинах и истоках пьянства, которое процветает в деревнях и поселках нашей страны. Сегодня обращаем ваше внимание на не менее острую проблему — употребление наркотиков. Что думают на сей счет наши сограждане, считают ли достаточными меры, направленные на борьбу с этой чумой, которая широко распространилась в минувшем веке и успешно переползла в день сегодняшний.
Только цифры, факты и сравнительный анализ, предоставленный белорусскими социологами.

Актуальность проблемы

На протяжении нескольких лет сотрудники социологического центра ООО «ЗЕРКАЛО-ИНФО» интересовались у граждан страны, как они оценивают проблему наркомании для Беларуси. В ходе республиканского зондажа общественного мнения, проведенного в июле 2009 года, респондентам предлагалось ответить на вопрос: **«Как Вам кажется, наркомания в Беларуси — это…»** (табл. 1).

Три четверти опрошенных (75 %) горожан и сельчан указали, что наркомания в Беларуси — это *«очень серьезная»* или *«довольно серьезная»* проблема. Еще 12 % признали наличие проблемы наркомании, правда, на уровне *«не очень серьезной»* проблемы. Лишь 4 % респондентов считают, что тема наркомании в Беларуси раздута средствами массовой информации. И только 10 % горожан и сельчан затруднились ответить на предложенный вопрос. Результаты опросов — явное свидетельство того, что функционирование наркотиков в стране имеет место и оно находится в поле зрения представителей всех социально-демографических групп населения республики. Причем люди не только замечают и воспринимают эту проблему, но и оценивают степень ее серьезности.

Таблица 1
Как Вам кажется, наркомания в Беларуси — это… (%)*

Очень серьезная проблема	44
Довольно серьезная проблема	31
Не очень серьезная проблема	12
Такой проблемы нет, она раздута средствами массовой информации	4
Затрудняюсь ответить	10

**** Общенациональное исследование проведено со 2 по 12 июля 2009 года. Метод опроса — интервьюирование-анкетирование жителей Республики Беларусь 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено около тысячи семисот (1 712) респондентов. Контролируемые параметры — область проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности — в пределах 3 %.***

В мае — июне 2011 года социологи попросили граждан оценить степень актуальности ряда проблем текущего времени. Среди них указывалась

Таблица 2
В какой мере Вас беспокоят нижеперечисленные проблемы нашего общества? (предлагалось выбрать один ответ, %)*

Проблемы	Очень беспокоят	Скорее, беспокоят, чем не беспокоят	Скорее, не беспокоят, чем беспокоят	Не беспокоят	Затрудняюсь ответить
Рост цен	87	11	1	1	0
Снижение доходов	78	17	2	1	2
Алкоголизм	44	36	9	7	4
Наркомания	42	34	11	7	6

*** Национальный опрос жителей Беларуси проведен с 30 мая по 13 июня 2011 года социологическим центром ООО «ЗЕРКАЛО-ИНФО». Метод опроса — интервьюирование-анкетирование граждан страны 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено полторы тысячи (1 500) респондентов. Контролируемые параметры выборки — место проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности не превышает 1,1 %.**

Таблица 3
Насколько, на Ваш взгляд, в Беларуси распространены следующие проблемы и сталкивались ли Вы с подобными явлениями среди Ваших близких, соседей, знакомых? (предлагалось выбрать один ответ, %)*

Проблемы	Довольно распространенное явление	Встречается, но не часто	Встречается очень редко (не встречается)	Затрудняюсь ответить
Пьянство, алкоголизм	58	29	10	3
Употребление наркотиков	7	17	39	37

*** Социологическое исследование проведено с 1 по 16 марта 2008 года. Метод опроса — интервьюирование-анкетирование жителей Республики Беларусь 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено около трех тысяч респондентов (2 845). Контролируемые параметры — область проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности не превышает 3,4 %.**

и проблема наркомании (табл. 2). Респондентам предлагалось оценить больше проблем, но в таблице отражены важнейшие из них и анализируемая в данном материале.

По-прежнему три четверти опрошенных горожан и сельчан (76 %) отметили, что проблема наркомании их *«очень беспокоит»* или *«скорее, беспокоит, чем не беспокоит»*. Заметим, что рассматриваемая проблема на тот момент волновала жителей страны больше, чем вопросы обороноспособности, рост цен и спортивные достижения Беларуси.

Распространение

Естественно, возникает закономерный вопрос, насколько реальна обеспокоенность наших сограждан этой проблемой, на чем конкретно базируются их мнения и позиция общественности?

Еще в ходе республиканского опроса в марте 2008 года практически трем тысячам респондентов было предложено ответить на вопрос: **«Насколько, на Ваш взгляд, в Беларуси распространены следующие явления и поступки среди Ваших близких, соседей, знакомых?»** В табл. 3 отражены лишь два явления, в анкете их было больше. Среди ряда злободневных вопросов, антисоциальных действий респондентам было предложено оценить и проблему употребления наркотиков.

7 % горожан и сельчан указали, что употребление наркотиков в Беларуси — это *«достаточно распространенное явление»*. Каждый шестой респондент (17 %) придерживался мнения, что наркомания встречается в республики, *«но не часто»*. Итак, практически каждый четвертый (24 %) опрошенный житель страны наслышан о фактах употребления наркотиков.

Это негативное социальное явление по распространенности не сравнимо с пьянством, алкоголизмом, но с проблемой наркомании люди также сталкиваются. А убеждения граждан, общественное мнение базируются на реальных фактах.

Более того, отвечая через год (март 2009 года) на вопрос: **«Как Вы считаете, в условиях развития мирового кризиса среди Ваших родных и знакомых в целом возрастут, останутся на прежнем уровне или снизятся следующие явления, действия, качества?»** (табл. 4) — каждый пятый респондент (21 %) предполагал рост употребления наркотиков. А около трети (30 %) полагали, что наркомания останется на прежнем уровне.

Таблица 4
Как Вы считаете, в условиях развития мирового кризиса среди Ваших родных и знакомых в целом возрастут, останутся на прежнем уровне или снизятся следующие явления, действия, качества? (%)*

Явления	Возрастут	Сохранятся	Снизятся	Затрудняюсь ответить
Пьянство, алкоголизм	34	33	6	27
Наркомания	21	30	5	44
Курение	23	42	7	28

*** Социологическое исследование проведено с 13 по 27 марта 2009 года. Метод опроса — интервьюирование-анкетирование жителей Республики Беларусь 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено около полутора тысяч (1 492) респондентов. Контролируемые параметры — область проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности не превышает 3 %.**

Потребление

Еще более убедительным свидетельством распространения «чумы XX века» являются факты непосредственного употребления наркотиков самими респондентами. Понятно, вопрос этот достаточно интимен для каждого человека, поэтому можно и не получить полной искренности в ответах. Тем не менее в ходе республиканского опроса, проведенного в июле 2009 года, социологи предложили гражданам страны ответить на вопрос: **«Пробовали ли Вы когда-либо сами наркотики (без медицинских показаний)?»**

Большинство ответивших граждан (90 %) отметили, что сами наркотики не употребляли (табл. 5). На «знакомство» с наркотиками указало лишь 5 % респондентов. И такое же количество (5 %) опрошенных лиц уклонилось от ответа.

Таблица 5
Пробовали ли Вы когда-либо сами наркотики (без медицинских показаний)? (%)*

Да	5
Нет	90
Отказ от ответа	5

**** Социологическое исследование проведено со 2 по 12 июля 2009 года. Метод опроса — интервьюирование-анкетирование жителей Республики Беларусь 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено около тысячи семисот (1 712) респондентов. Контролируемые параметры — область проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности — в пределах 3 %.***

Практически с аналогичным вопросом: **«Случалось ли Вам употреблять наркотики?»** — социологи обратились к жителям Беларуси в октябре 2013 года (табл. 6).

Таблица 6
Случалось ли Вам употреблять наркотики? (предлагалось выбрать один ответ, %)*

Нет, никогда не употреблял	92
Употреблял раньше	4
Употребляю, но редко	1
Затрудняюсь ответить	3

**** Республиканский опрос жителей Беларуси проведен с 9 по 21 октября 2013 года. Метод опроса — интервьюирование-анкетирование граждан страны 18–70 лет. По пропорционально-квотной выборке опрошено полторы тысячи (1 501) респондентов. Контролируемые параметры выборки — место проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности — около 3 %.***

Большинство — 92 % опрошенных горожан и сельчан — сказали, что наркотики «*никогда не употребляли*». 4 % респондентов признались, что «*раньше употребляли*», а 1 % указали, что прибегают к наркотикам и сейчас, «*но редко*». И 3 % респондентов затруднились (или постеснялись) честно ответить на предложенный вопрос.

Среди употреблявших наркотики раньше 68 % составляют мужчины и 32 % — женщины. Т. е. среди бывших наркоманов число представителей сильного пола более чем в два раза превышает количество представительниц прекрасной половины человечества. Практически все бывшие

потребители наркотиков — люди в возрасте 18–49 лет. При этом 55 % — граждане 30–49 лет.

Среди тех, кто продолжает изредка употреблять «зелье» в различных его видах, мужчины составляют 92 %. И чуть ли не две трети среди них — это молодые люди в возрасте 18–29 лет (62 %). Ранее их было 36 %. Можно предположить, что интерес к наркотикам в нашей стране «прививается» с юных лет. Практически все редко употребляющие наркотики — лица со средним и средним специальным образованием. В профессиональном плане преобладают рабочие и безработные, студенты и учащиеся.

Респонденты, затруднившиеся ответить на вопрос, представлены как мужчинами (80 %), так и женщинами (20 %). В подавляющем большинстве это люди 18–49 лет (93 %), лица с высшим и средним образованием (90 %). В профессиональном плане среди респондентов, затруднившихся определить, употребляют они наркотики или нет, больше рабочих и безработных, предпринимателей, а также работников сферы обслуживания и торговли.

Относительно граждан, «затруднившихся ответить» на простой, но слишком личный вопрос анкеты можно предполагать все что угодно. В том числе и то, что они лукавят, боясь последствий искреннего ответа, или опасаются введения очередного «налога» со стороны родных законодателей. А может, они действительно не знают, что такое наркотики?!

Резюме

Вот уже на протяжении как минимум пяти последних лет более половины граждан Беларуси (75 %) обеспокоены проблемой, связанной с употреблением наркотиков.

О том, что эта проблема реальна, свидетельствуют суждения респондентов. Около четверти горожан и сельчан указывают на факты употребления наркотиков их близкими, соседями или знакомыми. Правда, только 7 % опрошенных белорусов оценивают потребление наркотиков как «*довольно распространенное явление*», но и за этой цифрой стоят судьбы конкретных людей.

К тому же в условиях мирового кризиса, в ситуации постоянных экономических потрясений в Беларуси распространенность наркомании у нас, по мнению граждан, может только возрасти.

Отдельные респонденты, отвечая на вопрос о личном употреблении наркотиков, признались, что имели или имеют практику близкого общения с дурманящим «зельем».

Сравнение возрастных характеристик бывших наркоманов и тех, кто и сейчас употребляет «зелье», наталкивает на мысль, что раньше наркотики воспринимались как элемент моды, которая пронизывала все возрастные группы населения страны. Сейчас же наркотики превратились в элемент молодежной субкультуры. Ведь среди тех, кто продолжает употреблять «зелье», чуть ли не две трети — молодые люди в возрасте 18–29 лет (62 %). В 2009 году их было 53 %. Рост на 9 % должен вызывать серьезное беспокойство со стороны государства и общества.

Можно смело предположить, что, зная законодательство Беларуси, граждане далеко не всегда давали искренние ответы на этот вопрос анкеты. Скорее всего, реальное количество наркоманов в стране гораздо большее.

Заметим также, что в поле зрения социологов не попали подростки до 18 лет (тинейджеры). Именно в этой среде, если верить оперативным сводкам силовых структур, дурманящее «зелье» имеет наиболее широкое распространение.

Рост алкоголизации страны также способствует распространению наркомании. Здесь прослеживается прямая взаимосвязь, ибо наркоманов больше всего среди наиболее активных потребителей алкоголя.

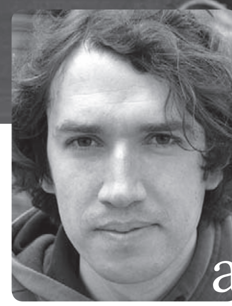
Среди юношей и девушек до 29 лет прослеживается несколько иная тенденция. Молодые люди реже употребляют алкогольные напитки. Но некоторые из них, как бы минуя стадию алкоголизма, начинают «ловить кайф» с помощью наркотиков.

Обнадеживает, однако, тот факт, что подавляющее большинство — 92 % взрослых жителей Беларуси — никогда не употребляли наркотиков. Если, конечно, ответы респондентов были достаточно искренними.

Жыццё ў электрычцы

Колькі часу мы трацім на тое, каб трапіць на працу? Пасля першых падлікаў агортвае сум па страчаных гадзінах жыцця. Але зірнём на гэта з іншага боку — гэта таксама жыццё, якое і мучыць, і вучыць.

Сямён ПЕЧАНКО

Я жыву ў прыгарадзе. Штодзень на працу еду электрычкамі і ў метро. У сярэднім у цягніках я кожны дзень праводжу каля гадзіны з паловай. У тыдзень — сем з паловай гадзін, у месяц — каля трыццаці. То бок суткі з чвэрцю ў месяц я трачу на дарогу ў цягніках. З канца мінулага года і да сярэдзіны сёлетняга я амаль кожныя выходныя ездзіў па сямейных справах міжгароднімі цягнікамі. Дарога туды-назад займала каля шасці гадзін. Я падлічыў, што такіх паездак было ў сярэднім тры на месяц. Гэта яшчэ васямнаццаць гадзін да тых трыццаці, што я бавіў у электрычках і метро.

Калі чатыры гады таму мы з жонкай перасяліліся ў Заслаўе і пачалі ездзіць на працу электрычкамі, мой калега пажартаваў: хоць пачуеш і пабачыш, чым народ жыве. Як у ваду глядзеў — пачуў і пабачыў шмат, што-кольвек зараз раскажу.

Пра вечнае

Праргрэс не стаіць на месцы. Колькі гадоў таму ў электрычцы яшчэ звярталі ўвагу на ноўтбук на каленях. Маладзейшыя часцей глядзелі з зайздрасцю, людзі сталага веку — з сумессю цікаўнасці і неадабрэння. Цяпер жа можна сустрэць і пенсіянера з планшэтам. Пасажыры электрычак яшчэ чытаюць «жывыя» газеты і кнігі, але варта згаснуць у цягніку на нейкі час святлу, як можна пабачыць: ці не палова засяроджаных твараў падсвечаныя экранамі і маніторамі.

Гандляры і музыкі, што зарабляюць у прыгарадных цягніках, узброіліся гукаўзмацняльным абсталяваннем — і ўвагу пасажыраў прыцягвае, і горла беражэ.

І ўсе ж ёсць нязменнае ў электрычках, непадуладнае модзе і часу. Гэта курыная нага, памятыя памідоры і падмоклы хлеб. За такім простым і вечным сілкаваннем рэгулярна заўважаю і ўладальніц доўгіх пазногцяў з белымі айподамі, і дачніц з просценькай «нокіяй» і пачарнелымі ад бясконцых прапалак пальцамі.

Пра сегрэгацыю

Як толькі з'явіліся ў нас гарадскія электрычкі, у іх жадалі праехацца ўсе: і дачнікі, і студэнты, і цэлыя сем'і з малымі і не вельмі дзецьмі. Пасля пільнага даследавання абсталявання навюткага цягніка (з экскурсіяй у прыбіральню) і рытуалу гашэння талонаў у прыгожых кандуктарак — абавязковая фотасесія.

Пазней, калі большасць задаволіла сваю цікаўнасць, вымалявалася асноўная кліентура швейцарскіх цягнікоў. І хоць у маім унутраным ужытку адразу з'явіліся ўласныя азначэнні электрычак: гарадская — буржуйская, прыгарадная — пралетарская, гэты падзел праходзіць, хутчэй, не па лініі заможнасці пасажыраў, а па іх стаўленні да камфорту. Тым больш што розніца ў коштах на квіткі не настолькі істотная. Тое самае можна пабачыць у міжгародніх цягніках, дзе ёсць вагоны з простымі драўлянымі сядзеннямі і вагоны павышанай камфортнасці. Кошты і тут не адрозніваюцца ў разы. Справа, хутчэй, у стаўленні да ўласна камфорту. Камусьці жыццёва неабходна пачуцце локця, іншы гатовы даплаціць, каб мець утульную адлегласць да таго самага суседа.

Пра падман зроку

У вагоне едуць два пенсіянеры. Абодва вельмі сціпла апранутыя, з выгляду — простыя рабацягі. Адзін з іх выцягвае з кішэні пацёрты мабільнік, танны і просты «бабкафон», скупа буркае суразмоўцу: «Хутка буду, Жданцы праехалі». Другі мужчына таксама цягнецца ў кішэню і дэманструе нам катлетападобны смартфон. Гэта не танны «кітаец», якім можа пахваліцца кожны другі жыхар электрычкі, гэта тэлефон вядомага брэнду з адпаведным коштам. Дзядуля спрытна водзіць пальцамі па вялізным экране, хутка перамаўляецца з кімсьці, устае і сыходзіць пад скептычны позірк суседа. Гэты позірк нібы кажа: «Вось табе і пенсіянер! І навошта табе такая дарагая цацка, калі ты апрануцца нармальна не можаш?»

У гэты момант у вагон заходзіць музыка і пачынае граць нейкае вар'яцкае папуры.

«Вы маеце музычную адукацыю?» — нечакана звяртаецца да мяне пенсіянер. Я кажу пра музычную школу ў дзяцінстве, і ён задаволена працягвае: «Я яго яшчэ раніцай чуў. Не заплаціў тады і зараз ні капейкі не дам. Як жа можна так брыдка граць “Паланэз” Агінскага? Ён жа фальшывіць у кожнай ноце».

Не верце таму, што часам бачаць вашы вочы! І не рабіце паспешлівых высноваў, заснаваных на павярхоўным знаёмстве з фасадам.

Пра рускіх

Дзіўнае пачуцце агортвае ў расійскіх цягніках. Рэйс Масква — Парыж, едзем праз Беларусь. Бацька тлумачыць маленькім дочкам: «Польша — это не город. Это государство, как и наша страна. Только маленькое… Белоруссия — это другая страна, иностранное государство, у них свои законы, свои порядки… Да, они говорят на русском, но они другие. Не европейцы еще, но уже и не русские».

У гэты момант, у пэўным сэнсе праз шчырасць суседа па вагоне, я адчуваю сябе сапраўдным замежнікам на тэрыторыі чужой краіны, хоць мы яшчэ ў Беларусі.

Буду шчыры: расійскія цягнікі мне не падабаюцца. Магчыма, гэта мне так не шчасціць, але, колькі б я ні ездзіў на маскоўскіх і піцерскіх у кірунку Брэста, там заўсёды непрыбрана. Пакінутае іншымі пасажырамі смецце можа праляжаць на тваім століку ад пасадкі ў Мінску да высадкі ў Бярозе, але праваднік, хутчэй, прапануе табе латарэю «Расійскія чыгункі», чым прыбярэ чужы пачак ад чыпсаў. І вось жа — магчыма, гэта таксама супадзенне — кожнаму такому неахайнаму праводніку нашы пасажыры будуць дзякаваць ад усяго сэрца. Нашым жа, што шчыруюць у вагоне ўсю дарогу нібы пчолкі, скупа выціснуць праз зубы «шчасліва».

Пра гастарбайтараў

Не заўсёды паспееш набыць квіток у камфортны вагон. Аднойчы перад святамі быў шчаслівы ўхапіць які заўгодна. Так трапіў у «драўляны» вагон. Перада мной кампанія рабацягаў, абветраныя твары і рукі, збітыя пазногці. Размовы ў асноўным круцяцца вакол кубаметраў, расцэнак і казла-прараба. П'юць усю дарогу. Адзін мужчына выбіваецца з кампаніі сваёй камплекцыяй. Шчуплаваты, дробны з твару, бледны. Але ад таварышаў не адстае. Яны ўжо высмакталі па тры паўтарашкі піва і хоць бы што, а ён ужо лыка не вяжа. Вочы ловяць фокус, словы не вяжуцца. Калегі смяюцца: «Сярога, ты б хоць з'еў чаго! П'яны зусім!» І даюць калегу чабурэк у поліэтыленавым пакеце. Той ужо ў такім стане, што пачынае есці чабурэк, не распакоўваючы. Жуе цеста разам з пакетам і крыва ўсміхаецца. Сябрынебаракі спачатку рагочуць. Аж да ікаўкі і слёз. А потым сцішваюцца, зыркаюць навокал, выціраюць Сярогу твар сурвэткай і кладуць спаць. Перад гэтым соваюць той злашчасны недаедзены чабурэк яму ў торбу.

У нетрах пыльнай валізы яркай плямай свеціцца вялізная пухнатая цацка. «Зацаніце, пацаны, якога мішку Серы сваёй дачцэ купіў», — сцішана кажа адзін з рабацягаў і зашпільвае торбу.

Пра міліцыю

Калі еду дамоў, то іду ў пачатак цягніка. У апошнім вагоне, як правіла, неспакойна. Менавіта туды часцей за ўсё выклікаюць міліцыю. Хоць часам здараецца рознае і ў «спакойных» вагонах. Можна не любіць міліцыю, смяяцца з паходкі амапаўцаў — нібы ім нешта цісне ў штанах, але, калі на тваіх вачах у вузкім праходзе вагона пачынаюць валтузіцца ждановіцкія гопнікі, робіцца не да жартаў і антыпатый.

…Вяртаюся ўвечары з працы. Слухаю музыку і раптам бачу, як выцягнутыя твары пасажыраў расквечваюць усмешкі. Выцягваю слухаўкі з вушэй: машыніст цягніка вядзе рэпартаж. «Вы будзеце смяяцца, але ў пятым вагоне ізноў бойка. А міліцыі ўсё яшчэ няма», — па-змоўніцку басіць машыніст, змаўкае на колькі хвілін і ўрачыста выдае фінал: «Не хвалюйцеся, паважаныя пасажыры, канфлікт улагоджаны агульнымі намаганнямі і што асабліва прыемна — без выкарыстання спецыяльных сродкаў!»

…Чарговы вечар у электрычцы, знаёмае паведамленне па гучнай сувязі. Хтосьці з пасажыраў бурчыць, што «калі трэба, то мянтоў днём з агнём не знойдзеш». У гэты момант у вагон заходзіць міліцыянтка з мужчынам у цывільным, сядаюць. У міліцыянткі няма бэджа, дубінка нязграбна тырчыць з торбачкі. Па гучнай сувязі манатонны голас просіць прайсці ў вагон № 3 супрацоўнікаў міліцыі — бойка. Мужчына шэптам просіць: «Сядзі ўжо, ты адпрацавала сваю змену». Міліцыянтка падхопліваецца, моўчкі выцягвае спецсродак з торбачкі, машынальна правярае балончык з газам — на месцы — і кіруецца ў трэці. Мужчына зіркае на мяне і бурчыць: «Праца такая, ага».

Пра кантралёраў

Страх кантролю ў нас у крыві. Гэта добра бачна па пасажырах электрычак. У многіх рукі трасуцца пры відзе кантралёраў нават тады, калі яны едуць з квітком ці праязным. Хутчэй выцягнуць, паказаць! Ці не таму часцей за ўсё большасць заступаецца за безбілетнікаў, нават тады, калі ад «зайца» патыхае свежавыпітым чарнілам і ён звычайны хам, які не саромеецца абкласці мацюкамі жанчыну. Так многія з нас даюць выхад гэтаму самаму страху перад чалавекам у форме.

…Еду ўвечары, па звычцы слухаю музыку. Бачу перад сабой выцягнутую руку ў чаканні квітка. Нарошчаныя пазногці са стразамі. Спачатку не разумею, навошта на такой працы педыкюры з манікюрамі. А потым лаўлю сябе на думцы, што гэта адзін з нешматлікіх спосабаў у кантралёрак нагадаць іншым, што яны жанчыны. Бо форма ў нашых кантралёраў, як на мой густ, такая, што асабліва зімой трэба прыглядзецца, хто перад табой — жанчына ці мужчына.

…Група кантралёраў амаль скончыла праверку. Адна з жанчын пераконвае безбілетніка аплаціць праезд, той ляніва мацюкаецца. Мужчына-кантралёр, сярэдняга росту, такі ж бясформенны ў сінім бушлаце, як і яго напарніцы, кліча: «Кінь дурное, няхай едзе! Ідзі сюды, што пакажу!» Выцягвае з пакета слоік з карнішонамі: «Колькі ўжо хадзіў у магазіне міма, аблізваўся колькі, а сёння не вытрымаў!» Раздае калегам вільготныя сурвэткі, адкаркоўвае слоік, раздае агурочкі. «Зараз бы гэта…» — пачынае ён з усмешкай. «Ціха! Мы яшчэ на працы», — смяецца ягоная калега, трымаючы нарошчанымі пазногцямі карнішон…

Фота аўтара

Сацыяльныя сеткі імкліва страчваюць папулярнасць

Разнастайныя медыя навыперадкі імкнуцца замацавацца ў сацыяльных сетках, і сёй-той усё яшчэ сцвярджае, што прафесійная журналістыка пад пагрозай з прычыны развіцця «сеткавых навін» ды блогерства.

Але апошнія даследаванні сведчаць: карыстальнікі інтэрнэту страчваюць цікавасць да сацыяльных сетак.

Не менш за 10% карыстальнікаў пакінулі «Твітар», каля 9% — «Фэйсбук», сцвярджаюць эксперты YouGov у дакладзе «Сацыяльныя медыя-2014».

55% апытаных заявілі, што страцілі цікавасць да інтэрнэт-зносін. 26% вырашылі схаваць сваё жыццё ад чужых вачэй і выдалілі свой акаўнт. 21% не задаволены дакучлівай інтэрнэт-рэкламай. Кожны шосты не хоча, каб нехта чужы падглядаў і каментаваў ягонае жыццё. Як паведамляе Myjane, гэта ў асноўным дарослыя людзі.

Раней эксперты-медыкі выявілі, што фанаты сацыяльных сетак часцяком канфліктныя з блізкімі людзьмі ды сямейнікамі. Сацыяльныя сеткі выклікаюць эмацыйнае аддаленне людзей ды нават правакуюць пазашлюбныя сувязі, папярэджваюць даследчыкі.

